

**БЕЛОРУССКО-КИТАЙСКИЙ
КУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ:
ИСТОРИЯ, СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ,
ПЕРСПЕКТИВЫ**

Сборник научных статей

**МИНСК
РИВШ
2014**

УДК
ББК

РЕЦЕНЗЕНТЫ:

доктор педагогических наук, профессор
Н.Н.Нижнёва (Минск)
кандидат филологических наук, доцент
С.Е.Олейник (Минск)

Редакционная коллегия:

Хмельницкий Н.Н., Крылова С.И., Молоткова Ю.В., Вэй Вэй

Под научной редакцией

кандидата филологических наук, доцента Н.Н.Хмельницкого

Белорусско-китайский культурный диалог: история, современное состояние, перспективы: сборник научных статей / под научн. ред. Хмельницкого Н.Н. – Минск: РИВШ, 2014. – 96 с.

ISBN

Рассматриваются история и перспективы диалога белорусской и китайской культур, актуальные проблемы преподавания китайского языка и литературы в Беларуси, современное состояние переводоведения двух стран.

Для студентов-филологов, преподавателей-китаеведов и всех, кто интересуется вопросами белорусско-китайского культурного и образовательного диалога.

УДК
ББК

ISBN

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Уважаемый читатель! Вашему вниманию предлагается книга, подготовленная кафедрой китайской филологии филологического факультета Белорусского государственного университета при финансовой поддержке Республиканского института китаеведения имени Конфуция БГУ.

Данное издание – результат плодотворной работы двух «круглых научных» столов «Белорусско-китайский культурный диалог» (первый состоялся в марте 2012 года, второй – 2 апреля 2013 года), которые стали традиционным мероприятием кафедры китайской филологии. В работе этих научных форумов приняли участие учёные и преподаватели Республики Беларусь и Китайской Народной Республики. Проведение таких «круглых столов» (и это доказала практика) способствует и будет способствовать распространению китайского языка, литературы в Беларуси, а также положительно влиять на имидж вузов-партнеров.

Нужно отметить, что необходимые внимание и поддержку кафедре китайской филологии, белорусским студентам-китаистам оказывает Посольство Китайской Народной Республики. В работе круглого стола ежегодно принимают участие секретари Посольства КНР в Республике Беларусь (г-н Мэй (2012г.), г-н Ван Дацзюнь (2013г.)), которые в своих приветственных словах подчеркнули важность проводимого мероприятия, а также заинтересованность китайской стороны в эффективном развитии партнёрских отношений в сфере образования и культуры. На открытии круглого стола декан филологического факультета профессор И.С. Ровдо рассказал о становлении и развитии китаистики на филологическом факультете, о системе подготовки высококвалифицированных специалистов, что способствует распространению китайского языка в Беларуси и повышает интерес к белорусской и китайской культурам у граждан наших стран. На втором заседании директор Республиканского института китаеведения имени Конфуция профессор А.Н.Гордей рассказал о перспективном сотрудничестве структурных подразделений, а также передал в дар кафедре китайской филологии 500 экземпляров учебных и учебно-методических пособий для студентов-китаистов филологического факультета.

Организаторы и редколлегия «круглых научных» столов «Белорусско-китайский культурный диалог» выражают слова искренней благодарности всем участникам этого научного форума, которые любезно предоставили материалы для публикации в данном сборнике.

КІТАІСТЫКА НА ФІЛАЛАГІЧНЫМ ФАКУЛЬТЭЦЕ БДУ

На сучасным этапе ў нашай краіне назіраецца актывізацыя міжнароднага супрацоўніцтва з Кітайскай Народнай Рэспублікай па ўсіх напрамках: эканамічным, грамадска-культурным, адукацыйным, што абумоўлівае значную патрэбу ў падрыхтоўцы высокакваліфікаваных і кампетэнтных спецыялістаў. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт у гэтай справе выконвае пачэсную і адказную місію, рыхтуючы кадры для розных галін вытворчасці, навукі і адукацыі.

Валоданне замежнымі мовамі з улікам спецыфікі дзейнасці выступае ў якасці важнейшага сродку падтрымкі і пашырэння сацыяльных, эканамічных і культурных сувязей з іншымі краінамі, руху дасягненняў беларускай навукі, тэхнікі, вытворчасці на сусветнай арэне. Асаблівую актуальнасць у кантэксце вышэйсказанага набывае навучанне кітайскай мове, літаратуры, культуры, што дазваляе павысіць прафесійную канкурэнтназдольнасць спецыялістаў, выпускнікоў ВНУ, іх адкрытасць у справе наладжвання новых партнёрскіх стасункаў.

На філалагічным факультэце БДУ, пачынаючы з 2001 года, ажыццяўляецца навучанне студэнтаў па спецыяльнасці “Усходняя (кітайская) філалогія”, якія атрымліваюць наступную кваліфікацыю: “Філолаг. Выкладчык кітайскай мовы і літаратуры, англійскай мовы. Перакладчык”. Падрыхтоўка кадраў па дадзенай спецыяльнасці павінна вырашыць шэраг важных задач: па-першае, забяспечыць зменлівы рынак працы высокакваліфікаванымі і функцыянальна граматычнымі работнікамі; па-другое, задаволіць запатрабаванасць у перакладчыках і выкладчыках кітайскай мовы, што абумоўлена актыўнымі сувязямі Беларусі і Кітая.

Сучаснае жыццё вылучае свае прыярытэты ў адукацыйнай парадыгме: не простае веданне фактаў, не ўменні і навыкі як такія, а здольнасць выкарыстаць, прымяніць набытае; не аб’ём інфармацыі, а ўменне атрымліваць яе і мадэліраваць; не пасіўнае выкарыстанне, а стварэнне і супрацоўніцтва, улік і развіццё індывідуальнасці. Такія зыходныя прынцыпы ў справе падрыхтоўкі студэнтаў спецыяльнасці “Усходняя (кітайская) філалогія” імкнецца рэалізаваць прафесарска-выкладчыцкі склад філалагічнага факультэта. Першы выпуск студэнтаў-кітаістаў адбыўся ў 2006 годзе, другі – ў 2011г. Пачынаючы з 2006 года БДУ штогод ажыццяўляе набор абітурыентаў па спецыяльнасці “Усходняя (кітайская) філалогія”. Прыемна адзначыць, што нашы выпускнікі вельмі запатрабаваныя і працуюць у гандлёва-прамысловых прадстаўніцтвах, консульствах, установах адукацыі рознага тыпу, дзяржаўных і прыватных прадпрыемствах. Пачэсную задачу падрыхтоўкі высокакваліфікаваных спецыялістаў выконвала агульнаўніверсітэцкая кафедра кітаязнаўства пры Рэспубліканскім інстытуце імя Канфуцыя, якая ў 2011 годзе была рэарганізавана ў кафедру кітайскай філалогіі філалагічнага факультэта. Акрамя беларускіх

спецыялістаў, штогод з беларускімі студэнтамі працуюць выкладчыкі з КНР, якія навучаюць усім тонкасцям кітайскай мовы. Прыярытэтныя напрамкі адукацыйнай і навуковай дзейнасці кафедры кітайскай філалогіі наступныя: актуальныя праблемы выкладання кітайскай мовы і літаратуры, пытанні гісторыі і традыцыйнай культуры Кітая, кітайская мова ў сінхраніі і дыяхраніі, кітайска-ўсходнеславянскія моўныя і літаратурныя сувязі.

Акрамя насычаных аўдыторных заняткаў, супрацоўнікі кафедры кітайскай філалогіі наладжваюць культурныя мерапрыемствы, вечарыны, прысвечаныя традыцыям, звычаям, літаратуры і мастацтву Кітая. Падчас вучобы студэнты праходзяць некалькі відаў практык (перакладчыцкая, педагагічная), якія з’яўляюцца інтэгральнай часткай працэса падрыхтоўкі спецыялістаў, працягам навучальнага працэсу ў вытворчых умовах і праводзяцца на прадыпрыемствах, ва ўстановах і арганізацыях, якія актыўна супрацоўнічаюць з Кітаем. Сярод іх – Міністэрства замежных спраў, Гандлёва-прамысловая палата, Мінскі аўтамабільны завод, Мінскі трактарны завод, Гомсельмаш і інш. Адзначым, што студэнты-кітаісты, якія навучаюцца на філалагічным факультэце, не раз заваёўвалі прызавыя месцы ў разнастайных конкурсах, фестывалях, прысвечаных веданню гісторыі, культуры, мовы, мастацтва Кітая (сярод іх Міжнародны конкурс – “Кітайская мова – Мост”), што, безумоўна, садзейнічае павышэнню аўтарытэту Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта і кітайскіх спецыялістаў не толькі ў Беларусі, але і за яе межамі.

Студэнты аддзялення ўсходняй (кітайскай) філалогіі маюць магчымасць павысіць свой адукацыйны і прафесійны ўзровень дзякуючы эфектыўнай сістэме акадэмічнага абмену з рознымі ўніверсітэтамі КНР (Пекін, Шанхай, Далян і інш.), а таксама магістарскім праграмам, якія закліканы ўдасканаліць моўную, краязнаўчую і культуралагічную кампетэнцыю навучэнцаў, фарміраваць іх практыка-арыентаваныя ўменні і навыкі.

Навукова-даследчыя намаганні студэнтаў, магістрантаў і аспірантаў знаходзяць увасабленне ў выпускных кваліфікацыйных работах, тэматыка і метадалогія даследавання якіх адпавядае самым сучасным адукацыйным патрабаванням. Акрамя даследаванняў, прысвечаных праблемам развіцця, функцыянавання і выкладання кітайскай мовы і літаратуры, асабліва ўвага надаецца вывучэнню ўсходнеславянска-кітайскіх культурных, моўных і літаратурных сувязей, што набывае на сённяшні дзень бяспрэчную прыярытэтнасць.

Належную падтрымку беларускім студэнтам-кітаістам аказваюць Пасольства Кітайскай Народнай Рэспублікі, Рэспубліканскі інстытут кітаязнаўства імя Канфуцыя. На філалагічным факультэце для навучання кітайскай мове функцыянуе спецыялізаваны лінгафонны кабінет, які быў абсталяваны сучаснай камп’ютэрнай, аўдыё-і відэатэхнікай за кошт кітайскага боку. Дзякуючы падтрымцы разнастайных устаноў КНР былі набыты слоўнікі, энцыклапедычныя даведнікі, падручнікі, дапаможнікі па

кітайскай мове і літаратуры. Думаецца, што ў будучым такое супрацоўніцтва дазволіць максімальна задаволіць патрэбы вучэбнага працэсу.

Такім чынам, можна канстатаваць, што на філалагічным факультэце БДУ кітаістыка прاپісалася грунтоўна і назаўсёды. Гэта пазіцыя кіраўніцтва ўніверсітэта, філалагічнага факультэта, якая знаходзіць паразуменне і падтрымку з боку Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь і іншых дзяржаўных структур, якія спрыяюць станаўленню і развіццю кітаістыкі ў нашай краіне.

Шамякина Т.И. (Минск)

ЕВРОПЕЙСКАЯ И КИТАЙСКАЯ УСАДЬБА

В условиях развивающегося глобального экологического, финансово-экономического и нравственного кризиса огромное значение приобретает опыт прошлого усадебной культуры, который может быть востребован или частично, в своих элементах, или даже полностью – при определенных природно-климатических и социально-экономических условиях. Этот опыт действительно становится все более актуальным в связи с тем, что индустриальная цивилизация зашла в тупик. Люди, загнанные либеральными реформами в огромные города-резервации, стали заложниками пищевой, легкой и других видов промышленности. В мегаполисах многие общественные структуры дегуманизируются, порождают недоверие к ним, а также людей друг к другу. Сверхпотребление не только оказывается неподъемной нагрузкой на планету, уничтожая многих представителей флоры и фауны, но и приводит, лишая нас эволюционного преимущества, к вырождению человеческого вида. В этих условиях многие ученые и политики разрабатывают проекты, которые могли бы стали альтернативой сегодняшнему негативному положению вещей. Так, в Беларуси власти поощряет строительство агрогородков, где каждый хозяин имеет на семью дом и большой участок земли при нем. В России стало широко распространяться движение «экологических деревень». В бурно развивающемся Китае этот опыт также может быть плодотворно востребован, тем более, что в Китае, как, впрочем, и в России, Беларуси, определенное распространение получает эко- и агротуризм.

Для нас, филологов, особое значение имеет то, что целые литературные эпохи были связаны с бытом и культурой усадьбы – дворянской либо крестьянской. В частности, русская литература Золотого века и белорусская литература XIX – начала XX вв.

Усадьба в истории человеческой культуры – это наиболее приемлемый, удобный для людей, безопасный для природы способ существования. Усадьба – воплощение гармонических отношений между человеком и природой.

Сущность любой усадьбы – натуральное хозяйство. Хозяин усадьбы желал бы иметь на относительно небольшой площади все для нормальной, полноценной жизни – собственной и своей семьи. Только при наличии семьи, детей, которые могли бы хозяйство унаследовать, усадьба имеет смысл. При этом в усадьбе ребенок приобретает наиболее универсальный опыт жизни.

Культура китайской усадьбы, имея в виду также и садово-парковую культуру, как минимум трижды оказывала влияние на культуру европейскую. Первый раз – в эпоху Античности.

В Античном Риме (VIII–I вв. до н.э.) сельский дом сначала был круглый, покрывался соломой. На рубеже христианской эры стал прямоугольным, появились второй этаж, веранда, фундамент из щебенки. Добавились флигели, расположенные перпендикулярно к основному дому (русской буквой П), образовав в сущности внутренний двор. Позже эта форма станет широко распространенной и во многих европейских усадьбах, в том числе в городах. В виллах Помпей, курортного города, погребенного под пеплом Везувия в 79 году, обращают на себя внимание внутренние дворы – так называемые *перистилы*, иногда достаточно большие. В них размещались фонтаны, бассейны, сады, скульптуры.

В Античном Риме сельская жизнь представлялась идеалом. Недаром в Риме появилась литературная форма, даже своеобразный жанр, который назывался *идиллией*, например, «Георгики» Вергилия. Тем богатым патрициям, которые жили в усадьбах, а не в шумном и многолюдном Риме, вблизи капризных императоров, было намного проще сохранить здоровье и даже жизнь. Отсюда и возникла мода на идиллию.

Римскую усадьбу, оказавшую влияние на всю европейскую усадебную культуру, интересно сравнить с китайской усадьбой, которая практически в неизменном виде прошла через тысячелетия. Ханьская усадьба, как, в сущности, и современная, состояла из нескольких дворов, по бокам которых находились залы, поделенные, в свою очередь, на меньшие комнаты. Исследователь китайской культуры С. Фицджеральд на основе изучения найденных археологами глиняных моделей домов отмечает следующие черты китайской усадьбы: «И по планировке, и по стилю ханьская домашняя архитектура похожа на современную. Ханьский дом, как и его далекий потомок, состоял из нескольких дворов, по бокам которых находились залы, поделенные, в свою очередь, на меньшие комнаты. Высокая и крутая крыша покоилась на колоннах и покрывалась черепицей...» [4, 380]. Таким образом, римский перистиль подобен китайскому типу усадьбы, в которой были обязательны внутренние дворы. «Тип дома не претерпел серьезных изменений в первую очередь потому, что он идеально соответствовал социальным условиям китайской жизни. Китайский дом предназначался для большой семьи, каждое поколение которой жило в отдельном дворе, что обеспечивало как необходимую разделенность во избежание возможных раздоров, так и достижение идеала – единства под покровительством главы семьи. Поэтому все дома, и большие, и маленькие, спланированы именно так.

От крестьянских жилищ с одним двором до огромных и просторных дворцов, называемых «дворцовыми городами»...» [4, 381].

По Великому Шелковому пути идеи китайской архитектуры проникли во многие страны Азии и Европы. Везде этот тип дома – с внутренними дворами – стал определяющим, в том числе в городах Восточной Европы. Влияние Китая в данном случае – наша гипотеза, но она исходит именно из огромного значения Великого Шелкового пути в развитии культуры Евразии.

Английский ученый Джон Генри Грэй, путешествуя по Китаю в XIX в. и основательно изучивший его бытовую культуру, отмечает, что в некоторых провинциях для защиты от грабителей-кочевников многие усадьбы подобны крепости: «Эти крепости обычно строят в виде большого прямоугольника. Внешние стены его очень толстые, крепкие и обычно довольно высокие. Как правило, они не каменные и не кирпичные, а выстроены из смеси извести, песка и земли... Стены с бойницами для ружейного огня совершенно скрывают находящиеся за ними строения» [2, 408]. В таких усадьбах-крепостях, обычно принадлежащих крупным феодалам, спасались и жители близлежащих деревень в случае набегов кочевников. Подобные замки-усадьбы существовали и в период частых феодальных войн в средневековой Европе. Они были характерны также для Беларуси, постоянно подвергавшейся нападениям с разных сторон. Однако на огромных пространствах России был все же более востребован опыт римской античности, а также собственные – славянские – традиции, которые, впрочем, в очень многих чертах подобны с китайскими.

В России и Беларуси было много земли и любим простор, поэтому со временем тип усадьбы дворян изменился – постройки могли располагаться достаточно широко, были разбросаны по территории имения. Но неизменным указанный ранее принцип остался в *крестьянских усадьбах*, в частности, белорусских, и вплоть до конца XX в.: внутренний двор окружен жилыми и хозяйственными постройками. Это чрезвычайно функционально и очень уютно. Вот откуда белорусский «родны кут».

В XVII и XVIII вв. большое влияние оказало парково-садовое искусство Китая на аналогичное искусство Европы. До этого здесь доминировали регулярные сады Ренессанса и классицизма с их рациональностью и неподвижностью. Окружали усадебный дом как бы три основные зоны: сад, парк и лес. В XIX в. в этих зонах произошли довольно существенные трансформации. В связи с развитием романтизма как господствовавшего направления в мировой культуре появилась мода на *пейзажные (романтические) парки*, то есть парки, максимально приближенные к естественной природе. Однако вблизи усадебного дома по-прежнему преобладал регулярный сад, заимствованный из классицизма с его симметрией, правильными геометрическими формами (прямыми дорожками, круглыми клумбами). Как правило, в саду росли цветы, особенно любимые женами и дочерьми русских помещиков. Регулярность сада была обусловлена невозможностью перейти сразу от античной лапидарности ампиричного дома к пышной естественности парка. То есть регулярный сад с

его прямыми дорожками и открытыми пространствами служил как бы своеобразной буферной зоной между архитектурой и природой. Одновременно дом и сад продолжали устоявшиеся классические традиции в культуре и соответствовали конструкции и интерьерам усадебного дома. В эпоху романтизма тип сада изменяется. «Неподвижная точка зрения на окружающий зрителя сад сменяется меняющимся обозрением с серпантинных дорожек, прогулочными эффектами, стремлением к неожиданным видам, к подчеркнутым изменениям по сезонам года, времени дня и изменениям в зависимости от погоды, ветра. Ветер колышет нестриженные ветви, рябит и волнует поверхность вод, дробит отражение берегов, отражается звучанием в эоловых арфах, развевает флаги и паруса потешных судов. Романтический парк полон движения» [3, 335].

Возможно, эта особенность романтического (пейзажного) парка сформировалась под влиянием китайской культуры, в это время как раз чрезвычайно модной в Европе. «Китайские сады отличались ярко выраженным живописным подходом к композиции, которая строилась как серия постепенно открывающихся видов. Смена впечатлений обеспечивалась чередованием «холмов», «ущелий», «скал», «долин» и пр., которые должны вызывать в человеке разнообразные эмоции: радость, меланхолию, спокойное удовлетворение, сосредоточенность и т.д. Планировка парка исключала прямую линию и симметрию, все дороги трассировались по плавно изгибающимся кривым. Пространство сада насыщалось многочисленными постройками, которые органично сливались с пейзажем: арочные мостики над водоемами, ярко раскрашенные киоски, протяженные галереи для прогулок, искусственные каменные горки» [1, 86]. В это время Китай как раз открылся Европе. Китайские парки произвели большое впечатление на путешественников-европейцев и во многом способствовали формированию нового стиля, максимально приближенного к живой природе.

Вообще пришла мода на культуру Китая. Праздники стали проводиться с фейерверками, а это китайское открытие; появились изящные китайские беседки, лодочки-джонки на водоемах, разнообразные китайские фонарики и другие виды украшений. Возникает стремление к прогулочным эффектам, к неожиданным видам, к подчеркнутым изменениям по сезонам года, времени дня и изменениям в зависимости от погоды, ветра, освещенности.

Наконец, третий этап влияния Китая на Европу – XX ст. В частности, в советское время (1960-е гг.) мы наблюдали это непосредственно, когда сталинский ампи́р с его строгой регулярностью и упорядоченностью заменился, как мы тогда полагали, японским типом сада. На самом деле, японское садовое искусство сформировалось под непосредственным влиянием китайского. Поэтому вновь, как и век назад, пришла мода на прихотливость и динамизм китайских парков. У нас в Беларуси этот тип парка и оформления газона оказался особенно приемлем, так как для белорусских ландшафтов характерны разбросанные валуны, оставшиеся от ледника, а камни как раз – обязательный элемент китайского и японского садов.

Сегодня, в эпоху все большего доминирования Китая на международной арене, интерес к культуре Китая наблюдается во всех сферах жизни. Опыт сравнения садово-усадебной культуры Европы (в частности, Беларуси) и Китая может быть чрезвычайно полезен для понимания общности вкусов и художественных потребностей наших народов.

Источники:

1. Вергунов А.П., Горохов В.А. Русские сады и парки. Москва: Наука, 1987. – 418 с.
2. Грей Джон Генри. История Древнего Китая. Москва, Центрполиграф, 2006. – 606 с.
3. Лихачев Д.С. Поэзия садов. К семантике садово-парковых стилей. Москва: Наука, 1982. – 344 с.
4. Фицджеральд С.П. Китай. Краткая история культуры. – Санкт-Петербург, 1998 – 324 с..

Казакова И.В. (Минск)

БЕЛОРУССКАЯ И КИТАЙСКАЯ СВАДЬБЫ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

В культуре любого народа семейные обряды и обычаи играют значительную роль. Они объединяли и укрепляли семью, служили специфическим механизмом для передачи этнических традиций, определенной системы ценностей, морально-этических норм и принципов от старшего поколения к младшему. Они помогали каждой конкретной семье с честью отметить такие важные события как рождение ребенка, вступление молодых в брак или же снять эмоционально-психологическое напряжение в случае смерти кого-нибудь из близких, с уважением к живым членам рода и покойнику похоронить его и почтить память о нем. Вместе с тем, традиционная семейная обрядность укрепляла и внешние связи семьи с соседями, односельчанами, поднимала престиж семьи, содействовала укреплению добрых отношений с другими семьями.

Знание и детальное исполнение традиционных семейных обрядов и ритуалов отыгрывало немаловажную роль в формировании определенного положительного или отрицательного общественного мнения о семье, что имело большое значение для последней. Ведь такое общественное мнение, «добрая» или «дурная» слава о семье передавалась из поколения в поколение, что определенным образом отражалось на судьбе детей, внуков, правнуков.

Цикл семейных обрядов отражает три важнейших события в человеческой жизни: приход в этот мир, создание новой семьи (маленького микрокосмоса в большом макрокосмосе, во Вселенной) и уход в мир иной. И здесь особое место занимают свадебные обычаи и обряды. Свадьба – это один из самых торжественных, самых красивых и веселых семейных праздников. Именно в этом обряде наиболее ярко отражается характер любого народа, его мировоззрение, творческие возможности, этническая

психология. Белорусские фольклористы называли свадьбу особенным театральным представлением, народной оперой с прологом, кульминацией и эпилогом, где каждый участник исполняет роль не спектакля, а жизни.

Свадебные обряды у белорусов и китайцев сохранили связь с древними ритуалами, отражающими самобытность, неповторимость культуры каждого народа и, вместе с тем, космическое единство человечества, закодированное в древних ритуалах, организующих сакральные моменты жизни.

В Древнем Китае заключение брака длилось очень долгое время и сопровождалось очень сложным комплексом обрядов.

Первый этап свадебной обрядности почти у всех народов мира (и у китайцев, и у белорусов в том числе) – сватовство. Интересно, что на подготовительных этапах в старину у белорусов и у китайцев большую роль играло гадание, предсказание, обращение к знахарям и гадалкам.

В белорусских деревнях «в сваты» отправлялись чаще всего под вечер, чтобы меньше людей видело их позор в том случае, если сватам откажут, но не только по этой причине. Прежде чем посвататься к девушке, парень раньше мог использовать различные магические приемы, чтобы «присушить» к себе будущую невесту. То же могла сделать и девушка, чтобы «присушить» своего любимого. А действие всех магических сил, как верили, усиливается вечером, с приходом темноты. Вот несколько примеров магических действий, которые были направлены на то, чтобы приворожить к себе любимого человека, зажечь в его сердце огонь любви.

Если парень полюбит девушку и решит идти к ней «в сваты», он (чтобы быть уверенным, что сватам не откажут) должен был прикоснуться к девушке «талисманам любові» (диалектное название). Таким талисманом, который помогал вызвать любовь, является кольцо. Его делали из олова во время 15-ого лунного дня. С внутренней стороны кольца вырезается имя любимой девушки, с другой стороны делают определенный магический знак. Кольцо окуривают дымом хвои и носят на мизинце правой руки. Во время обряда сватовства жених может подарить невесте такое кольцо, но уже со своим именем, которое вырезано также с внутренней стороны кольца.

Если же девушка захочет приворожить парня, она должна взять небольшое кольцо, которое еще никто не носил, обернуть его в кусок ночной сорочки, перевязать лентой с «уплёту» («уплёт» – это то, чем перевязана коса девушки) и закрепить на ленте на шее так, чтобы кольцо находилось над самым сердцем. Так нужно было носить его семеро суток. После взять волосы любимого парня и вместе со своими волосами обмотать вокруг кольца, после чего носить его еще трое суток. Потом кольцо надевается на указательный палец правой руки. При встрече с любимым нужно сильно сжать его руку и три раза сказать: «Ён мой, ён мой, ён мой!».

Как известно, родители часто засылали сватов и без согласия самого парня. Если парень хотел, чтобы сваты отказали, то он должен был сделать следующее: необходимо было встать вместе с солнцем, выйти в поле, умыться росой с семи трав, пойти к мельнице, взять у мельника топор, сесть на бревно, положить на него перед собой щепку и проговорить, глядя на нее:

«Не спяваць салаўю ў зіму, не гарэць ружы на марозе, не стаць дзеўцы сокалам, не быць малойцу галубіцаю, не стаяць мне з нялюбай на ручніку, не быць ёй ні ў розуме маім, ні на сэрцы, ні ў помысле маём, як не зрасціся шчэпцы перарубленай» [1]. Во время последних слов нужно перерубить щепку (но обязательно с одного удара), бросить топор от себя в левую сторону и бежать домой очень быстро. Назад оглядываться нельзя, иначе заговор утратит свою силу. После такой предварительной подготовки, наконец-то, шли «в сваты».

В старом Китае перед сватаньем семья жениха посылала семье невесты предварительную записку («цао те узи») с указанием восьми иероглифов жизни, где сообщались имя жениха, год, месяц, день и даже час его рождения. По этим данным гадала семья невесты и, если исход гадания был благоприятный, тут же высылала сведения о дате рождения невесты семье жениха.

Семья жениха тоже обращалась к гадателю, который подтверждал или отрицал благоприятный результат намеченного бракосочетания. Но дело не ограничивалось только обращениями к гадателю. Каждая семья в течение трех дней держала на семейном алтаре карточку. Если в это время случалось какое-либо происшествие или несчастье, например, заболел кто-нибудь из членов семьи, то сватовство могло быть немедленно прекращено. Решающее слово принадлежало старшим в семье, но принимать или отвергать решение о свадьбе считалось неприличным.

Гадания по гороскопам женщинами и мужчинами проводились разными способами. Наибольшее значение придавалось знакам двенадцатилетнего звериного цикла. К примеру, брак ожидался несчастливым, если юноша и девушка родились, соответственно, в год лошади и быка, змеи и тигра, крысы и барана, курицы и собаки. Принималась в расчет и позиция годов рождения женщины и мужчины в цикле пяти мировых стихий: дерева, огня, земли, металла, воды. Считали, что непереносимым условием счастливой семейной жизни являлось доминирующее положение животного или стихии, которые соответствовали году рождения жениха. Нередко были случаи, когда дата рождения невесты фальсифицировалась, чтобы сделать брак возможным. По традиционным китайским представлениям, все браки заключались на небесах Лунным Стариком, и не встретить своего суженного было невозможно [2].

Такой фатализм характерен и для белорусского народа. Наши предки также считали, что «всё в руках Божьих», что по судьбе назначено, так оно и случится. Это ярко отражалось в белорусских пословицах и поговорках («Лёс і за печкай знойдзе», «Суджанага канём не аб'едзеш» и т.д.).

И у белорусов, и у китайцев сватовство затрагивало интересы всей семьи. Это событие никогда не было личным делом жениха и невесты. Пару молодым чаще всего выбирали родители. Роль сватов и в Беларуси, и в Китае очень важна. В Китае сватов называли «бин жень» («человек льда»). В городах чаще были профессиональные свахи, а в деревнях на эту роль приглашали мужчин из местных жителей. В белорусских деревнях сватом выбирали уважаемого, нестарого еще человека, счастливого в семейной

жизни, не пьяницу, не лентяя. Сват должен быть красноречив, умен, даже хитер. Сватом мог стать родной дядя жениха или близкий друг его семьи.

В Китае, если сватовство было успешным, семья жениха высылала невесте украшения и другие подарки, что в просторечии называлось «юэдин» – «малое соглашение». После этого семьи жениха и невесты обменивались брачными поручительствами, которые писались на бумаге красного цвета (этот цвет считался счастливым). Для юноши письмо украшалось изображениями дракона, письмо же для девушки – фениксом. В этих поручительствах сообщались подробные сведения о будущих новобрачных и их семьях. Указывали сумму вносимого за невесту выкупа. Он называется «чайный подарок» (чай в Китае – символ плодородия и супружеской верности).

Подарками для невесты служили пара сережек, два или четыре браслета, отрезки материи красного цвета, золотые монеты и другие различные драгоценные вещи. Высылались также специальные красные коробочки, в которые клали провизию: отборный рис, различные сорта чая, соль, вино и т.д. Семья невесты принимала все высланные ей драгоценности и украшения, но около половины даров продуктами отсылала обратно. Это аргументировалось тем, что определение сроков свадьбы требовало, как правило, нескольких визитов сватов к обеим сторонам.

Семьи обеих сторон заключали также брачные контракты, это и служило поводом для первой встречи родителей жениха и невесты. Родители жениха, прибыв на встречу, сначала совершали поклонение перед семейным алтарем (выставлялись фигуры «зайца счастья» или «рыбы счастья»). Затем хозяева и гости участвовали в церемониальной трапезе, во время которой все выпивали чашку «вина долгой жизни» [3].

Интересно, что на заключительном этапе сватовства у белорусов тоже присутствовало ритуальное питье. Все участники обряда выпивали по рюмке («па чарцы») спиртного напитка домашнего приготовления (чаще это была самогонка из зерна), а жениха и невесту заставляли выпить из одного стакана такой же горький напиток, только предварительно добавив туда ложку меда, чтобы отныне они и горечь, и сладость всегда делили вместе.

И белорусы, и китайцы свадьбу назначали обычно ближе к концу года, когда заканчивались полевые сельскохозяйственные работы.

В период подготовки к свадьбе китайская невеста получала от жениха большое количество свадебных даров, среди которых даже был свадебный наряд. В белорусской традиции это не было принято. Интересно, что доминирующим цветом в одежде как старобелорусской, так и китайской невест был красный цвет. Красный цвет вообще считался счастливым для молодоженов в обеих культурах.

И в белорусской, и в китайской свадебной обрядности большую роль играет ритуальная обрядовая выпечка. В Китае родственники и друзья молодоженов раздавали круглые пшеничные или рисовые лепешки, что служило уведомлением о готовящейся свадьбе. В городах в качестве сообщения о свадьбе рассылали так называемые «двойные пирожные

счастья». Традиционная выпечка называется также «дракон и феникс» и символизирует соединение мирского и женского начал. Начинкой обычно служит паста из семян лотоса, красных бобов или зеленой фасоли. Обрядовую выпечку присылает семья жениха семье невесты в числе других предсвадебных даров. У китайцев также существует свадебный торт или пирог, который является одним из важнейших атрибутов самой свадебной церемонии. Он должен быть многоступенчатым. Это символизирует ступени семейной жизни, лестницу в счастливое будущее. Молодые должны кормить друг друга сладкими кусочками свадебного торта, чтобы вместе проходить все ступени супружества.

В белорусской свадебной традиции одно из главных мест занимает свадебный каравай. Очень важен весь процесс его подготовки. Накануне дня свадьбы начинали также выпекать и свадебный каравай. Подготовкой караваля чаще всего руководила крестная мать жениха или старшая женщина из его семьи. Замешивали каравай только замужние женщины. Начинали подготовку караваля и за день до свадьбы с утра. После его на день и ночь отдавали матери жениха. Каравай посвящали солнцу. Выпекался он такой же самой, как и солнце, круглой формы.

Крестная мать жениха готовила все то, что нужно для приготовления караваля, проверяла дежу, выгребала из печи пепел. Мать жениха еще за несколько дней приглашала выпекать каравай женщин-каравайниц. Чаще всего собиралось десять каравайниц и одиннадцатая – «старшая каравайница» – крестная мать жениха. В каравай входило почти все то, что должно было быть в будущем хозяйстве молодых: зерно, молоко, соль, мёд, яйца. Добавляли туда даже водку. Все каравайницы были одеты в светлую праздничную одежду. Платки у них на головах были белыми. Среди хаты ставили дежу. Начинали каравай с восходом солнца. Старшая каравайница просила «благаславіць пачынаць» замешивать каравай, засыпала в дежу муку, затем наливала молоко и т.д. Каждый новый продукт сопровождался определенным приговором.

По краям караваля часто плели кайму в форме шишечек. В центре делали или солнце и месяц, или двух птичек, или огромное солнце и звезды и др. В печь каравай сажал мужчина. Чаще всего сват или крестный отец жениха, ему помогала старшая каравайница. Готовый каравай клали на красивое полотенце («ручнік»), караваю кланялись, пели песни. Обращались к нему как к живому существу. После женщины несли каравай на полотенце на пригорок и просили Солнце благословить каравай.

Каравай на несколько минут оставляли на полотенце, а сами спускались с пригорка. После благословения караваля солнцем, он становился священным. Его торжественно несли в клеть, пели величальные песни. Очень плохой приметой считалось, если не было Солнца в тот день, когда пекли каравай. Каравай до свадьбы оставался в той клетке, где должны были спать молодые. Всех каравайниц обязательно приглашали на свадьбу (среди самых почетных гостей). Бывало, что мать жениха одаривала каравайниц (чаще всего полотном).

Каравайный ритуал – это определенный порог, переступив который, дороги назад уже не было. Если до каравайного ритуала свадьба по каким-либо исключительным причинам могла еще не состояться, то приготовление свадебного каравая означало обязательную безотлагательную свадьбу.

И белорусская, и китайская невесты должны были иметь приданое. Приданое белорусской невесты привозили в дом жениха во время самой свадьбы. Китайская же невеста за три дня до свадьбы высылала в дом жениха предметы своего личного и домашнего обихода: одежду, туалетные принадлежности, утварь и даже мебель, что называлось «пу фан» – «оборудовать комнату». Тем временем в доме жениха велась подготовка к приезду новобрачной. В комнате будущих супругов обновляли бумагу на окнах, заново белили стены, производили уборку. Причем позволялось это делать только тем женщинам и мужчинам, у которых были дети, кто не потерял родителей и не был вдовым.

После всех приготовлений до свадьбы в постели новобрачных должен был спать кто-нибудь из неженатых младших братьев жениха или невесты, ибо, как считалось, «постель невесты не должна пустовать». Невесте не полагалось покидать женскую половину дома с того момента, как был установлен день свадьбы. Эти дни она проводила в обществе подружек, которые провожали ее в новую семью. По обычаю, она должна была причитать и плакать, выражая свою скорбь по поводу расставания с родными. Во многих районах невеста и ее подружки пели песни, в которых содержалась брань по адресу сватов и семьи жениха и даже будущего мужа, носившая, впрочем, игровой характер.

Ритуальный плач невесты обязателен и в китайской, и в белорусской свадебных церемониях. У белорусов принято было три ритуальных плача невесты: на девичнике, перед отъездом в дом жениха и уже непосредственно в доме ее новой семьи. Невеста должна была прилюдно, «на миру», выплакать все слезы, все горе, чтобы быть счастливой в новой семейной жизни.

Участники свадебных обрядов вместе и смеются, и плачут. Если люди смеются вместе со всеми, они больше ощущают свое единство, свою независимость от чего-либо целого, неделимого. Так и на свадьбе. Участники свадьбы составляют определенную целостность, театрализованный свадебный спектакль исполняется не отдельными исполнителями, а хорошо организованным ансамблем, коллективом. Эта целостность должна создать новое целое – новую семью.

Ощущению сближения помогает и антипод смеха – плач, но плач вместе с другими (горе общее). Например, если невеста плачет на «девичнике» вместе со всеми подружками, она ощущает свою связь с ними и боль от того, что эта связь должна прерваться. Тоже самое ощущают и девушки. Именно в народном обряде наблюдается интересное совмещение смеха и плача. Такое совмещение ярко отражается в свадебных песнях. В разряд свадебных (веселых) песен входят и очень грустные, что свидетельствует о серьезности и важности события. Не только веселое несет жизнь молодым. Вот,

например, две свадебные, но совсем разные по характеру песни: «Будзе вяселле, будзе хмельна зелле, // Бог нам даў! // Будзе шчасце, шлюб удасца, // Бог нам даў!», «Жыві, мая мамычка, без мяне, // Без русай касы, без маёй. // Мяне забывай, на дарогу не ўглядай, // Буду ўспамінаць, слёзкі праліваць...» [4].

Первую песню поют во время обручения, когда заручаются согласием на свадьбу, ждут веселый праздник, вторую – во время, когда невеста уезжала из родного дома к жениху (один с главных моментов свадьбы). Свадьба, как и сама жизнь, несет в себе непрерывную связь смеха и плача.

«Прежнее единство смеха и плача раскрывается в том, что они, даже отделенные один от другого, продолжают жить совместно в обряде и мифе; плач разве что относится к смерти, что фигурирует в первой половине сюжета, а смех – к новому рождению, что фигурирует во второй половине» [5]. И действительно так. Если опять вернуться к свадебному сюжету, то можно определить с одной стороны плач: плач невесты-сироты во время обручения (связь с культом предков), плач невесты во время «девичника» и при отъезде в дом жениха (если распадается, умирает определенная целостность – единство незамужних подружек и семья родителей, из которой выходит дочь-невеста), с другой – смех: смех на свадьбе (во время рождения новой семьи, шутки про будущих детей).

И китайская, и белорусская невесты накануне свадьбы совершали предсвадебное ритуальное омовение. Китайская невеста после совершения ритуального омовения совершала ритуальные поклоны перед семейным алтарем.

Накануне свадьбы топили баню, где невеста совершала свое ритуальное предсвадебное омовение. Вели ее в баню старшая сваха и три ближайшие подружки. Все они должны были быть сероглазые или голубоглазые, так как черноглазые, считалось, могли ее сглазить. Мыли ее только дождевой водой с мятой. Мыть невесту начинали с левой ноги. Делали это для того, чтобы отмыть всю лень у будущей хозяйки. Раньше считали, что вся лень находится у женщины в левой ноге. Это даже отразилось в пословице. О ленивой жене говорили так: «Робіць толькі тое, што яе левая нага захоча». В конце мыли косу невесты, расчесывали ей волосы, ворожили об ее новой жизни. Считали, что, сколько выпадет длинных волос, столько у молодой матери будет сыновей. Волосы, которые выпали, обязательно жгли, чтобы никто не смог их украсть и причинить невесте какой-нибудь вред. Люди верят и сейчас, что нужно обязательно сжечь все выпавшие с головы волосы, иначе произойдет что-нибудь неприятное. Существует даже такая поговорка: «Колькі воласу гарэць, столькі галаве балець».

В бане гадали, чтобы узнать, сильно ли любит невесту жених и сделать так, чтобы он любил сильнее. Это делали следующим образом. После появления сватов невеста клала под порог прутик из светлого веника, которым она подметала дом перед их приходом. Если жених переступал через порог, невеста (или ее подружка) тихонько прятала этот прутик туда, где его никто не увидит. После, когда невесту приводили в баню, этот прутик

клали на полок и говорили: «Як сохне гэты пруток, хай сохне па мне мой суджаны (імя)». Если прутик быстро засыхал, тогда считали, что суженый любит сильно. Из бани невеста шла по полотенцу. Полотенце было наполовину белым, наполовину красным. Остаток дня и ночи невеста отдыхала одна в темной комнате, чтобы ее не сглазили «дурные вочы». Из дома невесты нельзя было выносить мусор. В своей комнате невеста находилась одна (или редко с подругой) до того времени, пока ее начинали собирать к венцу.

Кульминационный момент и китайской, и белорусской свадьбы – это переезд невесты в дом жениха.

В день свадьбы невеста с самого утра наряжалась для церемонии переезда в дом своего будущего мужа. Она прощалась с родителями и другими родственниками. Обычай запрещал невесте есть на свадьбе. Жених же в эти утренние часы съедал полную чашку мяса – знак достатка в будущей семье, и тоже начинал одеваться к свадьбе. Тем временем люди жениха в сопровождении музыкантов и слуг отправлялись за невестой, неся для нее красный свадебный паланкин, разукрашенный различными счастливыми символами. Нередко в паланкин сажали мальчика, что должно было обеспечить появление мужского потомства.

Лицо невесты, в соответствии с китайскими представлениями о женской красоте, было густо напудренным и наrumяненным, губы выкрашены помадой. Свадебное одеяние состояло из короткого красного халата, украшенного цветками и помпонами из разноцветного шелка, и платья (красного или зеленого). Невеста носила специальный головной убор, который представлял собой металлический каркас с накладкой из птичьих перьев, шелковыми помпонами и медальонами, прикреплявшимися к каркасу пружинами. Лицо невесты скрывала вуаль из красного (иногда черного) шелка, чтобы «спрятать стыд». На вуали, головном уборе и даже платье невесты нередко имелись изображения дракона – символа духовной власти [6].

Празднично наряженную в красное невесту, причесанную еще по девичьи, в паланкине приносили в дом жениха. Весь свадебный выезд тщательно оберегался от злых духов: против них выпускали специальные стрелы, на грудь невесты одевали обладающее магической силой бронзовое зеркало и т.п. В доме жениха в честь невесты запускали ракеты-шутихи, затем в момент встречи невесте и ее родне (а также многочисленным собравшимся, в том числе нищим, от которых откупались по заранее достигнутой договоренности) раздавали подарки. Жених и невеста вместе кланялись Небу и Земле, совершали еще ряд обрядов и поклонений. Им подносили две рюмки вина, связанные красными шнурком. Угощали пельменями. Все это имело свой смысл, все было полно глубокой символики – и поклоны, и слова, и даже пища (пельмени, например, символизировали пожелание множества детей), и изображения вокруг. Наконец, основные обряды окончены. Жених удалялся, а невеста совершала необходимый туалет, в частности, причесывалась уже как замужняя женщина. После этого

молодые отправлялись в спальню.

На следующий день все поздравляли молодых, гости и родня приглашались на пир. И лишь после того, как все торжественные обряды были окончены, жена специально представлялась свекрови, под начало которой она отныне поступала, и всей мужниной родне. Через несколько месяцев она также представлялась предкам мужа в храме предков и принимала участие в обрядах жертвоприношений. Теперь она уже по-настоящему становилась женой и членом семьи (до этого ее еще можно было возвратить родителям – в случае, если она, например, оказалась поражена каким-либо недугом) [7].

В белорусских деревнях все свадебные ритуалы начинались на рассвете. Невесту тоже начинали наряжать на рассвете. Большое количество магических действий должно было охранять невесту от сглаза. Нижняя юбка надевалась наизнанку, оставались не застегнутыми крючки (чтобы легче было рожать, ради этого же не зашивали в первую брачную ночь сенник). В одежде невесты преобладали два цвета – красный и белый. Юбка была либо просто красной, или в клетку или полоску, где также преобладал красный цвет (а нижняя юбка была чаще просто белой). Под белой с красной вышивкой сорочкой невесту обвязывали рыболовной сеткой или поясом из соломы. Это делали также ради того, чтобы отвести сглаз. Корсет чаще всего был красного цвета, с вышитыми на нем разноцветными цветами. Стягивался корсет очень сильно, шнуровка снизу завязывалась на три узла. Эти узлы заканчивались на животе, они должны были защищать будущую мать от злых сил, от всякой порчи. Красные сапожки невесты также были очень красиво, старательно вышитыми.

Главным в наряде невесты был «вянец» (венок). Его делала за неделю до свадьбы женщина, которая специально занималась этим делом в деревне. Она же делала и «вясельную дугу» для того экипажа, на котором жених поедет за невестой. Раньше венец делали из красной ткани, натянутой на бересту, картон и др. Позже венок начали делать из искусственных цветов и воска. Сзади прикрепляли ленты (красные, зеленые, белые и др.) или позже – белую фату из марли. Фата или белые цветы в венке невесты – символ чистоты и непорочности девушки. Если невеста не сохранила непорочной чистоты, но использовала фату или белые цветы, тогда люди никогда не могли простить ей этот грех. «Спорчаная» невеста шла под венец в платке. Так же одевалась и вдова, когда опять выходила замуж. Именно головной убор является главной приметой невесты, по нему судили об ее моральных качествах. Доминирующими цветами в одежде жениха также были белый и красный.

Перед приездом жениха невесту обязательно должны были спрятать. Это делали для того, чтобы жених искал свое счастье, потому что, если счастье настоящее, оно сразу в руки не дается, и, чтобы найти его, нужно пройти через определенные испытания.

На свадьбе присутствует знахарь (реже знахарка). Это человек, который должен охранять молодых от порчи, отводить от них сглаз. Знахаря

приглашают родители молодых. Его даже не знают жених и невеста.

Утром в доме жениха собираются его родные, дружина, «дружок» и некоторые гости. «Дружок» готовит экипаж, жених собирается «ехаць па нявесту». Родители должны благословить жениха. Мать жениха втыкает в каравай деньги (раньше серебро) и благословляет сына «ехаць па нявесту на добрую дарогу». После благословения все гости и родственники «доруць жаніха» (вручают ему подарки).

Жениха встречает дружина невесты, ее родственники и родители. Только «старшая паднявесніца» вместе с молодыми девушками из этой деревни находились недалеко от того дома, где прятали невесту. «Дружок» вместе с женихом идут искать невесту. Звучат разные шутки, девушки смеются над парнями, парни хотят купить невесту дешевле. «Старшая» бросает на землю скатерть, через нее нельзя так просто пройти: жених должен положить на четыре угла выкуп, а в центр – самое дорогое, что он дает своей невесте (он должен стать туда сам).

Свашки осыпают молодых зерном, семенами конопли, льна, чтобы были богатыми, чтобы рожь родила, чтобы родилось много детей. После молодые едут в церковь. Нужно отметить, что хотя венчание и вошло в народный свадебный обряд, но главной, решающей роли оно не имело. Брак считался заключенным только тогда, когда были исполнены все традиционные народные ритуалы, только исполнение всего свадебного обряда полностью давало право на брачную ночь.

«Дружок» связывает молодых полотенцем или поясом, три раза обводит их вокруг стола и сажает на самое главное место – в красный угол на вывернутую шубу. Молодых опять осыпают зерном.

Во время застолья в доме невесты происходит интересный ритуал продажи невестиной косы. Жених должен был выкупить невестину косу, иначе жена никогда не будет ему подчиняться. «За касой» становятся младшую сестру или маленького брата невесты, или кого-нибудь из детей невестиных родственников (чтобы только ребенку не было больше двенадцати лет). Выкупают невестину косу «дружок» и «старшы паджанішнік». Ребенку дают в руки серп, и он говорит, что отрежет косу, если за нее дадут мало денег. Жених хочет купить дешевле, но тот, кто продает, отвечает им: «Мая сястра – не ўдава, яе каса каштуе трыццаць тры рублі». Когда они соглашались, тогда от косы отрезали маленький пучок волос, который «старшы паджанішнік» вручал жениху.

После первой чарки жених должен был назвать родителей невесты своими родителями и попросить разрешения так к ним обращаться. То же самое должна была сделать и невеста в доме жениха.

Жениху и невесте на свадьбе нельзя было пить водку. Они даже почти ничего не едят. Ритуальная еда жениха и невесты – курятина, которая считалась самым чистым мясом. Для молодых обязательно резали белую курицу. Курицу они ели без хлеба и соли. На это они не имеют права, которое еще нужно заслужить своим будущим совместным добросовестным трудом. Сердце курицы отдавали жениху. Жених должен быть в первую

брачную ночь обязательно нежным, несмелым, ласковым, наверное, поэтому ему даю съесть сердце курицы. Часть (или всю курицу, которую готовит свекровь) молодые забираю с собой в клеть.

За столом молодые едят вместе, с одной тарелки. Невеста должна попробовать все блюда, чтобы ей не была противна никакая пища, когда она, будучи уже женой, будет ждать первенца. Жених еще должен съесть ритуальную яичницу, которую готовит теща во время свадебного застолья. Все смотрят, как теща разбивает яйца, и подсчитывают их количество вслух. Жених должен съесть столько яиц, сколько теща их разобьет.

Уже во второй половине дня, когда приходит время, родители невесты благословляют дочь отъезжать. Раньше существовал вот какой обычай. Отец невесты стебал ее по спине тремя веточками лозы три раза, невеста плакала в голос. После отец передавал веточку жениху и тот бил невесту только один раз, а она должна была молчать. Веточку жених брал себе. Так невеста давала публичную клятву в том, что все стерпит от своего мужа и никогда не будет жаловаться. После этого молодым первый раз кричали: «Горка». Жених с невестой должны были поцеловаться, чтобы «падсаладзіць» водку и пищу. Потом родственники невесты отдают молодым подарки.

Невеста плачет, обнимает березку возле родного дома («каб ехала са слязамі, ды жыла з вясёласцю»). Молодые кланяются всем присутствующим и едут в дом жениха.

Свекровь снимала с головы невесты венок – ее «дзявоччу волю», и клала его за иконы или просто на важное место в красный угол. Иногда венок снимал жених, а после передавал его своей матери. Этим подчеркивалась власть мужа и свекрови над невесткой.

После снятия венка происходил ритуал, который называется «маладуха». Свекровь держала невесту за косу и три раза спрашивала у сына: «Ці твая каса?». Он должен был трижды это подтвердить. После этого косу расплетали (раньше отрезали). Сваха завязывала невесте платок «маладухай», сажала ее на дежу вместе с «паднявесніцамі» и накрывала их покрывалом. Жених должен был узнать свою невесту. Он узнавал ее по платку. Это обозначало, что теперь муж всегда узнает свою жену среди других. (Кстати, молодую жену в семье мужа и называют молодухой). После «маладух» невеста должна была одарить всех родных жениха.

Наступало время провожать молодых в клеть. «Дружок» просил родителей, чтобы они еще раз благословили молодых. Родители благословляли их, молодых опять осыпали зерном, коноплей, семенами льна, обмахивали веточками и с песнями вели в клеть. Девушки разбрасывали на их пути цветы. Молодые должны были первую брачную ночь проводить не в доме, а обязательно в клети. Там стояло много дежек с рожью и другим зерном, чтобы у молодых родилось много детей. Кровать должна была быть очень высокой, чтобы «не цягнула ў зямлю».

Молодые брали с собой белого петуха в мешке. За молодыми закрывали дверь и пели им песни, например, такую: «Спусцілася чорна ночка, // Месяц выйшаў усё з-за гор, // Скінула мамкіна дочка // Свой дзявочы ўбор...» [8].

После того, как молодых проводили спать, свадьба продолжалась. Торжественные ритуальные моменты уже произошли, дальше шли свадебные игры, танцы, песни. И старики, и молодежь переодевались в цыган, разных животных, женщины – в мужчин, и наоборот. Свадьба пронимала почти что карнавальный характер. Это бурное веселье должно было отвлечь внимание злых сил от клетки молодых, чтобы им ничто не мешало.

Утром молодых будили, убеждались в невинности невесты. Если невеста не сохранила невинность, тогда на тещу надевали хомут и гоняли вокруг дома, пока зять не прощал ее дочери греха. Мать выкупала грех дочери. Если же невеста сохранила девичью чистоту, тогда зять ехал к теще с красной сладкой водкой. Бутылку обвязывали красным бантом. Этот обычай сохранился и сейчас. Зять привозил невестиных родителей и всех ее родных в свой дом. Начинался второй день свадьбы.

Китайская невеста также обязана была предоставить доказательство своей невинности. Постель молодых застилали специальным полотенцем, чтобы утром молодая жена предоставила его свекрови. Приличия требовали, чтобы жених в тот же день с утра отправил семье невесты извещение о том, что она сохранила невинность до свадьбы и приглашение на обед.

В обеих культурах в свадебных и предсвадебных обрядах велика роль ритуальной еды. Так, накануне свадьбы в домах жениха и невесты устраивали пиршества, в которых участвовали приглашенные родственники и друзья. Предлагавшееся угощение называлось по традиции «четырьмя большими блюдами» и включало в себя в качестве главной обрядовой еды просяную кашу с мясом. Для невесты же важнейшей обрядовой пищей в канун свадьбы было мясо, высланных ей женихом свиньи и петуха.

Интересно, что в белорусской традиции на второй день свадьбы гости заставляют молодую жену выполнять разную домашнюю работу: идти за водой, подметать пол. Однако во всем ей мешают, пока молодой муж не заплатит выкуп. В Китае же испытания ждали молодого мужа, когда молодожены отправлялись в отдельных паланкинах погостить в дом жены на третий день свадьбы. Например, молодому мужу подносили пельмени с острейшим перцем, что, по поверьям, способствовало успешной карьере мужа и рождению умных детей. Молодожены обязаны были совершать поклоны в ее доме перед семейным алтарем. Вернуться домой они должны были до восхода солнца, так как обычай запрещал новобрачной в течение первого месяца семейной жизни ночевки вне дома.

В песнях «Шицзин» много говорится о свадебных церемониях. В среде высшей знати часто практиковался сорорат, когда вместе с невестой в дом мужа ехала ее младшая сестра или племянница в качестве своего рода заместительницы жены, наложницы.

Иногда невеста не проявляла желания привести с собой дополнительных жен для будущего мужа. В «Шицзине» приводится песня, под названием «Цзян ю сы»: вначале невеста не хочет брать с собой девушек, которым уготована такая участь, в конце же девушки выражают благодарность, что невесту удалось убедить и теперь она берет их будущую семью: «Так с

Цзяном сольется притока волна... // Та девушка шла к жениху. // С собою нас брать не хотела она, // С собою нас брать не хотела она, // Потом стосковалась она. // Так воды сливаются за островком. // Та девушка шла к жениху. // С собой ты нас взять не хотела в свой дом, // С собой ты нас взять не хотела в свой дом. // Была ты нам рада потом» [9].

Браки среди представителей правящего класса были строго экзогамными. Женитьба на женщине с таким же самым именем, независимо от того, будет ли она главной женой, дополнительной женой или наложницей, была строго запрещена. Считалось, что подобный «инцест через имя» обрекает мужа, саму женщину и их потомство на страшные несчастья. По свидетельствам классической литературы, никаких подобных табу для простолюдинов не существовало, но это не совсем так. Хотя классические источники гласят, что «ритуалы и церемонии не опускаются до нижних людей», у простолюдинов существовали свои су, или обычаи. Поскольку антропологи считают, что в целом архаичные общины имеют еще более жесткую систему табу, чем высокоразвитые общества, можно с уверенностью говорить, что и среди древнекитайских крестьян браки были связаны всевозможными табуирующими ограничениями, хотя письменно они не зафиксированы. В более позднее время табу на брак людей с одной и той же фамилией применялось в равной степени ко всем сословиям и сохраняется и по сей день [10].

В белорусской народной традиции также не приняты были браки, если люди принадлежали к одному семейному клану. Правда, если молодые были просто однофамильцами, это не являлось препятствием к бракосочетанию.

И в белорусской, и в китайской традиционных культурах созданию семьи и браку придавалось огромное значение. Это был один из важнейших обрядов семейного цикла, основанный на древних устойчивых традициях. Семья, интересы семьи ставились выше личных интересов. Патриархальные отношения, послушание воли родителей, а потом воли мужа составляли основу жизни девушки, женщины. Молодой мужчина также обязан был подчиняться интересам семьи. После свадьбы любовь либо приходила, либо нет. Однако оставалась забота о семье, о детях, о продолжении рода, о поддержке стабильности и процветании семьи. Правда, китайский мужчина мог восполнить отсутствие любви к законной супруге наложницей, а женщине оставалось только смириться с существующим положением вещей. А брак рассматривался, прежде всего, как ритуальный обряд, служащий увеличению и укреплению семьи, и являлся, тем самым, средством успешного служения предкам.

Литература

1. Казакова, I.B. Этнічныя традыцыі ў духоўнай культуры беларусаў. – Мн., 1994. – С. 23.
2. Свадебные обряды Китая // Великая Стена – Китай [электронный ресурс]: <http://www.china.worlds.ru>. – Дата доступа: 01.11.2012.
3. Свадебные обряды Китая // Великая Стена – Китай [электронный ресурс]: <http://www.china.worlds.ru>. – Дата доступа: 01.11.2012.

4. Казакова, I.B. Этнічныя традыцыі ў духоўнай культуры беларусаў. – Мінск, 1994. – С. 128.
5. Абрамян, Л.А. Первобытний праздник и мифология. – Ереван, 1983. – С. 51.
6. Свадебные обряды Китая // Великая Стена – Китай [электронный ресурс]: <http://www.china.worlds.ru>. – Дата доступа: 01.11.2012.
7. Васильев, Л.С. Культы, религии, традиции в Китае. – М., 2001. – С. 46–49.
8. Казакова, I.B. Этнічныя традыцыі ў духоўнай культуры беларусаў. – Мінск, 1994. – С. 50.
9. Васильев, Л.С. Древний Китай. – М., 1995. – С. 338–341.
10. Васильев, Л.С. Древний Китай. – М., 1995. – С. 338–341.

Рагойша В.П. (Мінск)

ПАДАРОЖЖА МАКСІМА ТАНКА Ў КІТАЙ (паводле “Дзённікаў” паэта)

У адным са сваіх “падарожных вершаў” Максім Танк пісаў:

Відаць, я пад сонцам цыганскім радзіўся.
Ці мо’ акрапілі бягучыя воды,
Што ўсе адпачынкi, свабодныя дні ўсе
Я размяняў на вандроўкі, паходы.

У самым канцы верасня 1957 г., а дакладна – 30 верасня, лёс распарадзіўся так, што беларускі паэт у складзе савецкай дэлегацыі ВОКС (Усесаюзнае таварыства культурных сувязей з замежнымі краінамі) упершыню з трапа самалёта ступіў і на кітайскую зямлю. “Вось і Пекін. Кітайскія сябры сустрэлі нас з кветкамі, адвезлі ў сваю новую гасцініцу “Пекін”, а вечарам былі на прыёме ў тав. Чжоу Энь-ляя” (старшыні кітайскага ўрада. – **В. Р.**), – запісаў паэт у сваім дзённіку [4, с. 492].

Той памятны візіт у Кітай доўжыўся роўна месяц. Дзякуючы дзённікавым запісам Максіма Танка мы можам прасачыць літаральна кожны дзень яго насычанай сустрэчамі і падзеямі кітайскай пабыўкі [гл.: 4, с. 491–497; далей у дужках пасля цытат з дзённіка паказваюцца старонкі дадзенага выдання]. Пабыўка тая цікавая сама па сабе, паколькі звязана з жыццём выдатнай асобы. Разам з тым шматлікія сустрэчы з вядомымі кітайскімі грамадскімі і культурнымі дзеячамі, пісьменнікамі, артыстамі, знаёмства з помнікамі гісторыі і мастацтва паслужылі асновай для шматлікіх вершаў танкаўскага так званага кітайскага цыкла, якія друкаваліся ў перыёдыцы, увайшлі ў знакамітую кнігу “Мой хлеб надзённы” [5], уганараванай Дзяржаўнай прэміяй Беларусі імя Янкі Купалы, а пасля – у перакладзе на рускую мову – выйшлі ў Маскве асобным выданнем [1].

На наступны дзень пасля прыезду ў Пекін, 1 кастрычніка, кітайцы святкавалі Дзень утварэння Кітайскай Народнай Рэспублікі. Савецкую дэлегацыю запрасілі на ўрадавую трыбуну на плошчы Цянъаньмынь. Вось

што бачыў, што адчуваў Максім Танк, назіраючы ваенны парад і дэманстрацыю працоўных Пекіна: “Тарачыня. Грыміць салют. Уся плошча гарыць вогнішчам рознакалёрных кветак. Парад адкрывае маршал Пын Дэ-хуэй. Салдаты, матросы, лётчыкі, следам – калоны дэманстрантаў... Калоны рабочых, сялян, будыстаў у зялёных халатах. Дзівосныя іерогліфы на ўсіх мовах нацыянальнасцей Кітая... Ідуць карэяні з веерамі, са збанами на галовах, з парасонікамі. Ідуць пісьменнікі, мастакі, артысты... Плошчу запаўняюць бясконцыя калоны фізкультурнікаў. І мора сцягоў. Несціханы гром аркестра. Уздоўж урадавай трыбуны праходзіць, развітваючыся з усімі, Мао Цзэ-дун” (с. 492–493).

Усе наступныя дні камандзіроўкі таксама былі дарэшты запоўнены падзеямі, паездкамі па розных гарадах і вёсках Кітая, сустрэчамі са знакамітымі людзьмі і славатасцямі кітайскай культуры. Вось некаторыя з іх, тыя, што найперш знайшлі ўвасабленне ў вершах Максіма Танка:

“**2.Х.** Палац імператара. Кераміка, розныя музычныя інструменты, якім 3–4 тысячы год. Чаны, ванны, золата, серабро, інкрустацыя. Габелены, на якіх вышыты дрэвы, нейкія фантастычныя птушкі. Карціны з часоў сунскай дынастыі. Не пералічыць усіх дзівос. Захавалася нават дрэва, на якім павесіўся імператар, і альтанка “Вечная вясна” (с. 493). “**4.Х.** Таварыства кітайска-савецкай дружбы. Інстытут нацыянальных культур, у якім вывучаецца 18 моў народнасцей Кітая. У парку – акацыя “Драконавы лапы” (с. 494). “**5.Х.** Наведалі Храм неба, у якім такая акустыка, што нат на адлегласці 300 метраў можна чуць шэпт... Музей Лу Сіня, домік яго, садзік. У музеі партрэт маткі, рабочы столік” (с. 494). “**8.Х.** Даліна Іха, Рудыя лесавыя горы, рака Лолэ. Вароты Дракона. “Я паўдня вас чакаў” (2 тысячы год). Пячоры Дын-Хуа” (с. 494). “**13.Х.** Адкрыццё новага маста праз Янцзы... Праезд праз мост у першым цягніку. Вячэрні салют” (с. 494). “**17.Х.** Кантон. Сустрэча з пісьменнікамі Юй Дзінам, Хан Баём, са старэйшым членам партыі Ду Госянам, які шмат год правёў у чанкайшысцкіх турмах, паэтам і мэрам горада Хуан-чжоу Чжу Гуанам” (с. 494–495). “**19.Х.** Ляцім у Ханчжоу над краем рэк і азёр, над лабірынтамі каналаў, горных хрыбтоў, атарамі аблокаў... Кааператыў, дзе вырошчваюць чай. Старшыня кааператыва раскажаў, што збор чайных лістоў працягваецца некалькі месяцаў, некалькі раз іх трэба сушыць, праграваць, Страшэнна працаёмкая культура. Чайны плантацыі цягнуцца амаль да самых вяршынь гор” (с. 495). “**21.Х.** Цягніком прыехалі ў Шанхай. Размясцілі нас у былой французскай гасцініцы. Музей Лу Сіня. Помнік Пушкіну... Лу Сінь толькі раз спазніўся ў школу. “Усё сваё жыццё аддаю радзіме”. Кабінет паэта. Жалезны ложак, на якім шмат папер, крэсла. Каляндар, старонку якога, з датай 19.Х, ужо не змог пералістаць. Тут сустрэлі нас Джан Шэн, Ай Мін-чжы, Шэн Цяо-ін – перакладчык коласаўскай “Дрыгвы”, Кун Ло-сунь” (с. 495). “**22.Х.** Дом-музей Сун Ят-сена... Сустрэча з Ба Цзінам – старшынёй Шанхайскага аддзялення СП Кітая... На вечары былі Чэ Бао-цюань, Чао Цзін-хуа, Ені Сяо. Артыстка чытала мае вершы. Мітынг у Палацы спорту” (с. 496). “**26.Х.** Раніцой ляцім у Пекін. Яшчэ адна сустрэча ў Саюзе пісьменнікаў” (с. 496). “**30.Х.** Вечарам

былі ў Маскве. Берлінскім цягніком вяртаюся ў Мінск. У запіснай кніжцы некалькі кітайскіх слоў: сесе – дзякую, бывайце – зай цзян, я – во, ты – ні, хопіць – гоу ляо, таварыш – чун чжы, цудоўна – хао, дружба – юхго, люблю – ай, Савецкі Саюз – Су Лен, Кітай – Джун го... За час сваёй камандзіроўкі запомніў пару сот кітайскіх слоў. Малавата. Трэба будзе купіць кітайска-рускі ці руска-кітайскі слоўнік, які можа спатрэбіцца, калі буду працаваць над вершамі, навеянымі гэтым фантастычным падарожжам па Кітаі” (с. 497).

Сапраўды, фантастычным было тое падарожжа. І па колькасці сустрэч (прозвішчаў адных кітайскіх пісьменнікаў, з якімі сустракаўся беларускі паэт, налічваецца амаль тры дзясяткі), і па нечаканасці пачутага і ўбачанага. Уражанні перапаўнялі сэрца паэта. Хацелася як хутчэй гарачую лаву гэтых уражанняў пераліць у вершаваныя радкі. **21.XI.1957** г. у сваім дзённіку Максім Танк запісаў: “Працую над цыклам вершаў пра Кітай” (с. 497). А літаральна праз некалькі дзён са шкадаваннем паведаміў: “**26.XI**. Едзем з Любашай у Варшаву. Каб не прэмія, не паехаў бы, а сядзеў бы і пісаў бы свае кітайскія вершы” (с. 497). Максіма Танка за пераклады польскай паэзіі ўзнагародзілі літаратурнай прэміяй Таварыства польска-савецкай дружбы. Трэба было неадкладна ехаць у Польшчу атрымліваць прэмію. Затым былі і іншыя паездкі (у Маскву, па Беларусі), клопаты, звязаныя з выбарамі ў Вярхоўны Савет БССР, сямейныя турботы (вяселле сястры Людмілы і Язэпа Семязона, хвароба дзядзькі Фадзея і інш.), але праца над “кітайскімі вершамі” зусім не спынялася. Пра што сведчаць і іншыя дзённікавыя запісы, у прыватнасці – за 1958 год: “**6.III**. Далей працую над кітайскім цыклам сваіх вершаў” (с. 499): “**15.III**. Заўтра выбары ў Вярхоўны Савет СССР. Паслаў пісьмо і некалькі падрадкоўнікаў сваіх вершаў Гэ Бдо-цуюню (правільна – Гэ Бао-цюаню. – **В. Р.**), які збіраецца іх даць у сваім часопісе “Дружба” (с. 499). Побач з напісаннем вершаў нярэдка згадвалася ўбачанае і пачутае ў Кітаі. Вось паказальны ў гэтым сэнсе дзённікавы запіс ад **28 мая 1958** г.: “Ехаў з Пількаўшчыны. Спыніўся ля партызанскага абеліска, каб паглядзець, як разбушавалася Нарач. Шмат дзе хвалі даходзілі да самай дарогі. Вось як гэта хараство замкнуць у вобраз? Не дарма Канфуцый лічыў – гэта я чуў ад кітайскіх сяброў, што адзін вобраз варты тысячы слоў” (с. 500).

Пасланыя вядомаму кітайскаму перакладчыку і мастаку Гэ Бао-цюаню падрадкоўнікі вершаў неўзабаве набылі кітайскае гучанне і выйшлі асобным выданнем у Пекіне [2]. Што да іх арыгіналаў, то яны былі надрукаваны ў часопісе “Полымя” (1958, №№ 4 і 6), а ў перакладзе на рускую мову Я. Хялемскага – двума цыкламі пад аднолькавай назвай “Восток зарей пылает” у часопісах “Знамя” (1958, № 10) і “Новый мир” (1959, № 10). Рускія пераклады, як ужо было сказана, пад той самай назвай выйшлі і асобным выданнем у 1959 г. у Маскве.

У цыкле з 26 вершаў створаны поўныя захаплення, запамінальныя вобразы старажытнага і ні з чым не параўнанага Кітая. Па сутнасці, перад намі паэтычны аповед пра ўсё, што захапіла паэта ў яго падарожжы па Кітаі і што спачатку знайшло адлюстраванне ў яго “Дзённіку”. Зразумела, Максіма Танка, які ў свой час актыўна змагаўся за сацыяльныя і нацыянальныя правы

народа былой Заходняй Беларусі, цікавілі факты такога ж змагання кітайцаў, не мог ён не радавацца парасткам новага свабоднага і шчаслівага жыцця (“Міска для рысу”, “За бяседным сталом”, “Засуха ў правінцыі Хэнань”, “У будынку былых курсаў сялянскага руху”). Аднак цэнтральнае месца ў кітайскім вершаваным цыкле занялі творы пра гістарычныя і культурныя помнікі Кітая, яго прыроду, пра надзвычай таленавітых людзей, вынікі іх настойлівай працы. Пра гэта красамоўна гавораць ужо самі назвы вершаў, што перагукваюцца з дзённікавымі запісамі: “Сайн-Шанд”, “Ці Бай-шы”, “Лунмынскія пячоры”, “Мост Вечнага Спакою”, “Мост дружбы”, “Янцзы”, “У майстэрні кветак, якія не вянуць!”, “Альтанка Чжычуньцін” і інш. Шэраг вершаў прысвечаны прыгажосці кітайскіх жанчын, высакароднаму пачуццю кахання (“Хустка”, “Бронзавае люстэрка”, “Я паўдня вас чакаў...”).

Відавочна, “фантастычнае падарожжа ў Кітай” стала знакавай падзеяй у жыцці Максіма Танка, паколькі яно неаднойчы адгукалася ў яго творчасці на працягу наступных ледзь не пяці дзесяцігоддзяў. І адгукалася не толькі асобнымі ўспамінамі, выказваннямі (накшталт упамінання Канфуцыя ці некаторых іншых кітайскіх пісьменнікаў і вучоных), а і некаторымі творами. Скажам, за некалькі год да смерці, у 1990 годзе, уяву паэта наведала дзіўнае падабенства лясных беларускіх мурашоў да... кітайскіх іерогліфаў, прымусіўшы ў верша “Над кітайскімі іерогліфамі” згадаць нават прозвішчы славурых жывапісцаў:

Гляджу, як па сцежках лясных
Мітусяцца-снуюць мурашы.
Яны чамусьці здаюцца мне
Жывымі іерогліфамі
Славурых Су Шы,
Санг Шу-фана,
Ці Сун Бао-лінга,
Ад якіх не магу адарвацца,
Таямніцу якіх
Не магу разгадаць [3, с. 203].

У тым жа годзе кітайскае слова “Ай”, занатаванае калісьці ў “Дзённіку” далёкага 1957 г., “справакавала” яшчэ адзін верш, на гэты раз інтымны, “Ай! – люблю”:

Пры сустрэчах з сябрамі,
Вывучаю іх мову.
Пачынаю са слоў
Неабходных, жыццёвых.
Але дзе ты ўзяла
“Ай!” – кітайскае слова,
Не знаеш?
А заўсёды ў абдымках маіх
Паўтараеш [3, с. 213].

Несумненна, кітайскі «ўсход зарой пылаў» у сэрцы беларускага паэта да самай яго смерці.

Літаратура

1. Танк, М. Восток зарей пылает / Максим Танк; пер. Я. Хелемский. – М., 1959.
2. Танк, М. Выбранные творы / Максим Танк; пер. Гэ Бао-цюань. – Пекін, 1958.
3. Танк, М. Збор твораў: у 13 т. / Максим Танк. – Мінск: Беларус. навука, 2008. – Т. 6: Вершы (1983–1995).
4. Танк, М. Збор твораў: у 13 т. / Максим Танк. – Мінск: Беларус. навука, 2008. – Т. 9: Лісткі календара. Дзённікі (1941–1959).
5. Танк, М. Мой хлеб надзённы: Вершы / Максим Танк. – Мінск: Дзяржвыд БССР, 1962.

Кабржыцкая Т.В. (Мінск)

ЛЯ ВЫТОКАЎ ЛІТАРАТУРНАГА ЎЗАЕМАЗАЦІКАЎЛЕННЯ: першыя крокі кітайскай украіністыкі і Тарас Шаўчэнка, першыя ўкраінскія і беларускія пераклады кітайскай літаратуры

Пачатак ХХ ст. пазначаны інтэнсіўным нацыянальна-вызваленчым рухам як у царскай Расіі, так і ў Кітаі. Кітайская літаратура гэтага часу адлюстроўвала антыімперыялістычныя настроі, выступала супраць маньчжура-кітайскіх феадалаў, выявіла актыўнасць у азнаямленні з дасягненнямі сусветнай культуры, звярнулася да перакладаў лепшых твораў заходнееўрапейскага пісьменства, у тым ліку і рускага, і ўкраінскага. Вызваленчыя змаганні 1919 г. пад назвай “Рух 4-га мая” спрыялі далейшай дэмакратызацыі кітайскай літаратуры, выпяванню асветніцкіх памкненняў, што прывяло да абнаўлення тэматыкі і сродкаў мастацтва слова. Узначалі гэты працэс пісьменнік Лу Сінь (1881-1936), які лічыцца заснавальнікам новай кітайскай літаратуры.

Лу Сінь увабраў у сваю творчасць паэтыку еўрапейскага рамантызму і рэалістычныя тэндэнцыі рускай літаратуры. Як асветнік ён шмат артыкулаў прысвяціў папулярызацыі ведаў пра літаратуру Еўропы, як перакладчык даў жыццё на роднай кітайскай мове творам балгарскіх, венгерскіх, галандскіх, польскіх, чэшскіх, японскіх пісьменнікаў, а таксама творам пісьменнікаў Расіі. Арыгінальныя творы Лу Сіня ў пачатку яго творчай дзейнасці знаходзіліся пад уздзеяннем твораў М. Гоголя і А. Чэхава, выяўлялі ўдумлівае стаўленне аўтара да праблем народа, што збліжала яго творчасць з рэвалюцыйна-дэмакратычным кірункам расійскай літаратуры ХІХ ст.

Паказальна, што дзякуючы Лу Сіню ў Кітаі пачалося актыўнае азнаямленне з паэзіяй Тараса Шаўчэнкі. Сапраўднае прозвішча і імя Лу Сіня – Чжоў Шу-жэнь. Малодшы брат Лу Сіня Чжоў Цэо-жэнь па парадзе Лу Сіня перадаў мовай веньянь верш Т. Шаўчэнкі “Ой три шляхи широкіі», надрукаваўшы разам з перакладам артыкул пра Кабзара яшчэ ў 1912 г. у выданні «Міньсінь жыбао». У верасні 1921 г. часопіс “Сяошо юебао” –

“Штомесячнік навел” – надрукаваў спіс еўрапейскіх пісьменнікаў, з чыімі творамі кітайскія перакладчыкі меліся знаёміць свайго чытача. Сярод трыццаці імёнаў чацвёртым у спісе па парадзе Лу Сіня было пазначана: “Тарас Шаўчэнка”.

У наступным, кастрычніцкім нумары гэтага часопіса Лу Сінь надрукаваў ва ўласным перакладзе раздзел, прысвечаны ўкраінскай літаратуры, узяты з нямецкага выдання “Агульнай гісторыі літаратуры”, што ўбачыла свет у 1921 г. у Берліне. Аўтар выдання нямецкі вучоны, гісторык літаратуры, журналіст Густаў Карпелес высока ацэньваў творчасць Т. Шаўчэнкі, якая перадае “ўсю паэзію Украіны”, пісаў пра Кабзара як пра народнага правадыра, прарока сваёй айчыны. Пераклад літаратуразнаўчага матэрыялу з “Агульнай гісторыі літаратуры”, дапоўненага ўласнымі меркаваннямі Лу Сіня, суправаджаўся публікацыяй верша Т. Шаўчэнкі “Сонце заходзіць, гори чорніюць» пад назвай «Роздумы ў зняволенні». Пераклад верша на кітайскую мову ажыццявіў пісьменнік Мао Дунь.

Амаль сінхронна распачаўся і працэс азнаямлення з кітайскай літаратурай на ўкраінскіх землях. Першыя ўкраінскія пераклады з кітайскай мовы з’явіліся ва ўкраінскім друку ў выніку рэвалюцыйных падзей 1905 г., калі была аслабленая палітыка царскага ўраду, скіраваная на забарону перыядычных выданняў на нацыянальных мовах народаў Расіі. У 1918 г. у Кіеве выходзіць асобнае выданне «Хінскі оповідання». Паказальны той факт, што найперш увагу перакладчыкаў прыцягнулі творы жанру навелы-казкі. Для кітайскай літаратуры гэты малы эпічны жанр вельмі характэрны, ён вырастаў з народнай творчасці, быў напоўнены эпічнасцю на поўначы краіны і лірызмам на яе поўдні. Дарэчы, схільнасць да лаканізму, закладзеная ў паэтыку кароткага жанру навелы-казкі, з’явіцца адной з паказальных прыкмет прозавай творчасці Лу Сіня.

Украіназнаўчая ўвага Лу Сіня паклала пачатак далейшым перакладам на кітайскую мову твораў Т. Шаўчэнкі, такіх класікаў украінскай літаратуры, як Іван Франко, Леся Українка, Васіль Стафанік, Міхайла Кацюбінскі і іншых аўтараў. Што датычыць увагі да творчасці Лу Сіня з украінскага боку, то заўважым, што час нацыянальнага ўздыму, адраджэнскі перыяд 20-30-х гг. XX ст. быў спрыяльны для прэзентацыі кітайскага аўтара, творы Лу Сіня друкаваліся ў часопісах “Вапліте”, “Червоний шлях”, асобным выданнем кніга “Творы” выйшла ў Кіеве ў 1981 г.

Цікава адзначыць, што пачатак беларускай кітаістыкі таксама пазначаны ўвагай да жанру малой прозы ў кітайскай літаратуры. Таксама, як і ўкраінская кітаістыка, беларуская бярэ свой пачатак з надыходам XX ст.

Беларуская кітаістыка зарадзілася на старонках першай беларускамоўнай газеты “Наша Ніва” (1906 – 1915). Кітайскае мастацкае слова прадстаўлена двума творамі: казачнымі апавяданнямі са старажытнакітайскай кнігі “Тысяча апавяданняў”. “Наша Ніва” адзначыла, што запрапанаваныя газетай тэксты напісаны “у канцы 17 стагоддзя кітайскім вучоным з правінцыі Шань-Дунь Пу Сун-лінам”. Створанае Пу Сун-лінам залічваецца ў шэдэўры кітайскай навелістыкі. Публікацыі

ўласна кітайскіх твораў у газеце суправаджаліся наступнай інфармацыяй: “Для “Нашай Нівы” з кітайскай мовы пераклаў прыват-дацэнт В. Аляксееў. М. Карлсберг, Віленскай губерні, Вілейскага павета”.

Будучы акадэмік-кітаязнавец В. М. Аляксееў быў знаёмы з А. Уласавым, тагачасным рэдактарам-выдаўцом “Нашай Нівы”. Гасцючы ў маёнтку А. Уласава, Аляксееў, безумоўна, дзяліўся з беларускім сябрам сваімі ўражаннямі ад нядаўняй паездкі ў Кітай. Значна пазней, у 1958 г., у Маскве выйдзе асобным выданнем кніга В. Аляксеева “В старом Китае. Дневники путешествия 1907 года”. Няма сумнення, што пераклады для “Нашай Нівы” былі зроблены па просьбе Уласава і не без яго ўдзелу. У далейшым усе свае пераклады з кітайскай літаратуры В. Аляксееў суправаджаў навуковымі каментарыямі. Кітайскія казкі (так у газеце абазначаўся жанр твораў) былі змешчаны ў “Нашай Ніве”: “Даос з гор Лао” у № 23-24 за 1910 г., “Гульня мячом у падводным царстве” у № 28 за 1910 г.

У папярэдніх сваіх выступленнях, прысвечаных беларускай кітаістыцы (гл., у прыватнасці: Кабржыцкая Т. Беларускай кітаістыцы – 100 гадоў / ЛіМ, 20 снежня 2012 г.), мы прыводзілі меркаванні на карысць аўтарства “нашаніўскай” беларускамоўнай апрацоўкі рускамоўных перакладаў кітайскіх твораў. Паўторымся: Вацлаў Ластоўскі ўжо меў добры вопыт у справе ўзнаўлення іншаземнага тэксту на беларускай мове. І пачаткі беларускай кітаістыкі былі закладзены менавіта Властам, Вацлавам Ластоўскім. Як гэта ні дзіўна, але ўдзел Ластоўскага ў станаўленні беларускага мастацкага перакладу абыдзены ўвагай гісторыкаў літаратуры і навукоўцаў.

Выдаўцы беларускай газеты, адчуваючы, наколькі складаным для нашаніўскага чытача будзе метафарычная экзатычнасць тэкстаў, пасля першай публікацыі зрабілі прыпіску: *“Гэта кітайская казка не такая простая, як можа каму здацца. Рэдакцыя просіць чытачоў добра над ёю падумаць і напісаць нам, хто як яе зразумеў, што гэтай казкай кітайцы хочуць сказаць, ці няма ў Евангеллі падобнай думкі? Наймудрэйшы і найлепшы адказ будзе надрукаваны ў “Нашай Ніве”*. Другі твор суправаджала фотаілюстрацыя -- “арыгінальны рысунак з кітайскім надпісам да гэтай казкі”. На жаль, чытацкіх водгукаў на пераклады твораў з кітайскай кнігі “Тысяча апавяданняў Лао Чжай-чжы” на старонках “Нашай Нівы” не зафіксавана, не ўдалося адшукаць такога роду допісы і ў архіве газеты.

Вызначэнне перакладзеных кітайскіх твораў як казкі – досыць умоўнае. На самой справе, гэта кароткія апавяданні павучальнага зместу. Яны ўспрымаюцца як водгукі на праблемы грамадства, вызначаюцца глыбокай змястоўнасцю, што перадаецца праз іншасказальнасць. Уласцівы ўсходняму пісьменству сінкрэтызм розных сюжэтных планаў і стылёвых адзнак робіць гэтыя малыя па памерах творы вельмі мабільнымі ў дачыненні да чытацкай аўдыторыі рознага часу, розных народаў. Аповед у іх не мае храналагічных прыкмет. Алегарычнасць, выразна скіраваная на мараль, парабалічнасць кампазіцыі характарызуюць гэтыя творы як прытчы. Чалавеку, не знаёмаму з кітайскай міфалогіяй, не ўсё адкрыецца ў змесце твораў. Аднак вельмі важна

тое, што ўкраінскамоўныя і беларускамоўныя публікацыі кітайскіх прытч-казак выводзілі чытачоў за межы канкрэтнага апісання, скіроўвалі на філасофскі роздум. У гэтым мастацкі пераклад спрыяў расшырэнню магчымасцей нацыянальных літаратур украінцаў і беларусаў у выкарыстанні народнай мудрасці, паэтыкі ўласнага фальклорнага матэрыялу. Сінкрэтызаваная міфалогія, згушчаная фантастыка, іранічная падсветка традыцыі – тыя якасці, якія з чужога вопыту актыўна ўспрымалі славянскія літаратуры, што на пачатку XX ст. далучаліся да працэсу мадэрнізацыі мастацкіх магчымасцей літаратуры. Як бачым, у гэтым ўкраінскай і беларускай літаратурам спрыяў не толькі заходнееўрапейскі вопыт, але і вопыт культуры Усходу.

Трэба прызнаць, што літаратуразнаўства і перакладчыцкая практыка народаў Савецкага Саюза актывізавалі свае зацікаўленні кітайскай літаратурай ў другой палове XX ст., што з’явілася вынікам утварэння КНР. Былі здзейснены цікавейшыя грунтоўныя выданні “Возвращенная драгоценность. Китайские повести XVII века” і “Заклятье Даоса. Китайские повести XVII века”, абодва ўбачылі свет у Маскве ў 1982 г. Сярод украінскіх перакладчыкаў кітайскай класікі, літаратуры XX ст. -- знакаміты пісьменнік перыяду нацыянальнага адраджэння 20-30-х гг. XX ст. В. Підмагільны, творцы ўкраінскай літаратуры другой паловы XX ст., асаблівая заслуга ў пытаннях украінска-кітайскага ўзаемаазнаямлення належыць літаратуразнаўцу і перакладчыку І. Чырکو.

Игнатович Т.В. (Минск)

ОБУЧЕНИЕ КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ РУССКОЙ РЕЧИ В АСПЕКТЕ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА

Развитие межгосударственных экономических связей обусловило необходимость в первую очередь обучения языку делового общения, так как речевая деятельность является важной составляющей любой профессиональной деятельности.

Известно, что сегодня резко возрастает культурообразующая функция образования. При этом важным является не просто усвоение определенной суммы знаний о культуре, а используемые при этом усвоении представления, необходимые для раскрытия нового в иноязычной культуре. Мы разделяем мнение о том, что образованный человек является продуктом своей культуры, это позволяет ему быть толерантным – считаться со взглядами других и в соответствии с ними корректировать свои.

Как отмечает Е. И. Пассов, «реализация культуроведческого аспекта иноязычного образования представляет собой целостную систему внедрения

в педагогический процесс технологии, ведущей от *homoloquens* к *homomoralis* – «от человека говорящего к человеку духовному» [4, с. 64].

Цель реализации этого направления уважаемый академик видит прежде всего в «воспитании у молодых людей положительного отношения к стране изучаемого языка, а также в формировании личности, способной не только выполнять утилитарно-языковые «кельнерские» обязанности. Но также осуществлять культурные, дипломатические, а при необходимости, и коммерческие контакты с русскоязычными партнёрами» [4, с. 64]. А для этого надо овладеть базовой художественной культурой, то есть усвоить определенные знания о произведениях искусства, о реалиях жизни и быта, уметь общаться с ними, чувственно воспринимать их и выражать своё отношение к ним.

В процессе общения его участники с помощью языковых средств совершают по отношению друг к другу определенные коммуникативные действия, поэтому дискурс может рассматриваться как способ межличностного взаимодействия, поэтому текст может рассматриваться как образец (в том числе и негативный) речевой ситуации, пригодный для многоаспектного анализа.

Культурологический подход приобретает в современном образовательном пространстве особое значение в связи с тем, что в последнее время в педагогической практике, как и в обществе в целом, происходит переосмысление роли культуры в обучении и воспитании.

Современная методика обучения языку предлагает огромное множество подходов, принципов обучения, а также приёмов и методов их реализации. Но даже самые современные методы преподавания иностранных языков не дают того результата, который обеспечивают диалоговые формы работы, прежде всего за счёт использования резервов активизации учебной деятельности, заложенных в личности обучаемого и групповом взаимодействии.

Один из таких методов, используемых при обучении в малых группах, например, на занятиях спецсеминара, – исследовательская работа студентов по сформулированной задаче над художественным текстом.

Рассматриваемый вариант диалогового обучения является методом активизации резервных возможностей личности обучаемого. Этот метод предполагает не столько воздействие на обучающегося, сколько пробуждение его встречной активности, которая усиливается в условиях группового взаимодействия.

Особенность таких занятий - взаимодействие между учащимися, опосредованное учебной задачей, их совместная согласованная деятельность, эффективность которой зависит от многих компонентов: от личных качеств студентов, уровня их знаний, от их взаимоотношений друг с другом, с преподавателем. При этом она обеспечивается теми факторами, которые

характерны для любой совместной деятельности: общей атмосферой диалога, эмоциональным сопереживанием, взаимовлиянием психологического настроения.

Чтобы общение на занятиях было эффективным, им нужно грамотно управлять. Надо учить учащихся ориентироваться в общении, чтобы правильно его спланировать и осуществлять. А. А. Леонтьев предлагает такой путь обучения: "...жестко задать их (факторы) с самого начала, сознательно наложить ограничение на варьирование этих факторов, подобрав и скомбинировав их таким образом, чтобы обеспечить оптимальные условия общения. А когда у учащегося будут сформированы навыки и умения в этой жестко заданной, ...ситуации общения, понемногу снимать наложенные ограничения, варьировать факторы и сами ситуации, обеспечить перенос сформированных умений и навыков в новые условия общения" [3, с.78].

При активизации учебной деятельности через диалогическое общение необходим глобальный подход к языку при дедуктивном способе его освоения.

Вначале весь материал осмысливается глобально с помощью пофразового перевода на родной язык обучаемых. Затем обучаемый переходит от синтеза к анализу языкового материала, благодаря комментариям преподавателя, по мере накопления языкового материала и его многократного употребления в различных ситуациях диалогического общения. При этом аналогии и ассоциации, естественно возникающие при накоплении языковой информации, облегчают осуществление учебной задачи. Целостно воспринятый речевой поток постепенно членится на отдельные элементы, а затем воссоздается для воспроизведения на уровне новых коммуникативных блоков. Так осуществляется переход от анализа речевых высказываний к их синтезу и порождению, и тем самым круг замыкается: синтез - анализ - синтез.

Ещё одним обязательным компонентом предлагаемого метода является параллельное комплексное обучение всем видам речевой деятельности с преобладанием говорения и слушания. Преподаватель имеет возможность многократно увеличить силу своего воздействия, используя ресурсы активного общения обучающихся между собой.

Специфика реализации культурологического подхода к обучению русскому языку состоит в использовании языкового, текстового материала, раскрывающего историю, традиции, обычаи, реалии быта русских и белорусов, говорящих по-русски, в тесном сочетании с изучением языковых единиц.

По мнению белорусского исследователя Л. А. Худенко, в реализации культурологического подхода «немаловажную роль играют применяемые

методики и технологии организации образовательного процесса, основанные на привлечении разнообразных источников лингвокультурологической информации: памятников культуры, общественной мысли, произведений художественной литературы, народного поэтического творчества, публицистических материалов, исторических, философских, искусствоведческих, лингвистических, литературоведческих и других исследований. [6, с. 4].

Для реализации выбранного подхода можно использовать следующие упражнения, задания и виды работы:

разъяснение смысла и лингвокультурологический анализ тематических слов текста, пословиц, поговорок, крылатых выражений, фразеологизмов, формул речевого этикета,

включение пословиц, поговорок, крылатых выражений, фразеологизмов, формул речевого этикета в речевой контекст (реальный диалог),

обучение правилам употребления формул речевого этикета в общем контексте вербальных и невербальных средств общения (в реальном диалоге),

наблюдение за реальным речевым процессом с целью определения уместности, целесообразности и правильности использования средств речевого этикета в диалоге,

осуществление речевых действий и поступков в соответствии с национально-культурными ценностями народа, язык которого изучается.

Предлагаем разные типы заданий и упражнений, демонстрирующие возможности диалогических форм работы и лингвокультурологического материала при обучении китайских студентов (в рамках спецсеминара «Коммуникативно-ориентированное изучение русского языка: теория и методика»).

1. Прочитайте текст пожелания белорусов, когда они уходили из гостеприимного дома. Что становится предметом пожелания? Какими языковыми средствами формулируется пожелание? Что говорят в этой ситуации в вашей культуре? Выпишите слова, с помощью которых передаётся отношение говорящего?

Искренне желаем:

В ноги – доброй дороги,

Рукопожатия верных друзей,

Чтобы ваш дом был красен

И углами, и пирогами,

Чтобы в вашем доме

Всегда звучал детский смех

И уважали старость!

В добрый путь, в счастливую минуту!

Храни вас Бог! [2, с. 566]

2. Рассмотрите картину Г. И. Семирадского и скажите: какие отношения связывают героев? Как это отражено в названии картины?

Обоснуйте своё мнение. Для этого обратитесь к информации экскурсионного текста[5, с. 57-59](чтение текста сопровождается виртуальную экскурсию по залам Национального художественного музея Республики Беларусь: artmuseum.by/ виртуальные туры/ Экспозиция русского искусства XVIII – XX века/ зал 11). **Чтение текста прерывается рассматриванием картины и ответами на вопросы, читающий имеет возможность сравнить своё восприятие с позицией искусствоведа.**

Генрих Семирадский – автор большой картины «Доверие Александра Македонского к врачу Филиппу» (находится в Национальном художественном музее Республики Беларусь). Это произведение – историческая картина, правда посвящена она событиям не русской, а древнегреческой истории.

Александр Македонский – знаменитый древнегреческий полководец. Будучи царём Македонии, он смог объединить под своей властью всю Грецию, а затем покорить её извечного врага – могущественное восточное государство Персию. Александр считал себя непобедимым и мечтал завоевать весь мир, но неожиданно во время одного из своих походов заболел и очень быстро умер, в самом расцвете своих сил и на пике славы. Смерть Александра была такой скоропостижной, что многие считали: царя отравили.

Может быть, так полагал и художник Генрих Семирадский?

Что изображено на картине?

На картине мастер изобразил заболевшего Александра: полуобнажённый, он возлежит на кушетке, а его оружие и доспехи, оказавшиеся не у дел, сиротливо расположились рядом.

Как вы думаете, кто находится рядом с полководцем? Чем они заняты?

Около Александра стоит врач Филипп. Он только что приготовил царю лекарство. В этот момент седобородый старик принёс Александру письмо, в котором говорилось, что Филипп – предатель, желающий отравить царя.

Как поступил в этой ситуации Александр? Как вы догадались?

Если пока не догадались, вспомните: картина называется «Доверие Александра Македонского к врачу Филиппу»... Правильно, Александр не поверил тайному доносу: он отдал Филиппу письмо с обвинениями в его адрес и готовится поднести к губам чашу с лекарством...

Никто не знает, отчего умер Александр Македонский. И картина Семирадского не может дать прямого ответа на этот вопрос. Но внимательно всматриваясь в неё, мы наверняка догадываемся о мыслях самого художника. Посмотрите, с каким достоинством он изобразил Филиппа и как подчеркнул подлость доносчика, что-то наигрывающего Александру и исподтишка бросающего на всех злые взгляды! Взгляните ещё раз на лицо Филиппа: он искренне удивлён тому, что написано в письме, и его благородное спокойствие – лучшее свидетельство чистой совести.

3. Исследовательская работа по материалам цикла лирических миниатюр В. П. Астафьева «Затеси» [1].

Задание студентам для исследовательской работы – проанализировать функциональные возможности односоставных предложений в художественном тексте. Для этого необходимо

- повторить теоретические сведения о структурных типах простых предложений, об их изобразительных возможностях,
- проанализировать качественный и количественный состав простых предложений в отобранных для работы текстах миниатюр,
- проанализировать содержание, передаваемое этими предложениями,
- сделать вывод о функционировании в художественном тексте разных типов простых предложений, о функциональных возможностях этих типов предложений.

В основе классификации односоставных предложений лежит способ выражения главного члена предложения. Поэтому студентами-инофонами подробно изучаются 4 типа односоставных предложений, а об инфинитивных, вокативных и генитивных предложениях даётся представление. Особая позиция высказывается по поводу обобщённо-личных предложений. Обобщённость не является грамматической категорией, это компонент семантики, который может накладываться на любые структуры, поэтому нелогично выделять отдельный структурно-семантический тип обобщённо-личных предложений.

Разные типы предложений, которые могут иметь обобщённое значение:

- 1) двусоставные полные: *На воре шапка горит;*
- 2) двусоставные неполные: *За дымом погнался, без огня остался. То же слово, да не так бы молвил;*
- 3) определённо-личные: *Слезами горю не поможешь. Не спеши языком, торопись делом;*
- 4) неопределённо-личные: *Языком капусту не шинкуют. Мудрость обретают в трудном споре;*
- 5) безличные: *Нет пророка в своем отечестве.*

Известно, что различные виды односоставных предложений неодинаково распространены в речи.

В качестве материала для наблюдения со студентами мы выбрали цикл лирических миниатюр известного российского писателя XX века Виктора Астафьева. «Затеси» – это короткие рассказы-воспоминания, раздумья о жизни, о природе, о любви, бытовые зарисовки. В них писатель призывает человека к ответственности за все, что происходит на земле и в его личной жизни.

Для полноты представления о функциональном синтаксическом разнообразии в миниатюрах обязательно необходимо вводить фоновую информацию, минимум фактов о писателе, его лирическом цикле и особенностях художественной манеры.

Затесь – это зарубка, сделанная на дереве топором или другим острым предметом. Делали её первопроходцы и таежники для того, чтобы белеющая на стволе дерева метка была видна издалека, и ходили по тайге от метки к метке, часто здесь получалась тропа, затем дорога, и где-то в конце ее возникали зимовье, заимка, затем село и город...

Помимо напечатанного текста миниатюры студенты получают технологическую карту поэтапной деятельности на занятии, результатом записей по этапам которой может стать исследовательский отчёт.

Примерные формулировки заданий для технологической карты:

1. Назовите тему текста. Названа ли она в тексте прямо?
2. Сформулируйте основную мысль текста. Сформулирована ли она в тексте прямо?
3. На какие части можно разделить текст? Какие подтемы в нём выделяются?
4. Как связаны предложения в тексте? Как связаны подтемы друг с другом?
5. Дайте структурно-семантическую характеристику предложений.
6. Проведите количественно-качественный анализ структурных типов предложений в тексте.
7. Сделайте вывод о функционировании разных типов предложений в тексте.

Мы проанализировали лирическую миниатюру «Приветное слово» [1, с. 31] и рассмотрели, как у В. Астафьева в тексте «работают» односоставные предложения.

ПРИВЕТНОЕ СЛОВО

Холодно. Ветрено. Конец весны, а приходится на прогулку прятаться в лес.

Иду. Кашляю. Скриплю. Надо мной пустынно шумят березы, никак не разрождающиеся листом, сережками лишь обвешанные и шепотками зеленых почек осененные. Настроение мрачное. Думается в основном о конце света.

Но вот навстречу по вытоптанной тропинке чешет на трехколесном велосипеде девочка в красной куртке и красной шапочке. За ней мама коляску катит с малышом.

– Дядя, дядя! – сияя чернющими глазами, кричит девочка и шурует дальше.

«Здравствуй, маленькая! Здравствуй, дитячко мое!» – хочется крикнуть и мне, да не успеваю.

Мать в синем плащике, наглухо застегнутом, – боится застудить грудь, поравнявшись со мной, устало улыбнулась:

– Ей пока еще все люди – братья!

Оглянулся – мчится девочка в распахнутой красной куртке по весеннему березняку, приветствует всех, всем радуется.

Много ль человеку надо? Вот и мне сделалось легче на душе.

Тема текста – приветное слово (заголовок) (обращаем внимание на различие в семантике паронимов *приветливый* и *приветный*), основная мысль – много ли человеку надо? Приветное слово облегчает человеку физические и душевные страдания, поднимает настроение.

В тексте 18 предложений, из них одно назывное, 4 определённо-личных и 7 безличных. Поэтому в тексте такие типы односоставных предложений: назывное обозначает ситуацию, определённо-личные позволяют сосредоточиться на действии, а не на его исполнителе, безличные характеризуют состояние природы (*Холодно. Ветрено*) и состояние человека (5 предложений).

На примере этой лирической миниатюры можно проанализировать роль разных типов односоставных предложений в художественном тексте.

Номинативное (назывное) предложение 1) создает образную, зримую картину природы, состояния героя; 2) запечатлевает одно мгновение, один кадр; фиксирует только настоящее время; 3) дает возможность читателю додумать, довоображать, представить общую картину.

Определенно-личное предложение 1) сосредоточивает внимание на глаголе (действии, чувстве, мысли); 2) создает интонацию доверительности.

Безличное предложение 1) описывает состояние природы, человека; 2) вносит в текст ощущение предопределенности; 3) передает состояние человека (например, чувство тревоги, одиночества, пустоты, безысходности).

Неопределенно-личное предложение обозначает действие безотносительно к конкретному лицу, позволяет сосредоточить все внимание на характере обозначаемой деятельности. Эта задача не соответствует авторскому замыслу, поэтому в тексте нет неопределенно-личных предложений.

Мы убедились, что односоставные синтаксические конструкции могут быть значимы для реализации художественной задачи в тексте. Односоставные предложения оказываются более выразительными, чем их синонимичные варианты; они живее, эмоциональнее, непосредственнее передают авторский замысел, помогают передать его тончайшие оттенки.

4. Филологический анализ поэтического текста.

Одна из задач филологической подготовки иностранных студентов-филологов - научить студентов филологических факультетов интерпретировать художественный текст на основе его основных единиц и категорий. Это очень важно, поскольку подлинно художественный текст характеризуется многомерностью смыслов и наличием скрытой, не прямой информации. Успешность интерпретации связана с определением характера отношений в тексте, выделением его признаков и установлением связи его элементов. Анализ структуры текста в результате должен предварять истолкование, а в дальнейшем дополняться выводами содержательного характера и соотноситься с ними.

Предлагаемый подход к филологическому анализу художественного текста определяет его «челночный» характер — постоянные переходы от содержания к форме и обратно. Наблюдения над формой и ее анализ дают

возможность сделать содержательные выводы, которые, в свою очередь, вновь проверяются рассмотрением языковых средств и образной системы текста в ее динамике. В качестве примера такой работы предлагаем исследование художественного своеобразия стихотворения Б. Пастернака «**Золотая осень**».

Осень. Сказочный чертог,
Всем открытый для обзора.
Просеки лесных дорог,
Заглядевшихся в озера.

Как на выставке картин:
Залы, залы, залы, залы
Вязов, ясеней, осин
В позолоте небывалой.

Липы обруч золотой —
Как венец на новобрачной.
Лик березы — под фатой
Подвенечной и прозрачной.

Погребенная земля
Под листвой в канавах, ямах.
В желтых кленах флигеля,
Словно в золоченых рамах.

Где деревья в сентябре
На заре стоят попарно,
И закат на их коре
Оставляет след янтарный.

Где нельзя ступить в овраг,
Чтоб не стало всем известно:
Так бушует, что ни шаг,
Под ногами лист древесный.

Где звучит в конце аллей
Эхо у крутого спуска
И зари вишневый клей
Застывает в виде сгустка.

Осень. Древний уголок
Старых книг, одежд, оружия,
Где сокровищ каталог
Перелистывает стужа.

Русская осень – совершенно особенная, волшебная пора, вдохновляющая поэтов на создание лирических шедевров. Например, стихотворение Бориса Пастернака «Осень золотая» также посвящено этой поре. В нём рассказывается «об осени первоначальной» - «золотой» осенней поре.

Вопросы и задания для исследования и анализа.

Какое впечатление вызвало у вас это стихотворение? (*Яркая, красочная картина осени.*)

Каким настроением проникнуто стихотворение? (*Чувство радости от этого времени года.*)

В этом стихотворении встретилось много сложных слов. Объясните их значения.

Чертог- царский дворец;

просека-тропинка;

обруч –узкий обод, согнутая в кольцо пластина;

венец- драгоценный головной убор, корона.

погребенная - похороненная, закрытая

флигель – пристройка сбоку главного здания или дом во дворе здания;

сгусток– комок;

каталог– перечень, список.

Найдите в тексте определения и эпитеты. (*Сказочный чертог, фатой подвенечной и прозрачной, погребенная земля, в золоченых рамах, в желтых кленах, лист древесный, вишневый клей, древний уголок.*)

Найдите в тексте средства, выражающие сравнения. Обратите внимание на разные способы выражения сравнения. (*Флигеля словно в золоченых рамах, т.е. дом во дворе как в золоченой рамке; обруч золотой как венец на новобрачной; заря застывает в виде сгустка.*)

Найдите метафоры в тексте. (*Лик березы, бушует лист древесный, зари вишневый клей; сокровищ каталог; перелистывает стужа.*)

Метафорическое переосмысление отражает особенность авторского видения окружающей действительности: *сказочный чертог, заглядевшихся в озера, как на выставке картин, залы, залы, залы, залы, обруч золотой, как венец на новобрачной, лик березы под фатой, подвенечной и прозрачной, погребенная земля, словно в золоченых рамах, оставляет след янтарный, бушует, что ни шаг, под ногами лист древесный, древний уголок, сокровищ каталог перелистывает стужа.*

Тематические ряды слов отражают основную тему стихотворения: *осень, просеки, дороги, озера, вязы, ясени, осины, липы, березы, земля, листва, канавы, ямы, клены, деревья, сентябрь, кора, овраг, аллеи, вишневый клей, стужа.*

Слова и выражения с цветовым значением: *позолота* небывалая, обруч золотой, фата подвенечная и прозрачная, в желтых кленах, словно в золоченых рамах, след янтарный, вишневый клей.

Слова и выражения со звуковым значением: *бушует, звучит эхо, сокровищ каталог перелистывает стужа.*

Качественные

прилагательные: сказочный, небывалой, золотой, прозрачной, желтых, золочены
х, янтарный, крутого, вишневый, древний, старых.

Относительные

прилагательные: лесных, подвенечной, древесный. Притяжательных прилагательных нет в тексте стихотворения.

Тематические группы существительных:

Компоненты пейзажа: обзор, просека, дорога, вяз, ясень, осина, липа, береза, земля, канава, яма, дерево, след.

Времена года и время: осень, сентябрь, заря, закат, конец, стужа.

Пространство и ограниченное пространство (жильё): чертог, зал, флигель, овраг, аллея, уголок.

Всё, что к нему относится: картина, позолота, обруч, венец, лик, фата, листва, клен, рама, кора, нога, лист, эхо, сгусток, книга, одежда, оружие, сокровище, каталог.

Конкретные существительные: чертог, картина, вяз, ясень, новобрачная, осина, липа, обруч, венец, береза, фата, клен, флигель, овраг, уголок, лик.

Абстрактные существительные: обзор, сентябрь, закат, заря, след, конец, эхо, сгусток, сокровище, стужа.

Вещественные существительные: позолота.

Собирательные существительные: листва, одежда.

Синтаксис стихотворения выполняет значительную нагрузку в создании художественного образа осени, в реализации авторского замысла. В создании картин природы, в показе на мгновение запечатлённых кадров главную роль играют назывные предложения. Их функция – подчеркивание существования, наличия, бытия предмета речи: *Осень. Сказочный чертог, Всем открытый для обзора. Просеки лесных дорог, Заглядевшихся в озера. Залы, залы, залы, залы Вязов, ясеней, осин В позолоте небывалой. Лик березы — под фатой Подвенечной и прозрачной. Погребенная земля Под листвою в канавах, ямах. В желтых кленах флигеля, словно в золоченых рамах. Осень. Древний уголок Старых книг, одежд, оружия...*

В чем особенность описания осени в этом стихотворении? (Природа становится главным действующим лицом.) Таким образом, стихотворение Пастернака подробно и детально раскрывает прелесть русской ранней осени.

В финале поэт приравнивает к смерти стужу:

...Древний уголок

Старых книг, одежд, оружия,

Где сокровищ каталог

Перелистывает стужа.

В образной системе стихотворения Пастернака все построено на метафорах и сравнениях («Залы, залы, залы, залы Вязов, ясеней, осин В позолоте небывалой»; «закат на их коре Оставляет след янтарный»; «И зари вишневый клей»; «Где сокровищ каталог Перелистывает стужа» - «Липы

обруч золотой - Как венец на новобрачной»; «В желтых кленах флигеля, Словно в золоченых рамах»).

В стихотворении Пастернака есть повторы, акцентирующие внимание на определенных описаниях, помогающие создать единый образ (повторы с союзным словом *где*).

Стихотворение создано при помощи перекрестной рифмовки, с чередованием мужских и женских рифм. Стихотворение Пастернака делится на катрены.

Пастернак любит и восхищается золотой осенью. В стихах огромная любовь ее автора к России, к русской природе, слияние поэта со своей родной страной и ее судьбой. Природа в стихах Б. Пастернака одухотворена и олицетворена. Она становится действующим лицом наравне с человеком.

Таким образом, культурологический подход обеспечивает осознанное поведение человека, регулирует взаимодействие и взаимопонимание между субъектами, нормы поведения в процессе межкультурного общения, обучает студентов вести себя в соответствии с требованиями этикета в ситуациях общения с представителями иностранных культур, быть готовыми к сотрудничеству и совместной профессиональной деятельности.

Литература

1. Астафьев В. П. Затеси / В. П. Астафьев. – М.: Эксмо, 2008. – 720 с.
2. Котович О. Золотые правила народной культуры / Оксана Котович, Янка Крук. – Минск: Адукацыя і выхаванне, 2013. – 592 с.
3. Леонтьев А.А. Педагогическое общение. - М: Знание, 1979.
4. Пассов Е. И. Концепция коммуникативного иноязычного образования (теория и её реализация). Методическое пособие для русистов / Е. И. Пассов, Л. В. Кибирева, Э. Коларова. – СПб: «Златоуст», 2007. – 200 с.
5. Томашева И. Г. В мире русского искусства. Детский путеводитель по экспозиции русского искусства XVIII – начала XX века. – Минск: Беларусь, 2012. – 80 с.
6. Худенко Л. А. Обучение русскому языку: лингвокультурологический подход. V – XI классы: учеб.-метод. пособие для учителей учреждений общ.сред. образования с белорус. и рус. языками обучения / Л. А. Худенко. – Минск: нац. ин-т образования, 2012. – 128 с.

Манкевіч А.А. (Мінск)

ПОСТАЦІ МІСІЯНЕРАЎ ВА ЎСПАМІНАХ ІОСІФА ГЕРМАНОВІЧА (ВІНЦУКА АДВАЖНАГА) “КІТАЙ – СІБІР – МАСКВА”

90-я гады XX стагоддзя разам з нацыянальнай і хрысціянскай ідэяй вярнулі ў літаратуру слаўныя імёны і выдатныя творы беларусаў-святароў: Адама Станкевіча, Канстанціна Стаповіча (Казіміра Сваяка), Андрэя Цікоты, Віктара Шутовіча, Язэпа Германовіча (Вінцука Адважнага) і інш., жыццю і

творчасці якіх была ўласціва сапраўдная чыстая вера ў Бога і ў Беларусь, глыбокая хрысціянская маральнасць.

Вінцук Адважны (сапраўднае імя Язэп (Іосіф) Германовіч) быў адным з тых слаўных рыцараў беларускага нацыянальнага Адраджэння, імёны якіх доўгі час знаходзіліся ў інфармацыйнай блакадзе і якім выпала спазнаць нялёгкае выпрабаванні за ахвярную службу Беларусі. Нават пасля хрушчоўскай “адлігі” імя Вінцука Адважнага не згадвалася: яму не маглі дараваць такіх рэчаў як беларускае уніяцтва, беларускі патрыятызм і адданая служба Радзіме-Беларусі.

Язэп Германовіч, сын Станіслава і Ганны (з сям’і Савіцкіх), нарадзіўся 4 сакавіка 1890 года ў Гальшанах (цяпер Ашмянскі раён Гродзенскай вобласці). У 1898-1902 гадах вучыўся ў Гальшанскай школе, а потым – у Ашмянскім гарадскім вучылішчы. У 1908 годзе юнак паступіў у Віленскую каталіцкую духоўную семінарыю. Найлепшай формай служэння свайму народу ён лічыў святарства. Час навучання ў семінарыі, а гэта былі гады ажыўлення беларускага нацыянальна-адраджэнскага руху, моцна паўплываў на фарміраванне асобы Германовіча. У той самы час студэнтамі Віленскай семінарыі акрамя Язэпа Германовіча, былі А. Станкевіч, А. Цікота, В. Шутовіч, В. Гадлеўскі, К. Стаповіч, М. Пятроўскі, Я. Рэшэць і інш. Усе яны пазней сталі выдатнымі дзеячамі нацыянальнага адраджэння. Ужо тады, у семінарыі, па іх ініцыятыве быў створаны беларускі гурток і бібліятэка.

Язэп Германовіч закончыў семінарыю ў 1913 годзе і ў гэтым жа годзе атрымаў святарскае пасвячэнне. Працаваў на Беласточчыне, у Мсцібаве і Вялікай Лапеніцы Ваўкавыскага павета, у Луконіцы на Слонімшчыне і Лужках на Дзісеншчыне. Усюды, дзе ён працаваў, стараўся перадаваць людзям слова Божае на іх роднай мове, хоць беларуская мова ў касцёлах нярэдка выклікала ганенні з боку адміністрацыі. У 1924 годзе айцец Германовіч уступіў у ордэн марыянаў, якія пачыналі сваю дзейнасць у Друі. Ён быў выдатным выхавацелю моладзі, якой прывіваў любоў да роднай беларускай мовы, а таксама прынцыпы хрысціянскай маралі. Але не давалося айцу Германовічу доўга папрацаваць у Друі. У 1932 годзе касцёльныя ўлады накіравалі Язэпа Германовіча ў Харбін (Кітай), дзе яму была даручана місійная праца сярод расійскай эміграцыі. Пасля чатырох гадоў знаходжання ў Харбіне айцец Германовіч вярнуўся ў Вільню і быў там прызначаны кіраўніком беларускага марыянскага Дома Студэнта. Але ўжо ў 1938 годзе Віленскія ўлады выселілі студэнтаў Марыянскага Дома ў Вільні, а яго кіраўнік, айцец Германовіч, вымушаны быў пакінуць радзіму і вярнуцца ў Харбін. Там ён працаваў да 1948 года. Гэты перыяд яго жыцця адлюстраваны ў падарожных нататках “На Далёкі Ўсход” (Вільня, 1937). У 1948 годзе быў арыштаваны кітайскай міліцыяй і перададзены савецкім органам, якія асудзілі яго на 25 гадоў зняволення ў сібірскіх лагерах.

Пасля шасці з паловай гадоў лагерных пакут, у 1955 годзе, айцец Германовіч быў вызвалены, выехаў у Польшчу. “Калі вызвалялі нас з лагера, – расказваў айцец Германовіч, – начальнікі патрабавалі падаць жадаемае месца далейшага пражывання. Я адказаў: як беларус і каталіцкі святар жадаю

вярнуцца на Беларусь і працягваць душпастырскую працу”. Начальнік з гэтым не пагадзіўся: «О, в Белоруссии таких не надо. У тебя гражданство польское, вот поэтому мы тебя отправим в Польшу». [3]

Сапраўднай прычынай такога рашэння была ідэйная пазіцыя беларускага каталіцкага святара, якая была зусім непажадана на той час на Беларусі. Давялося працягваць эмігранцкае бытаванне. У канцы 1959 года айцец Германовіч выехаў з Польшчы ў Рым, а неўзабаве – у лонданскі Дом Марыянаў. Тут 26 снежня 1978 года ён памёр і быў пахаваны на могілках Святога Панкрата ў Лондане. [2]

Айцец Язэп Германовіч пакінуў багатую літаратурную спадчыну. Пісаў пераважна пад крыптанімам В.А., псеўданімамі Вінцук Адважны, Лявон Ветрагон і іншымі. Друкавацца пачаў з 1919 года. Першы артыкул выйшаў у віленскай “Крыніцы” пад назвай “Хто мы?”, які быў падпісаны псеўданімам “Хлопчык з-пад Горадні”. Праз нейкі час давялося яму сустрэцца з вядомым беларускім пісьменнікам Максімам Гарэцкім, які, па сведчанні біскупа Чэслава Сіповіча, сказаў яму: “Ксёндз, ты мусіш пісаць! Грэх, калі не будзеш!” [2]. Такая падтрымка стала добрым стымулам для святара. Пазней ён друкаваўся таксама ў “Беларускай Крыніцы”, “Хрысціянскай Думцы” і інш. Займаўся перакладамі, працаваў у жанры дзіцячай паэзіі, пісаў гумарыстычныя і сатырычныя творы. На эміграцыі ў Лондане на працягу дзесяці гадоў (1964–1974) рэдагаваў часопіс “Божым Шляхам”.

Асобнымі кнігамі выйшлі наступныя яго творы: “Як Казюк сабраўся да споведзі”, (Вільня, 1928), “Казюковае жанімства”, (Вільня, 1929), “Як Гануля збіралася ў Аргентыну”, (Вільня, 1930), “Адам і Анелька”, (Вільня, 1931), “Канёк-Гарбунок” (паводле Яршова), (Вільня, 1932), “Бэтлейка”, (Вільня, 1932), “Унія на Палесьсі”, (Альберцін, 1932), “Беларускія цымбалы”, (Вільня, 1933), “Казка аб рыбаку і рыбцы”, (Вільня, 1935), “Хлапец”, (Вільня, 1935), “Гануліны клопаты”, (Вільня, 1935), “Кітай-Сібір-Масква” (успаміны), (Мюнхен, 1962), “Пакутныя псалмы” (пераклад вершам), (Рым, 1964), “Князь і лапаць. Сучасная казка”, (Лондан, 1964), “Байкі і іншыя вершы”, (Лондан, 1973).

Язэп Германовіч, упершыню сустрэўся з беларускім друкаваным словам, “Дудкай” Багушэвіча, падчас навукі ў ашмянскім вучылішчы – кнігу “даў яму і ягонай сястрэ Людвіні беларускі каталіцкі святар Гуневіч” [1]. Пра ўздзеянне гэтай кнігі на маладога Германовіча піша Чэслаў Сіповіч: “Гэтая кніжачка адчыніла ім вочы, што яны беларусы” [3], “ад таго часу Язэп Германовіч ёсць не толькі свядомым беларусам, але дзейным змагаром за лепшую долю свайго народа” [1].

На Захадзе шырокую вядомасць атрымалі ўспаміны айца Язэпа Германовіча “Кітай-Сібір-Масква”. Кніга была выдадзена ў 1962 годзе ў Мюнхене (на адзінаццаць гадоў раней чым “Архіпелаг ГУЛаг” А.Салжаніцына) і перакладзена на італьянскую, польскую, літоўскую і рускую мовы. На Бацькаўшчыне ж толькі ў 2003 годзе грамадскасць змагла пазнаёміцца з гэтым творам. [3]

У 1990-ыя гады некаторыя беларускія выданні пачалі друкаваць невялікія ўрыўкі з яго ўспамінаў і асобныя вершы. Лагерныя ўспаміны “Кітай-Сібір-Масква” былі выдадзены айцамі-марыянамі сумесна з выдавецтвам “Сафія” пры Полацкай грэка-каталіцкай грамадзе. Але друкаваліся яны ў Расіі ў Санкт-Пецярбургскім выдавецтве “Неўскі прасцяг”. (Кітай-Сібір-Масква. - Мюнхен, 1962 (на беларусском языке) (Второе издание - Менск-СПб.: Неўскі прасцяг, 2003. - 299 с.) (Рускі пераклад: “Китай, Сибирь, Москва”, Мельбурн, 1997).

“Паколькі ўспаміны гэтыя захопліваюць шмат гадоў трагічнай рускай гісторыі, знаёмыя многім і напісаныя з аднаго боку з вялікім рэалізмам, а з другога, з непараўнальным і нязлосным, гумарам, лічу, што і рускаму чытачу яны будуць цікавыя”, - заўважыў архімандрыт Георгій Бенігсен. [5].

Язэп Германовіч прыбыў у Харбін у 1932 г, Месцам яго новага паслушэнства стаў рускі ліцэй свяціцеля Мікалая Цудатворца, дзе навучаліся дзеці рускіх эмігрантаў. Нягледзячы на адміністрацыйную прыналежнасць ліцэя да Каталіцкага Касцёла, у яго прымалі хлопчыкаў незалежна ад рэлігійнай і этнічнай прыналежнасці. Разам з айцом Іосіфам прыехаў манах Антоній Аніськовіч. Новыя педагогі імкнуліся прыўнесці энтузіязм ў працу, і многае ў іх атрымлівалася: «Праца пайшла больш інтэнсіўна. У Ліцэі быў створаны аркестр <...>, пашырана бібліятэка і навуковыя класы. Была пабудавана вялікая зала і новыя класы» [3], - чытаем у кнізе ўспамінаў.

У 1935г. з Еўропы ў Кітай прыбыло новае папаўненне, першым быў іераманах Уладзімір Мажонас, восенню прыехалі іераманахам Кузьма Найловіч і Тамаш Подзява. Крыху пазней, яшчэ два браты Станіслаў Баговіч і Браніслаў Зарэмба.

Нязвыклы для еўрапейскага чалавека кітайскі клімат справакаваў у Германовіча сур’ёзныя клопаты са здароўем. Хвароба прымусіла яго выехаць для лячэння ў Еўропу. З Кітая ён адправіўся ў Марсэль, далей быў у Рыме і, атрымаўшы новае прызначэнне рэктарам ў Вільні, прыбыў у Літву, дзе знаходзіўся з 1936 па 1938гг. Ускладненні пытанняў нацыянальнай палітыкі ў даваеннай Польшчы адбілася і на жыццёвым шляху айца Германовіча, так ён піша: “Польскі ўрад мяне моцна пераследаваў, пяць гадоў не даваў мне пашпарта, у 1938 г. я знаходзіўся ў Вільні пад наглядам паліцыі і пазней мяне адтуль выслалі ...” [3].

У 1939 г. айцец Іосіф вяртаецца ў Кітай, працягвае сваю працу на пасадзе дырэктара ліцэя Святога Мікалая ў Харбіне да свайго арышту ў 1948г. “Мы працавалі ў Манчжуры амаль 20 гадоў, і нашым нязменным месцам знаходжання быў горад Харбін” [3], - пісаў ён праз гады.

У гэты ж час, у 1939 г., кіраўнік епархіі архімандрыт Фабіян Абрантовіч адправіўся ў Рым, з ім разам з’ехалі для атрымання вышэйшай адукацыі, выпускнікі ліцэя Андрэй Каткоў і Георгій Бенігсен. Айцу Фабіяну ўжо не было наканавана вярнуцца ў Кітай, здзейсніўшы паездку на радзіму, і апынуўшыся на тэрыторыі СССР, ён быў арыштаваны. Дырэктарам Місіі ў Кітаі заставаўся бацька архімандрыт Андрэй Цікота, ён быў зацверджаны на пасадзе апостальскага адміністратара ў Манчжуры.

Наколькі гэта быў цяжкі і адказны час, пазней напісаў сам Германовіч ў кнізе сваіх успамінаў "Кітай-Сібір-Масква": "Архімандрыт Фабіян Абрантовіч неяк выказаў мудрую думку, што Місія не прынясе плёну да тых часоў, пакуль не будзе праліта кроў сваіх працаўнікоў. І, сапраўды, ягоныя словы вельмі хутка сталі прарочымі: і ён сам, і яго пераемнік Андрэй Цікота загінулі, як ахвяры бязбожнага рэжыму" [3].

Святары – кіраўнікі ліцэя стараліся трымацца і працягваць сваё ахвярнае служэнне, праводзілі заняткі, знаходзілі сродкі на ўтрыманне дзяцей, нават умудраліся дапамагаць іншым сіротам і бяздольным, кармілі галодных, якія звярталіся ў прытулак. На пастаянным утрыманні рускай каталіцкай Місіі ў Харбіне да 1948 г. знаходзілася 202 хлопчыкі ў ліцэі і 310 дзяўчынак у прытулку. Айцец Іосіф пазней успамінаў пра тое, як паступова падбіраліся савецкія супрацоўнікі да ліквідацыі царкоўных структур. Недалёка ад ліцэя размясціўся маршал Маліноўскі, які відавочна цікавіўся станам спраў у Місіі. Актыўныя дзеянні з боку спецслужбаў не прымусілі сябе доўга чакаць. Пра тое, як усё адбывалася, чытаем у Германовіча еаступнае: "А справа была так: 22 снежня 1948 г. а шостай гадзіне вечара ў Ліцэй свяціцеля Мікалая ў Харбіне ўвалілася цэлая чарада кітайскай міліцыі, схапілі ўсіх пяцёра святароў, не даўшы ім нават апрануцца і ўзяць шапкі ... надзелі ім на рукі наручнікі, завязалі вочы, пасадзілі ў аўтобус і павезлі ў турму". [3]

Спробы атрымаць тлумачэнні з нагоды дзеянняў прадстаўнікоў улады аказаліся беспаспяховымі. Арыштаванае рускае каталіцкае духавенства ў спешным парадку адправілі туды, дзе іх лічылі небяспечнымі ворагамі, хто пайшоў ад палітыкі, хто прысвяціў сябе малітве і служэнню бліжнім, хто карміў галодных і выходваў сірот, прычым прывіваў любоў да радзімы.

"Ужо на наступны дзень пасля нашага арышту кітайская міліцыя са станцыі Стары Харбін вывезла ўсіх нас, арыштаваных на захад, праз хрыбет Вялікі Хінган, на савецкую мяжу і 25 снежня 1948 г. перадала савецкім прадстаўнікам" [3], - піша айцец Іосіф. Дарога была вельмі цяжкай, давялося пакутаваць ад холаду, трымаць страшны мароз, галадаць. Да гэтых вонкавых умоў варта дадаць грубасць канвою. Арыштаваных прадалі за грошы на мяжы савецкім прадстаўнікам. Прычым ішоў самы сапраўдны гандаль, "<...> нас пераводзяць з кітайскага ў рускі склад. Трывожыць пытанне: як ад жоўтых нас прымуць белыя людзі? Праўда, гэта не зусім дакладна: зараз усе яны аднолькавыя – чырвоныя". Адна думка трывожыла ў той момант няшчасных клірыкаў – сагрэцца. "На маё шчасце, савецкі пасажырскі вагон, у які нас перавялі, быў цёплы ... Афіцэры савецкай дэлегацыі з пагардлівай усмешкай пазіралі на кітайцаў ... Відаць было няўзброеным вокам, што абодва бакі засталіся незадаволеныя: савецкая – што дарага за нас заплаціла, а кітайская – што мала за нас ўзяла". [3]

З усіх калег-місіянераў, што разам з ім былі ў Харбіне, найбольш падрабязна Іосіф Германовіч апісаў у сваіх успамінах святара Фабіяна Абрантовіча.

Айцец Фабіян да першай сусветнай вайны і падчас яе жыў у Пецяярбурзе, дзе скончыў духоўную семінарыю і акадэмію. 2 гады вучыўся ў Бельгіі, пасля

чаго вярнуўся ў Пецярбург і стаў прафесарам духоўнай семінарыі. Пасля рэвалюцыі 1917 г. ён арганізаваў духоўную семінарыю ў Мінску, і, стаўшы першым рэктарам, перавёз яе ў Навагрудак. Працаваў там, пакуль яго не пазбавілі магчымасці. Абрантовіч быў “нязручным” святаром – ён усюды абуджаў беларускую свядомасць і любоў да Бацькаўшчыны. Ён моцна адчуваў сваё пакліканне і патрэбу навукова-рэлігійнай працы і вельмі шкадаваў, што, “галавой сцяны не праб’еш!”

І. Германовіч так апісваў неардынарныя здольнасці свайго калегі: “Абрантовіч – вядомы выдатны прамоўца: гаварыў словам жывым, вобразным, пабуджаючы думку і пачуццё. Яго мова адразу ўцягвала слухачоў і моцна зацікаўляла: нават найбольшыя гультаі на яго лекцыях і навуках не маглі ні на хвілінку задрамаць. Ставіў ясную тэму, як св. Тамаш Аквінскі, а пасля развіваў яе так лагічна, што кожны слухач уключаўся ў яго доказы і не толькі чакаў, але сам угадваў, ... “што будзе далей”, і чакаў, як прафесар разблытае трудны вузел. І дзівіліся вучоныя і студэнты, як наш прафесар выясняў проста, даступна і лёгка самыя важкія праблемы. [3]

Вельмі значным для ацэнкі постаці айца Фабіяна бачыцца таксама наступная характарыстыка-параўнанне, дадзеная яму Германовічам: “У красамоўстве Абрантовіч напамінаў Адама Міцкевіча, свайго суродзіча з Навагрудка. Айцец Фабіян знаў глыбока літаратуру польскую, расійскую і заходнюю; чытаў вельмі шмат. Аднак-жа яго стыль не быў кніжным. Ён заўсёды гаварыў і пісаў сваёй мовай, параўнанні, сказы, прыклады ён браў з жыцця. Часта бывала, што трапныя звароты, дасціпныя заўвагі і ўдалыя жарты Абрантовіча разыходзіліся далёка і шырока ды ставаліся народным багаццем”. [3]

Нельга таксама абмінуць увагай і апісання знешніх рыс святара, прыведзенага ва ўспамінах, якое яшчэ раз падкрэслівае яго ўнутраныя, чалавечыя якасці: “Бог яго адарыў нават вонкавым багаццем натуры: ён меў зычны, высокі першы тэнар, чуткае вуха; знаўся на музыцы і сам быў артыстам. Прыцягваў людзей не толькі думкай і словам, але таксама мімікай і жэстам. Навука, значэнне і павага Абрантовіча вызначалі яго так, што нерашучыя людзі не адважваліся да яго прыступіцца. Але ён, бачачы гэта, сам падыходзіў да іх і загаварваў да кожнага проста і прызна. А мог гаварыць па-беларуску, па-польску, па-расейску, па-француску, па-нямецку. Валодаў і пісаў мовай лацінскай; чытаў і разумеў мову італьянскую і ангельскую, старагрэцкую і славянскую. І ад усяго гэтага ў Фабіяна, як гэта кажуць, “не ўскружылася галава”, не было “мухаў у носе”: чалавек быў заўсёды сам-сабою – без штучнай афарбоўкі”. [3]

Падводзячы рысу пад успамінамі пра выдатнага святара-місіянера, чалавека, грамадзяніна і патрыёта беларусчыны, І. Германовіч пісаў наступнае: “Нязмерная страта для Беларускага Народа, што такі выдатны Чалавек-вучоны, філосаф, святар, прамоўца, прафесар, дзеяч – з прычыны рэвалюцыі і праследу ворагаў, не мог нармальна працаваць у сваім краі, быў адарваны ў 1928 годзе і пасланы на працу між чужымі ў Манчжурію і нарэшце загінуў як мучанік у Савецкім Саюзе! І факт смерці затоены, і

ягоная магіла – невядамая... Цяжкая доля айца Фабіяна, сапраўды Божага Чалавека, ёсць цяжкой доляй і вялікай стратай для ўсяго нашага народа!” [3]

Пасля Ф. Абрантовіча Апостальскім Адміністратарам у Харбіне, кіраўніком Місіі ўсходняга абраду і дырэктарам Ліцэя Св. Мікалая (1939-1948) быў Андрэй Цікота. Манчжурыя была пад японскай акупацыяй. Утрымаць Ліцэй, інтэрнат хлопцаў і два інтэрнаты для дзяўчат – сясцёр Уршулянак і Францішканак – было вельмі цяжка. І. Германовіч з гэтай нагоды пісаў: “Яшчэ цяжэй стала ад 1945 года пры камуністах расійскіх, а пасля (1946-1948) пры камуністах кітайскіх. Толькі апецы Божай і мудрасці, ахвярнасці і працавітасці айца Андрэя трэба прыпісаць факт, што Місія і нашы школы трывалі ды перамагалі ўсе перашкоды – аж магутны арганізм Цікоты пачаў слабець. 22-га снежня 1948 года айца Андрэя з усёй нашай Місіяй арыштавалі, як аб гэтым гаварылі мы на пачатку, і выдалі нас ў Сібір”. [3]

Германовіч праз некаторы час сустрэўся з Айцом Андрэем у адным з сібірскіх лагераў. Вось яго успаміны аб гэтай сустрэчы: “Цікота вельмі цяжка перажываў турму ў Чыце. Калі я яго ўбачыў у канцы нашага следства, пасля 5-ці месяцаў расстання, я дужа здзівіўся, як гэты моцны чалавек схудзеў і паслабеў; нават ягоны голас, заўсёды зычны і мілагучны, стаў прыглушаным, як надтрэснуты звон. Да турмы айцец Андрэй адзначаўся ясным розумам, хуткай арыентацыяй, валадарнай воляй, разгонам і гібкасцю ў працы. Ён меў здольнасць і характар правадыра, кіраўніка і ніколі не хадзіў за іншымі, але заўсёды дырыгаваў у грамадскім жыцці. А ў турме ў яго цэле і ў душы адчувалася знямога і старэчая адранцвеласць, а меў тады толькі 57 гадоў! Пры ягоным жалезным здароўі і велізарнай сіле – такія гады маглі б лічыцца маладым векам. Здавалася што Цікоту ў турме падмянілі...” [3]

“Трэба старанна збіраць факты з жыцця і смерці нашых слаўных, вялікіх людзей, правадыроў адраджэння, каб не гасла аб іх памяць у Беларусі! Яны – патрыёты, дзеячы, святары – сваёй ахвярнай працай добра заслужылі на трывалы помнік, а многія з іх годныя свайго вянка мучанікаў, які атрымалі” [3], - падкрэсліваў І. Германовіч у сваіх успамінах.

Жывучы на эміграцыі, Вінцук Адважны напісаў таксама шмат арыгінальных баск, зрабіў шмат перакладаў з Крылова, Красіцкага і іншых вядомых аўтараў. На жаль, частка гэтых твораў загіннула (напрыклад, напісанае ў Харбіне там і засталася). У пасляваенны перыяд шматлікія байкі, вершы, вершаваныя інтэрпрэтацыі біблейскіх матываў, успаміны айца Язэпа Германовіча друкаваліся ў часопісах “Божым шляхам” (які ён рэдагаваў) і “Зніч”. Творчасць святара-паэта, адданага патрыёта сваёй Радзімы Вінцука Адважнага наскрозь прасякнута хрысціянствам. Менавіта ў ім ён чэрпае натхненне. Ксёндз Адам Станкевіч так коратка ахарактарызаваў яго творчасць: “...Справа народная ў В. Адважнага гэта частка справы Божай»[3].

Як адзначаюць некаторыя беларускія крытыкі, у творчасці Вінцука Адважнага моцна адчуваюцца ўплывы Францішка Багушэвіча – аднаго з заснавальнікаў беларускага Нацыянальнага Адраджэння. Гэтыя творы пазначаны шчырасцю беларускага патрыятызму, каларытам народнага

гумару, у іх даволі часта аналізуюцца праблемы хрысціянскай маралі. У творах Вінцука Адважнага шмат духоўнай чысціні, шчырасці і ўзнёсласці.

ЛІТАРАТУРА:

1. Бэрнатовіч, Яанна Беларуская душа на старонках старой аповесці / Я. Бэрнатовіч // http://arche.by/by/13/50/552/?st-full_text=all
2. Біяграфічныя звесткі ўзяты з: <http://media.catholic.by/nv/n2/art9.htm>
3. Інтэрнэт-рэсурс. Рэжым доступу: http://knihi.com/a/Jazep_Hermanovic/Kitaj-Sibir-Maskva.html.
4. Беларускі каляндар на 1933 год. Вільня, 1933.
5. Інтэрнэт-рэсурс. Рэжым доступу: <http://vselenskiy.narod.ru/germ.htm>
Фота таксама з дадзенага рэсурса.

Кенька М.П. (Мінск)

АСАБЛІВАСЦІ ПЕРАКЛАДУ З КІТАЙСКАЙ МОВЫ НА БЕЛАРУСКУЮ

Калі звярнуцца да гісторыі перакладаў кітайскай мастацкай літаратуры на беларускую мову, то можна заўважыць, што рабіліся яны ад выпадку да выпадку, часцей за ўсё былі звязаны з юбілейнымі датамі кітайскіх пісьменнікаў. Цэласнае ў'яўленне аб гісторыі кітайскай літаратуры атрымлівалі хіба толькі студэнты філалагічных факультэтаў па курсе замежнай літаратуры, а тэксты твораў кітайскіх пісьменнікаў яны чыталі ў перакладах на рускую мову. Гэта было добра да той пары, калі выкладанне замежнай літаратуры стала весціся на беларускай мове. Але перад студэнтамі паўстала новая праблема. Нямногія пераклады твораў кітайскіх пісьменнікаў на беларускую мову губляліся на старонках перыёдыкі, студэнтам для чытання іх ніхто не рэкамендаваў. Трэба сказаць, што пэўнае ажыўленне цікавасці да кітайскай літаратуры было ў 50-60 гады мінулага стагоддзя, у пару сяброўскіх адносін СССР і КНР. Менавіта на тую пару прыходзяцца публікацыі як асобных твораў, так і зборнікаў. Пераклады рабіліся зазвычай з ужо зробленых раней рускіх перастварэнняў, рэдка з падрадкоўнікаў. Паасобныя творы кітайскіх пісьменнікаў перакладалі М. Танк, М. Аўрамчык, У. Дубоўка, В. Вітка, А. Русецкі, С. Дзяргай, А. Бачыла, К. Кірэнка, С. Міхальчук і шэраг іншых пісьменнікаў. Нізку вершаў кітайскага паэта Ду Фу пераклаў Янка Сіпакоў. Перакладаліся нават раманы: “Сонца над ракой Сангань” Дзін Ліна, “Перад світаннем” Мао Дуня, “Ураган” Чжоу Лі Бо. Перакладзена даволі многа ўзораў кітайскага фальклору, пераважна байкі і казкі. Трэба сказаць, што і беларуская літаратура перакладалася на кітайскую мову досыць актыўна. Нават у не дужа спрыяльныя часы nepřыхільных адносін СССР да Кітая літаратура народаў СССР гучала на кітайскай мове. Выдаваліся творы самых вядомых у тыя часы беларускіх пісьменнікаў – І. Мележа, І. Шамякіна, В. Быкава, І. Навуменкі, а з нашага

боку тады запанавала маўчанне, нічога, акрамя хіба казак, у перакладах з кітайскай мовы не друкавалася.

І вось цяпер сувязі нашых культур аднаўляюцца, наладжваюцца кантакты, ужо і пісьменнікі нашы пачалі наведваць Кітай, кітайскія студэнты навучаюцца ў нас, нашы вывучаюць кітайскую мову і літаратуру. Трэба спадзявацца, што і творы кітайскіх пісьменнікаў зацікавяць беларускіх пісьменнікаў, перакладчыкаў. Добры пачатак ужо зроблены. Паэт і перакладчык Мікола Мятліцкі пераклаў вершы ста кітайскіх паэтаў. Выдавецкі дом “Звязда” надрукаваў іх асобнай кніжкай – “Пад крыламі дракона”. Выдадзена яна ў 1912 годзе, які па усходняму календару лічыўся годам дракона, так што ў назве зборніка закладзена і пэўная сімволіка. Паспрабуем на прыкладах з ягоных перакладаў як самых апошніх па часе прасачыць, што за цяжкасці сустракаўца ў перакладах з кітайскай мовы на беларускую. Якраз удалося адшукаць падрадкоўнікі і, для параўнання, пераклады на рускую мову некаторых вершаў.

Мікола Мятліцкі не хавае таго, што кітайскай мовы ён не вывучыў, перакладаў з рускіх вершаваных перакладаў і з падрадкоўнікаў. Але узяўся за пераклад не з налёту, а пасля таго як адмыслова пазнаёміўся з гісторыяй Кітая, яго культурай, гісторыяй кітайскай мастацкай літаратуры. Да таго ж у яго ўжо меўся за плячыма вопыт перакладу усходняй лірыкі. Жаданне пазнаёміць з кітайскай паэзіяй беларускага чытача ў больш звязным, паслядоўным прачытанні, не прымушаючы яго перагортаць у бібліятэцы старыя выданні і перыёдыку, перасіліла боязь перад нязвыклым і экзатычным, і ён адважыўся ўзяцца за цяжкую, амаль непасільную працу. Хочацца на прыкладзе перастварэння аднаго верша са зборніка паказаць, наколькі яна сапраўды цяжкая. У зборніку ёсць верш кітайскай паэтэсы Лі Цінчжао, якая жыла ў XI і XII стагоддзях (1084-1151). Як нам удалося даведацца, гэта верш-песня, напісаны на мелодыю “Юй цзя ао” («渔家傲»). Мы мелодыі не ведаем, і гэта ўжо некалькі збядняе наша ў’яўленне пра арыгінал. Для тых, хто ведае кітайскую мову, мы і даем арыгінал, а потым падрадкавы прэзаічны пераклад на беларускую мову, а таксама пераклад гэтага верша, зроблены рускім паэтам М. Басманавым і пераклад на беларускую мову са зборніка.

Спачатку арыгінал:

天接云涛连晓雾,
星河欲转千帆舞;
仿佛梦魂归帝所,
闻天语, 殷勤问
我归何处。我
报路长嗟日暮,
学诗漫有惊人句;
九万里风鹏正举,
风休住, 蓬舟吹取

三山去。

Падрадкоўнік:

Неба з зямлёй злучылася, валы хмар, раніцай – туман,
Зорная Рака хутка павернецца, тысячы ветразяў танцуюць;
Мне сніцца, што мая душа прыляцела ў абіцель багоў,
Чую нябесную гаворку,
Яны пранікнёна пытаюць мяне, куды я вярнуся.
Я кажу, што дарога доўгая, туманная, і наступае вечар,
Перачытвала свае вершы – яны перапоўненыя радкамі, што здзіўляюць
людзей;
На дзевяноста тысяч лі птушка Пэн уздымае вецер.
Ветры, не трэба вам сціхаць,
Няхай жа лёгкі човен аднясе мяне да трох вяршыняў.
Пераклад на рускую мову:

Там, где слились воедино
Тучи с озерным простором,
Где предрассветная дымка
Таёт над сонной волной, –
Тысячи парусных лодок
В танце закружатся скоро.
Небо бледнеет, и гаснут
Звезды одна за одной.

Сон необычный мне снился,
Будто бы в Небо я взмыла,
Голос из бездны небесной
Вдруг обратился ко мне.
Ласково и с участием
Небо меня спросило,
Путь свой куда направляю
В этой земной стороне.

Горькое Небу признание
Было моим ответом:
"Солнце клонится к закату,
Путь же, как прежде, далек.
Вся моя жизнь - постижение
Трудного дела поэта,
Но совершенных так мало
Мною написано строк!.."

Ветер поднялся в округе,

Ветер от края до края.
Гордо парит надо мною
В выси заоблачной гриф...
Мчи за Саньшань меня, ветер,
Лодку волной подгоняя,
Пусть ни на миг не ослабнет
Твой дерзновенный порыв!

Пераклад на беларускую мову:

Там, дзе злілося ўзаемна
Хмарыва з возера плёсам,
Там, дзе світальная дымка
Цьмее над соннай вадой, —
Тысячы парусных лодак
Ціш скалануць шматгалоса
Неба святлее, і гаснуць
Зоркі над ім чарадой.

Сон незвычайны мне сніўся,
Быццам бы ў небе лунала.
Голас з нябеснае вышы
Раптам аклікнуў мяне.
Са спачуваннем ласкава
Неба мяне спытала,
Шлях свой куды скірую
Ў гэтай зямной старане.

Горкае небу прызнне
Стала маім адказам:
Сонца ужо на спадзе,
Ды не суняць шляхоў.
Я ўсё жыццё спасцігаю
Мне дараванае часам,
Ды дасканалых нямнога
Створана мной радкоў...”

Вецер падняўся ў акружжы,
Дужы, парыўны і лёткі.
Вольна кружляе у вышы —
Аж пад аблокамі — грыф.
Мчы на Саньшань мяне, вецер,
Хваляю гонячы лодку.
Пошуг твой свежы і дужы
Хай не аслабне й на міг!

Як бачым, пераклад на беларускую мову адштурхоўваецца і развівае матывы вершаванага перакладу на рускую мову. Мабыць, Басманаў карыстаўся падрадкоўнікам, або, нават і ведаючы мову, недастаткова ведаў кітайскую паэзію, міфалогію і філасофію даасізму. Ён не змог перадаць алегарычнасць некаторых вобразаў верша, алегорыю сну, алегорыю Зорнай ракі (Млечны шлях), тысячы ветразяў (зоркі), лодкі як сімвалу жыцця, што, гэтак жа падпарадкоўваецца волі лёсу, як лодка хвалям. Не дапамагае часам і слоўнік. Так, “птушка Пэн” перакладаецца звычайна як “грыф”. Але ў вершы Лі Цінчжао гэта зусім не грыф, а міфічная істота, кіт, які ператварыўся ў птушку, вобраз з верша папярэдніка Лі Цынчжао, паэта і філосафа, паслядоўніка даасізма Жуань Цзі (ён таксама прадстаўлены ў зборніку). Жуань Цзі пісаў, што паводле старадаўняга міфа калі тая гіганцкая птушка Пэн ляціць да Паўднёвага акіяна, то на вадзе ўзнікаюцца хвалі вышынёй у тры тысячы лі (кітайская мера даўжыні), калі ж яна ўзлятае увысь, то ўзнікаецца вецер на дзевяноста тысяч лі. Гэтая асацыяцыя, калі б мы маглі яе ўсвядоміць, магчыма, нагадала б нам вобраз Страцім-лебедзя. Багдановіч абапіраўся на міфалогію, Лі Цінчжао – таксама. Але ў перакладзе мы асацыяцый з Жуань Цзі, з міфалогіяй адчуць не можам, з грыфам пад аблокамі ніякіх думак не звязваем, апроч той непрыемнай, ды і непажаданай у гэтым вершы, што грыф харчуецца мерцвячынай. А для кітайскай паэтэсы птушка Пэн была сімвалам сувязі зямнога і нябеснага, увасабленнем жыццёвай сілы.

Тое самае і з сімвалам гары Саньшань (тры гары) – гэта тры горныя вяршыні на востраве ў Усходнім моры, дзе паводле кітайскай легенды жывуць тры святыя, Пэнлай, Фанчжан, і Інчжоў. Згадваючы пра гэтую гару, паэтэса празрыста намякае на сваё жаданне атрымаць паэтычную несмяротнасць. Нам назва Фуньшань нічога не гаворыць, мы нават не ведаем, што гэта гара. Для кітайцаў жа то свайго роду Парнас, ці Рай.

Дадаць да гэтага яшчэ і тое, што ў дадзеным вершы, як і ў многіх кітайскіх вершах, скарыстоўваецца свайго роду “зрокавае рыфмаванне іерогліфаў”, відавочная для кітайца блізасць малюнка іерогліфа 舟 (лодка, чаўнок) да іерогліфа 喻 (прыпадабненне, параўнанне), якое ўжо ніяк не перадаць пры перакладзе, то што ўжо там казаць пра ўсё іншае. Да таго ж, каб адэкватна ўспрыняць гэты верш, трэба яшчэ ведаць біяграфію Лі Цінчжао, тое, што верш быў напісаны ў невясёлы для паэтэсы час, калі яна пасля смерці мужа у пару міжусобных войнаў у Кітаі засталася адна ў чужой старане, часам ёй не было дзе жыць і яна пачавала ў лодцы (вось прамая згадка пра чаўнок у яе лёсе!), што ў яе вершах гэтай пары многа сумнага і распачнага, той пары, калі яна усумнілася ў сваім таленце і ўсё ж спадзявалася на тое, што яе вершы будуць жыць і пасля яе.

Пераклад з кітайскай мовы ўскладняецца яшчэ і тым, што для беларускай гэта мова няродная, вельмі непадобная па фанетычным складзе. І, як мы бачым, адэкватнае, ці хаця б набліжанае да адэкватнага,

успрыняцце кітайскай паэзіі патрабуе не проста ведання мовы, але яшчэ і адчування духу кітайскай паэзіі. А вось гэта паэту, які выступае ў ролі паўнамоцнага прадстаўніка іншакраіннай культуры, якраз даступна. Нейкім звышчуццём, грунтуючыся на няўлоўных нюансах, на агульным адчуванні Мікола Мятліцкі змог пранікнуцца гэтым духам, данесці ў сваіх перастварэннях адчуванне магутнага подыху мудрай кітайскай лірыкі. Вядома, як і ва ўсякай зробленай рабоце, можна знайсці ў тых перастварэннях і пэўныя агрэхі.

Нельга не заўважыць і таго, што пераклады, набыўшы новую моўную абалонку, загучалі ў духу беларускай паэзіі, здрадніліся з ёй, сталі нам сваімі. У іх адчуваецца і асоба перакладчыка. Мы знаходзім ягоныя ўлюбёныя словы, ўспамінаем яго паэтычны стыль. Вось верш Лу Ю “Слухаю куванне зязюлі ўначы”, у якім адчуваецца гэтая лучнасць, ён і кітайскі, і як бы ўжо блізкі нам, свой, родны:

Лампада гасне. Ў хаціне спакой, // Завабляць думкі ў новую вандроўку.
Царуе весні вечар над ракой, // І дождж і вецер наляцелі зноўку. Спіць івалга
і ластаўка ў гняздзе Больш не шчабеча – ціха спачывае. Адно зязюля –
невядома дзе – // Самотна ноччу месячнай кувае. Разбудзіць, //Зноў мяне
пазбавіць сну, //Нагорне слёзы Тым куваннем-сумам, //Зляціць у лес – пакіне
зноў адну //Тугу, мяне аддаўгі скрутным думам. //Прыпомніцца далёкі
родны кут// І раніцы ягонай колен сіні. І што казаць! Цяжар сваіх пакут
//Нясу гады, выгнаннік, на чужыне.

Прачытаеш, і не хочацца звяртацца да арыгінала, параўноўваць, шукаць, што там страчана, што перайначана. Галоўнае, што захавана паэтычнасць, дух верша. Гартаючы зборнік, адчуваеш, што ў перакладчыка былі і свае захопленасці, асаблівая ўлюбёнасць у вершы такіх паэтаў, як Тао Юаньмін, Ван Вэй, Су Шы, Лу Ю, Ай Цін. І зразумееш, што яны аказаліся сугучнымі таму, над чым засяроджвае ўвагу сённяшні Мятліцкі-паэт, што яму асабліва блізка. Вершы кітайскіх паэтаў Мікола Мятліцкі уклаў не па алфавіту, а паводле гадоў іх жыцця, што дазваляе чытачу прасачыць гістарычны шлях кітайскай паэзіі, убачыць яе ў развіцці. Першы прадстаўлены ў зборніку паэт Цюй Юань тварыў яшчэ да нашай эры, а завяршаецца кніга вершамі Бянь Джыліня, нашага сучасніка. Разлічана кніга на падрыхтаванага чытача, які ўжо пэўным чынам абазнаны ў гісторыі і культуры Кітая, валодае пэўнымі ведамі пра краіну. Менавіта пагэтаму ў кнізе няма тлумачэнняў пекаторых слоў, звязаных з побытам, культурай кітайцаў, што, па праўдзе сказаць, не пашкодзіла б. Але ў свет кітайскай літаратуры ўводзіны зроблены – прадмова Алеся Карлюкевіча “Спеў душы” прадстаўляе найбольш вядомых у Кітаі паэтаў – Цюй Юаня, Тао Юаньміна, Лі Бая, Ду Фу, ён жа ў пасляслоў’і змясціў кароткія біяграфіі іншых вядомых кітайскіх творцаў. Кніга прыгожа аздоблена мастаком А. Г. Званаровым

Зборнік перакладаў “Пад крыламі дракона” пачаў служыць сваю добрую службу як сведчанне сяброўскіх сувязяў двух народаў, як дапаможнік тым, хто цікавіцца Кітаем, яго літаратурай. Цяпер, калі павялічваецца лік людзей, якія вывучаюць кітайскую мову, спрабуюць

перакладаць творы кітайскай літаратуры па-беларуску, ёсць упэўненасць, што добры пачын Міколы Мятліцкага будзе падхоплены, што творчасць кітайскіх пісьменнікаў будзе з цягам часе яшчэ больш вядомай у беларускамоўным абліччы.

Зборнік перакладаў “Пад крыламі дракона” пачаў служыць сваю добрую службу як сведчанне сяброўскіх сувязяў двух народаў, як дапаможнік тым, хто цікавіцца Кітаем, яго літаратурай. Цяпер, калі павялічваецца лік людзей, якія вывучаюць кітайскую мову, спрабуюць перакладаць творы кітайскай літаратуры па-беларуску, ёсць упэўненасць, што добры пачын Міколы Мятліцкага будзе падхоплены, што творчасць кітайскіх пісьменнікаў будзе з цягам часе добра вядомай у беларускамоўным абліччы. Зборнік “Пад крыламі дракона” ўпершыню прадстаўляе на беларускай мове кітайскую паэзію цэласна, шматаблічна. Ён будзе добрым дапаможнікам, своеасаблівай хрэстаматыяй да гісторыі кітайскай літаратуры, якая чытаецца студэнтам “кітайскіх” груп на філфаку БДУ, у іншых навуковых установах філалагічнага профілю. У гэтым яго важнейшая значнасць.

Молоткова Ю.В. (Мінск)

ПРИНЦИПЫ ОБУЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ ЯЗЫКОВОГО ВУЗА ИЕРОГЛИФИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ПИСЬМА НА КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Проведенный анализ существующих подходов к обучению иероглифической системе письма (ИСП) показал, что они недостаточно учитывают лингвистические особенности иероглифического знака (ИЗ); не в полной мере используют закономерности структуры ИЗ и всей ИСП; и как правило, не уделяют должного внимания особенностям психолингвистического восприятия и хранения информации и т.д. Мы предлагаем использовать в обучении студентов языковых вузов ИСП **когнитивный подход**, появившийся как результат исследований ученых в сфере ментальных процессов приема, переработки и хранения информации, особенностей структурирования в сознании обучаемых когнитивных базисных структур [1, 7]. Методика обучения иероглифике в рамках вышеуказанного подхода на сегодняшний день находится в стадии становления (Helen H. Shen, Chen-hui Tsai, Lisha Xu, Shu Zhu и т.д.).

Предлагаемый нами подход представляет собой целостную систему, включающую цель, принципы и содержание обучения, средства учебного процесса (комплекс упражнений), а также способы организации учебной деятельности. В данной работе коротко охарактеризуем принципы, которые составляют основу предлагаемого подхода.

Принцип сознательности получает определенную модификацию применительно к обучению ИСП в рамках когнитивного подхода. Известно множество различных трактовок понятия «сознательности» в методике обучения ИЯ (Л.В. Щерба, И.В. Рахманов, А.С. Шкляева, А.Н. Леонтьев, Г.А. Китайгородская, Е.И. Пассов и т.д.). Некоторые исследователи (Т.К. Цветкова) утверждают, что «изучение иностранного языка на любом уровне и в любом объеме есть сложный процесс, непосредственно затрагивающий сознание субъекта» [2, 68]. Отталкиваясь от этого, принцип сознательности в обучении ИСП, мы рассматриваем как сознательное: отношение студента к предъявляемому материалу (И.В. Баценко); управление обучаемым своей образовательной деятельностью (Н.И. Алмазова); вписывание в свой индивидуальный контекст нового смыслового мира, представленного ИЯ, т.е. изменение содержания своего сознания (Т.К. Цветкова).

Принцип наглядности вслед за Е.И. Пассовым мы рассматриваем, прежде всего, как языковую наглядность, не исключая при этом и иллюстративную [3, 23-24], использование которой способствует созданию наиболее прочных коррелятов между означаемым и означающим [4, 53]. В нашем случае языковая наглядность будет представлена с помощью организации иероглифического материала в виде гнезд, включающих в себя различные аспекты иероглифических знаков (графическую форму, фонетический образ, семантику, синтаксическую схему знака, его синтагматические связи), объединенных между собой по определенным аспектам и представленных в различных формах с помощью графических организаторов (ментальной, концептуальной или семантической карты, диаграммы Венна, карты сравнения и противопоставления), что, на наш взгляд, является наиболее адекватным в контексте обучения студентов-филологов ИСП. Работа над материалом, организованным в таком виде позволит осуществить активизацию всех анализаторов (зрительного, слухового, артикуляционного, рукодвигательного), что окажет благоприятное воздействие на эффективность восприятия, осмысления, запоминания информации и последующего ее воспроизведения.

Принцип положительного эмоционального фона обучения (Н.Г. Агаркова, А.Н. Шамов, Н.И. Алмазова) учитывался еще в древние времена; каллиграфы подчеркивали значение эмоциональных аспектов в воспитании и обучении и пользовались положительными эмоциями для достижения максимальной эффективности в процессе обучения иероглифике [4, 51]. В усвоении иероглифики большая нагрузка приходится на работу памяти, поэтому преподавателю, чтобы предотвратить мнемические перегрузки обучаемых, необходимо пользоваться приемами активизации их чувств и воображения. Данный принцип предполагает создание, с одной стороны,

внешнего мотивационного фактора, с другой – наиболее благоприятных психологических условий для реализации других дидактических принципов, которые позволят сформировать устойчивую внутреннюю мотивацию [5, 44].

Переходим к **методическим принципам**: положительная роль и значение **принципа когнитивной направленности** процесса обучения были раскрыты в работах Н.Д. Гальсковой, А.Н. Шамова, А.В. Зыковой, А.В. Щепиловой и др. Его можно рассматривать как основу для развития у обучаемых инструмента познания, развития и овладения языком [6, 61]. Многие исследователи рассматривают содержание данного принципа как «реализацию сознательного и сопоставительного принципов» [7, 4]. На наш взгляд, его следует трактовать значительно глубже. Он предполагает необходимость формирования соответствующих знаний [6, 59]; будучи по своей природе социальным, он основан на понимании лингвистического знания, как результата социального взаимодействия внутри некой общности, где первостепенная роль отводится преподавателю [7, 8]. Кроме того, использование принципа когнитивной направленности процесса обучения обеспечивает возможность постоянного решения речемыслительных задач, в ходе которых студенты развивают свои мыслительные и интеллектуальные способности [6, 60]. Студенты должны овладеть языковыми явлениями «через создание собственной системы лингвистических представлений путем использования на каждом этапе познания определенного набора стратегий: мнемических, когнитивных, компенсаторных, социально-аффективных, метакогнитивных» [8, 33], что, в свою очередь, позволит сформировать у них навыки и умения пользоваться рациональными приемами овладения ИЯ [6, 61; 7, 6]. И наконец, что является наиболее точным отражением данного принципа – это положение о том, что «организация учебного процесса на этапе осознания нового должна совпадать с естественным путем познания, свойственным психике человека», одним словом, он предполагает учет закономерностей познавательного процесса при овладении языком [7, 5]. В письме, так или иначе, принимают участие все когнитивные, познавательные функции человека, и познание выступает как необходимая основа для развития навыка письма, в котором переплетаются и двигательные и познавательные компоненты [9, 55]. Таким образом, принцип когнитивной направленности процесса обучения ИСП будет реализовываться за счет формирования у обучаемых системы соответствующих знаний; формирования учебных приемов, соответствующих каждому отдельному этапу обучения; развития мыслительных и интеллектуальных способностей обучаемых; через организацию определенных способов взаимодействия между участниками учебного процесса; а также за счет организации материала на этапе ознакомления по аналогии с моделью хранения

информации в ДВП человека, т.е. в виде иероглифических гнезд.

Принцип смещения внимания от микроединиц к более сложным единицам разрабатывается в методике обучения именно в рамках когнитивного подхода и предполагает привлечение более крупных единиц для анализа и понимания даже сравнительно простых вещей [10, 33]. Проблема состоит в том, что изучение ИЯ на сегодняшний день, как правило, происходит по пути от языковых элементов к целому [7, 10]. Презентация иероглифического материала в виде гнезд позволит приблизить изучение КЯ к естественному пути познания языка как знаковой системы: от понимания свойств и назначения целого к его структуре и ее составляющим. Руководствуясь данным положением, мы определяем в качестве единиц обучения отдельный ИЗ, включающий в себя все аспекты, а также гнезда иероглифов, которые представляют собой единицы еще более высокой степени сложности. Изучая такого рода единицы, обучаемые будут находить связи с уже имеющимися ранее усвоенными знаниями, устанавливать эти связи, осознавая и понимая их.

Принцип взаимосвязи между навыками чтения и письма. В психологии письмо рассматривается как сложный процесс, в котором происходит соотношение речевых звуков, графических знаков и производимых человеком речедвижений и рукодвижений [11, 162]. При письме, так же как и при чтении, устанавливаются графемно-фонемные соответствия, различие заключается в направленности этих процессов [11, 163], т.е. чтение и письмо являются «зеркально противоположными процессами» импликации и экспликации смыслов [12, 26]. Уже на начальном этапе овладения техникой письма должна учитываться специфика формирования психофизиологических механизмов данного вида деятельности, основанных на взаимодействии двигательного-моторного, речемоторного и зрительного анализаторов, что обуславливает обязательное устное проговаривание во внешней или внутренней речи того, что пишется [13, 216]. Овладение орфографией должно развиваться в тесной связи с чтением вслух для того, чтобы устанавливать прочные связи между артикуляционными и слуховыми соответствиями.

Принцип соизучения всех аспектов иероглифического знака, согласно которому обучение организуется таким образом, что все они вводятся одновременно с акцентом на доминирующий в определенном гнезде. Дело в том, что в методике обучения ИСП встает вопрос о порядке изучения аспектов одного знака, а именно: какой из них необходимо изучать в первую очередь. Сунь Дэцзинь выделяет четыре основных подхода к решению данной проблемы [14]. В рамках выбранного нами подхода мы придерживаемся варианта, который предполагает одновременное

параллельное усвоение графики и звукового оформления ИЗ, а также его синтаксической структуры, синтагматических связей. Таким образом, использование принципа соизучения всех аспектов обеспечивает многомерность восприятия иероглифического знака, быстрое запоминание предлагаемого материала вследствие объединения единиц в структурное целое, что в свою очередь позволяет прогнозировать дальнейшую структуру мегагнезда.

И наконец, выделение **принципа поэтапного обучения** продиктовано не только многоаспектностью отдельного ИЗ и многоуровневостью письменной системы КЯ, но также и сложной структурой самого навыка письма, стадии формирования которого необходимо учитывать при разработке модели обучения ИСП и на их основе создавать комплекс упражнений. Поэтапность рассматривается нами в разных плоскостях: на уровне отдельного ИЗ и всей иероглифической системы в целом (формирование знаний), на уровне овладения графическими, каллиграфическими и орфографическими навыками, а также на уровне формирования у них стратегий или приемов учения: от регулируемого преподавателем процесса к полностью самостоятельному на старших этапах обучения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабинская, П.К. Коммуникативно-когнитивный подход к овладению иностранным языком как средством межкультурной коммуникации / П.К. Бабинская, А.А. Мирский // Замежныя мовы ў Рэспубліцы Беларусь, 2001. – № 1. – С. 4 – 7.
2. Цветкова, Т.К. Проблема сознания в контексте обучения иностранному языку / Т.К. Цветкова // Вопросы психологии. – 2001. – № 4. – С. 68 – 81.
3. Принципы обучения иностранным языкам: учебное пособие / Сост. Е.И. Пассов, Н.Е. Кузовлева и др.; Под ред. Е.И. Пассова, Е.С. Кузнецовой // Методика обучения иностранным языкам. – Воронеж: НОУ Интерлингва, 2002. – 40 с.
4. 于, 魁荣. 小学写字教学法 = Юй, Куижун. Методика обучения написанию иероглифов в младшей школе / 魁荣于. – 北京: 人民教育出版社, 2000. – 262 页.
5. Алмазова, Н.И. Когнитивные аспекты формирования межкультурной компетентности при обучении иностранному языку в неязыковом вузе : дис. ... д-ра пед. наук : 13.00.02 / Н.И. Алмазова. – М. : РГБ, 2003. – 449 л.
6. Лушинская, О.В. Обучение студентов неязыкового вуза письменному дискурсу (на материале англоязычных печатных средств массовой информации) : дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02 / О.В. Лушинская. – Мн., 2008. – 223 л.

7. Щепилова, А.В. Когнитивный принцип в обучении второму иностранному языку: к вопросу о теоретическом обосновании / А.В. Щепилова // ИЯШ, 2003. – № 2. – С. 4 – 11.
8. Зыкова, А.В. Методика расширения словарного запаса иноязычной лексики на основе индивидуальных стратегий обучения : дис. ... канд. пед. наук 13.00.02 / А.В. Зыкова. – М., 2010. – 231 л.
9. Корнеев, А.А. Структурный анализ взаимодействия когнитивных и двигательных компонентов навыка письма : дис. ... канд. псих. наук : 19.00.01 / А.А. Корнеев. – М. : Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, 2005. – 139 л.
10. Широкова, Л.А. Обучение грамматике на начальном этапе средней школы на коммуникативно-когнитивной основе (на материале английского языка) : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.02 / Л.А. Широкова. – СПб. : РГБ, 2000. – 182 л.
11. Рогова, Г.В. Методика обучения английскому языку на начальном этапе в общеобразовательных учреждениях : Пособие для учителей и студентов пед. вузов / Г.В. Рогова, И.Н. Верещагина. – 3-е изд. – М. : Просвещение, 2000. – 232 с.
12. Мазунова, Л.К. К письму через чтение / Л.К. Мазунова // Коммуникативная методика. – 2004. – № 5. – С. 26–29.
13. Бим, И.Л. Теория и практика обучения немецкому языку в средней школе / И.Л. Бим, М. : Просвещение, 1988. – 255 с.
14. 孙, 德金. 对外汉字教学研究 = Сунь, Дэцзинь. Исследования вопроса обучения иностранных студентов иероглифике / 德金孙. – 北京 : 商务印书馆, 2006. – 482 页.

ТЕОРИИ И ПРОЯВЛЕНИЯ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ

Анализ произведений художественной литературы может внести существенный вклад в понимание особенностей национальной специфики, а именно национальной психологии и эстетики. Традиционализм литературной мысли Китая заключается в чётком и последовательном следовании канонам древности, как на идейном уровне, так и на исключительно текстовом уровне (имеется в виду цитирование). Весь комплекс словесности (а художественная литература есть её составная часть) является отражением национальной картины мира. «Существенный вклад в понимание национального менталитета может внести анализ литературных произведений, в которых отражается национальная картина мира – своеобразный результат «работы» национальной ментальности»[3, с. 25].

Таким образом, обращение к анализу художественных произведений для изучения особенностей национальной специфики, проявления национальной идентичности не является новым, однако представляется актуальным, особенно в свете развития глобализационных процессов в современном мире. В настоящее время в теории литературы актуальной является проблема национальной идентичности. Наиболее интересно, ярко и доступно она находит выражение в литературе последнего десятилетия XX – начала XXI вв. Столкновение мировоззрений представителей разных культур часто ведёт к синкретизму, который (в зависимости от окружения) может быть незаметен или наоборот ярко выражен. Отличительные черты национального понимания мира проявляются в культуре Китая, китайской литературе, следовательно, исключительно остро стоит вопрос о том, что выделяет китайское этническое самосознание из ряда других национальных идентичностей.

Необходимо обратиться к самому определению идентичности. Их существует великое множество. Всё дело в том, какая идентичность нас интересует. Как правило, мы имеем в виду набор факторов, неких категорий, которые позволяют человеку *«отождествлять себя с неким сообществом - семьёй, дружеским кругом, профессиональным сообществом, религиозной общиной, нацией, расой, и т.д.»* [5]. Необходимо, изначально определять это сообщество, определённый круг. Ведь для того, чтобы считать себя частью целого, необходимо, чтобы целое было с этим согласно. Но не всегда общество может признавать своим членом индивида, который безоговорочно причисляет сам себя к этому кругу. И не всегда право общество, и не всегда – отдельный индивид. Мы часто наблюдаем такие «нестыковки», это может касаться кругов интеллигенции, учёной элиты, литераторов и др. Но со временем ситуация может меняться. Также очень важным является признание законности членства в данном сообществе со стороны третьих

лиц. Литератор, политолог, деятель культуры или учёный может оказаться изгоем в своей стране, но может быть признанным всем остальным миром, или его может отвергать круг его коллег (как в родной стране, так и за рубежом), но остальные не ставят под сомнение его принадлежность к данному сообществу.

В переводе с латыни идентичность обозначает полное соответствие, равенство вещей и людей. В психологии – это внутренняя согласованность внутри себя (со своей персоной). Различия определений зависят от того, каких точек зрения придерживаются различные философские школы, психологические направления, социологические учения и т. д. Также, одним из наиболее приемлемых, можно рассматривать такое определение: «идентичность – тождественность человека самому себе, твёрдо усвоенный и личностно принимаемый образ себя во всем богатстве и разнообразии отношений личности к окружающему миру» [4].

Выделяется также культурная, этническая и личная идентичность [4]. Культурная идентичность оказывает определяющее влияние на процесс межкультурной коммуникации. Культурные последствия расширяющихся (особенно в последнее время) контактов между представителями разных стран и культур выражаются в постепенном стирании культурной самобытности. Для молодёжной культуры это особенно очевидно (одинаковая одежда, музыка, иконы спорта, кино и т. д.). Но старшие поколения стремятся сохранить существующие особенности и отличия своей культуры, что вполне естественно. И именно поэтому в межкультурной коммуникации особенно актуальна проблема культурной идентичности, принадлежности индивида к той или иной культуре. «В самом общем понимании оно означает осознание человеком своей принадлежности к какой-либо группе, позволяющее ему определить свое место в социокультурном пространстве и свободно ориентироваться в окружающем мире» [4].

Каждый человек нуждается в известной упорядоченности своей жизнедеятельности, которую он может получить только в сообществе других людей. Для этого он должен добровольно принять господствующие в данном сообществе элементы сознания, вкусы, привычки, нормы, мировоззрение, ценности и многие другие средства общения, принятые у окружающих его людей. И это вызывает необходимость в культурной идентичности. Таким образом, в осознанном принятии человеком соответствующих культурных норм и образцов поведения, ценностных ориентации и языка, понимании своего «я» с позиций тех культурных характеристик, которые приняты в данном обществе, в самоотождествлении себя с культурными образцами

именно этого общества и заключается культурная идентичность. Это совокупность определённых устойчивых качеств.

Межкультурные контакты развиваются, и это делает актуальной проблему не только культурной, но и этнической идентичности. Ведь культурные формы жизнедеятельности предполагают принадлежность человека не только к какой-либо социокультурной группе, но и к этнической общности. Таким образом, этнос является для человека самой надёжной социокультурной группой. Но зачастую окружающий мир перестаёт быть понятным. В поисках целостности и упорядоченности начинается поиск. И всё больше людей ищет поддержку в ценностях своего этноса, проверенных временем, а усиление чувства внутригрупповой солидарности и единства является результатом.

Также важным фактором является то, что закономерность развития любой культуры – это всегда преемственность в передаче и сохранении её ценностей, потому что человечеству необходимо саморегулироваться и самовоспроизводиться. Основой этнической идентичности являются разного рода этносоциальные представления, разделяемые в той или иной степени членами некоторой этнической группы. Значительная их часть является результатом осознания истории, культуры, традиций, государственности и т. д. и включает мнения, убеждения, верования, идеи, которые могут выражаться в мифах, легендах, обыденных формах мышления и поведения. В соответствии с этнической идентичностью мы и строим отношения с другими этническими группами, определённым образом ведём себя внутри и вне своей группы. «Однако этническая идентичность – это не только осознание своей тождественности с этнической общностью, но и оценка значимости членства в ней» [4]. Она также даёт человеку наиболее широкие возможности для самореализации, которые опираются на эмоциональные связи с этнической общностью и моральные обязательства по отношению к ней. Основой социального положения каждого индивида является его культурная и этническая принадлежность.

Каждый человек является носителем той культуры, в которой он вырос, хотя в повседневной жизни обычно он этого не замечает. Однако при встречах представителей разных культур становится очевидным, что особенности существуют. Через сопоставление и противопоставление позиций различных групп и общностей в процессе взаимодействия с ними происходит становление личной идентичности человека. Это совокупность знаний и представлений человека о своём месте и роли как члена социальной или этнической группы, о своих способностях и деловых качествах. Идентичность человека возникает в результате его отношения к

соответствующей социокультурной группе. Но человек одновременно является участником разных социокультурных групп, а значит, обладает сразу несколькими идентичностями (по полу, этносу, расе, религии, национальности и т. д.) Эти признаки связывают нас друг с другом, но сознание и опыт каждого изолируют и разделяют нас.

Особенно выпукло и очевидно китайская идентичность, особенности национальной специфики вырисовываются в литературе китайского зарубежья. Авторы, относящиеся к нему, обладают «двойкой» идентичностью, они могут также называться представителями т. н. литературного пограничья. Они – результат межэтнической коммуникации, что находит отражение в их культурном самоопределении. Провести чёткую грань между культурной и этнической идентификацией не представляется возможным, они части друг друга и в новой китайской иммигрантской литературе они существуют в неразрывной связи.

Одной из основных тем этой литературы является столкновение двух культур: западной и восточной. И в таком случае очень сложно выделить границы идентичности, так как западные и восточные традиции здесь пересекаются. Восточная, естественно, преобладает, но это видно именно на контрасте. Формой сохранения и передачи национальной идентичности называют этносоциальную память. «Социальная память сложное и многокомпонентное явление (историческая память народа, культурная память, политическая память и т.д.), которое выступает обязательным условием существования общества, базируется на накоплении, хранении и трансляции социально- значимой информации. Этносоциальная память, как подсистема социальной памяти, определяет специфическую форму аккумуляции и трансляции социально-этнического опыта» [2]. Содержание её состоит из культурного генофонда народа, который включает элементы этнической культуры, такие как: язык, народное искусство, материальная культура народа, национальные обычаи и традиции, народная философия и традиционная система воспитания, этика народа и т.д. Главная функция этносоциальной памяти — это сохранение и передача самоидентичности национальной общности путём социального наследования от одного поколения к другому. Этносоциальную память можно назвать «национально-генетическим кодом» [2], который составляют факты, сюжеты, характеризующие своеобразие исторического пути народа, совокупность культурных, материальных и понятийно-ценностных категорий, лежащих в основе этнической идентификации. Иными словами, этнический стержень этносоциальной памяти хранит определенный набор этнических параметров, и их применение служит средством самоидентификации, демонстрации своей

принадлежности к данному этносу. В последние годы этносоциальная память стала мощным источником для общественных настроений, выражения национального самосознания народов. «Использование потенциала этносоциальной памяти каждой нации, аккумулируемого национальным самосознанием, приведение в действие данного потенциала на благо прогресса является сложной и ответственной задачей общества» [2].

Восточный тип идентификации коренным образом отличается от западного типа. И не просто из-за различия мировоззрений. В этих типах заложено различное отношение к границам, создающим самую возможность культурного самоопределения. «Чтобы разобраться в этом, обратимся непосредственно к истокам пограничной проблематики, возникшей в лоне «осевого времени» в восточной и западной религиозной философии» [1]. Уже древние мыслители хотели рационализировать мифологические представления о началах всего сущего. В разных концах света почти в одно и то же время возникают учения, несмотря на всю разноплановость, имеющие весьма схожие концепции границы: пифагорейская школа в Элладке и даосизм в древнем Китае. Именно эти философские учения закладывают основы всех дальнейших интерпретаций границы и позволяют судить о базовых измерениях культурных идентификаций. Пифагорейское вечное начало демонстрирует первое парадоксальное содержание границы. Вечное — значит беспредельное, бесконечное; начало — предел возникновения, точка отсчета. Характеристика границы также имеет универсальное значение, так как в паре предел-беспредельное схватывается именно момент противоречия возникновения, зарождения. Схожие идеи можно обнаружить и в древнекитайской философии. В даосизме граница также получила своеобразное осмысление в попытке объяснения невыразимости Дао. Одним из терминологических «проводников» Дао выступает Тай цзи («Великий предел»). Тай цзи выражает идею предельного состояния бытия, идею начала отделенности и определенности всего сущего. Если первое изначальное состояние Дао есть Беспредельность (У цзи), Пустота (Сюй у), то Великий Предел — это некое состояние полноты Дао, после которой следует его проявление. Все проявления и изменения мира основаны на взаимодействии двойственности инь и ян, но, по сути, сводятся к единому Великому Пределу, так как все они и есть следствия Дао.

Само по себе Дао бессущностно и пустотно и обнаруживает себя лишь тогда, когда задаёт какое-то наличие и форму, то есть задает границы. В то же время оно выступает в качестве беспредельного начала. Дао всегда остается началом и концом всего сущего, некой недостижимой границей, *за и вне* которой нет и не может быть ничего, кроме него самого. В этом

противоречии и заключена диалектика беспредельного и предела, которую можно обнаружить в этом учении. В сравнении пифагорейского и даосского учений нетрудно заметить много схожих положений. И их философские интенции всё-таки оказываются различными, даже противоположными. Античный космос представлял собой конечное, прекрасно оформленное тело. Предел ограничивал беспредельное космоса, оформлял его в стройных пропорциях и исчислимых мерах. Беспредельное в этом смысле изначально несовершенно, но в нём происходит божественное определение и оформление, поэтому отношение к беспредельному, присущее античному мироощущению, скорее негативное. В отличие от него даосское (соответственно древнекитайское) понимание беспредельности пронизывает священный трепет перед его величием и непостижимостью. Беспредельное здесь совершенно, изначально. Всё это отражено на мировоззренческом различии критериев восточной и западной философии, а, следовательно, - культуры, которая, в свою очередь, есть часть этносоциальной памяти, и влияет на формирование национальной идентичности. Тенденция к определению как процедуре налагания пределов на беспредельное целое остается, по существу, если не чуждым, то непонятным восточному духу актом. «Проблема идентичности значит для восточного человека не больше, чем проблема глобализации: она просто снимается в изначальном тождестве всего человеческого мироустройства с высшим беспредельным началом» [1].

На протяжении всей истории отношение к литературе на Западе и Востоке (конкретно в Китае) существенно разнилось. Словом «вэнь» («словесность») в китайской картине мира обозначается целая область, в которую включается и культура и литература. Этот же иероглиф входит в состав слов wenxue (литература) и wenhua (культура). Важно не только изучение вопросов национального самоопределения для понимания литературы (как древней, так и современной), но и обращение к анализу произведений художественной литературы для понимания национальной картины мира современного представителя китайской нации.

Литература:

1. Бахтызин, А.М. Границы идентичности: западные и восточные традиции/ А. М. Бахтызин. [http://anthropology.ru/ru/texts/bakhtyzin/east07_05.html]
2. Молдобаев, К.К. Этносоциальная память как форма сохранения и передачи национальной идентичности / М. М. Молдобаев. [http://anthropology.ru/ru/texts/ moldobaev/ east07_04.html]

3. Попова, М. К. Национальная ментальность и национальные литературы в (пост)имперскую эпоху/ М. К. Попова, П. А. Бороздина, Т. А. Тернова. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2006.
4. Сущность и формирование культурной идентичности. [<http://www.countries.ru/library/intercult/mki/htm>]
5. Теории идентичности. [http://www.people.nnov.ru/VOLKOV/social_psychology/beger_p_luckmann_t/chapter3_3.html]

Вэй Вэй (Минск)

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ ОБРАЗА КИТАЯ В РУССКОМ НАЦИОНАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННОМ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

Стремительные преобразования, происходящие в Китае, «открытие» этой самобытной страны миру вызвал огромный интерес к этой стране, ее истории, культуре, национальным традициям, народу. Китайская тематика стала доминирующей в прессе, публицистике, литературе. Появилось большое количество ключевых слов и понятий, отражающих самобытную национальную специфику и колорит китайских реалий, культурных и исторических ценностей, традиций, особенностей китайского национального менталитета, характера и поведения.

Имена, образы, факты, события, цитаты, аллюзии, реминисценции, перифразы относятся к числу обязательных составляющих элементов национально ориентированных публицистических текстов. Функциональная нагрузка подобных этнокультурных языковых средств состоит в особой «разметке» смыслового поля текста, посредством которого автор текста осуществляет диалог с читателями. С помощью этнокультурных языковых средств автор текста передает читателям не только свои знания, но и личные оценки, пристрастия, предпочтения, симпатии и антипатии. Использование в публицистическом тексте языковых средств, несущих некоторую культурную информацию, не является случайным, произвольным, немотивированным ни для автора текста, ни для читателя, который намеренно знакомится с данной публикацией, желая раздвинуть горизонты своих познаний в интересующей лингвострановедческой области, подтвердить уже известную информацию, дополнить или опровергнуть ее, выяснить авторскую точку зрения, которую читатель в силу ряда субъективных и объективных причин считает вполне компетентной и авторитетной. Именно через публичный текст происходит познавательное обогащение языковых личностей и социумов. М. М. Бахтин, исследуя проблему речевых жанров, так охарактеризовал социальную авторитетность цитируемых и воспроизводимых лексических единиц и высказываний в культуре: «В каждую эпоху, в каждом социуме всегда есть авторитетные, задающие тон высказывания, художественные, научные,

публицистические произведения, на которые опираются и ссылаются, которые цитируются, которым подражают, за которыми следуют. В каждую эпоху во всех областях жизни и деятельности есть определенные традиции, выраженные и сохраняющиеся в словесном облачении: в произведениях, в высказываниях, в изречениях. Всегда есть какие-то словесно выраженные ведущие идеи «властителей дум» данной эпохи, какие-то главные задачи, лозунги» [1, с. 284–295]. В современной терминологии когнитивной лингвистики этот исследовательский посыл М. М. Бахтина можно выразить словами известного специалиста в области психосемантики сознания и ментальности В. Ф. Петренко, который считает, что тексты в сознании человека «существуют как гипертексты, включающие мириады ассоциативных связей, вязь перекрестных ссылок, «чувственную ткань сознания»... Понимание текстов предусматривает в той или иной степени совпадение смысловых установок, культурного кода – базовых знаний о мире автора и реципиентов» [2, с. 20].

Для публицистических текстов характерно использование большого количества прецедентных феноменов – имен, высказываний, текстов и ситуаций. Они, с одной стороны, нужны для полноценного участия индивида в социальной коммуникации на основе знания тех или иных культурных знаний, с другой – эти шаблонные слова и микротексты выполняют важную роль посредника между действительностью и личностью. Такие слова и микротексты выполняют компрессивную функцию, «сжимая» новую информацию до размеров уже известного словесного комплекса, который может либо игнорировать элемент новизны и тем самым заметно снижать воздействие новых фактов на читателей, либо, напротив, возвышать даже банальный факт до значимого объекта. В прецедентных феноменах в сжатом виде содержится большой объем культурной информации и заряд экспрессии. Именно эти свойства прецедентных феноменов превращают их в культурно и семантически нагруженные знаки, широко используемые в публицистическом тексте, основной функцией которого является воздействие на массового читателя. В системе текстовой деятельности «адресант – текст – адресат» общение становится возможным при наличии общего фонового знания, присущего в равной мере как адресанту, так и адресату. Фоновые знания формируются на базе прошлого и настоящего народа, его обычаев и традиций, культурных, экономических достижений, ценностных ориентиров, религиозных представлений. Фоновые знания постоянно обогащаются, но в их структуре есть ядро и периферия: «ядро» позволяет сохранить и поддерживать функционирование прецедентных феноменов и этнокультурных концептов, «периферия» наполняет их актуальным смыслом и обеспечивает их экспрессивность, выразительность и смысловую насыщенность.

Прецедентный факт/феномен/текст, равно как и этнокультурный концепт, порождается на основе конкретного фрагмента внеязыковой действительности, который приобрел в данном этноязыковом социуме некоторую ценность, культурную значимость и «заслужил» право располагаться среди других элементов языка и культуры на ценностной шкале в качестве ведущего оценочного ориентира. Обзор и анализ русскоязычных публицистических

текстов, в которых затронута тема Китая, позволяет выделить несколько разновидностей прецедентных феноменов с точки зрения уровней хранения и осмысления в культурной памяти носителей русского языка. К таковым относятся:

авторские автопрецеденты – феномены внешнего мира, обладающие тем или иным аксиологическим значением для автора национально ориентированного публицистического текста о Китае и включенные в его неповторимые индивидуальные ассоциативные ряды;

социумно-прецедентные феномены, известные «среднестатистическому» представителю русскоязычного социума;

национально-прецедентные феномены, известные «среднестатистическому» пользователю русским языком;

универсально-прецедентные феномены, известные всем или большинству языковых личностей.

Особое место в национально ориентированных публицистических текстах о Китае отводится прецедентным именам. В научной литературе существует узкая и широкая трактовка этого понятия. Узкая трактовка прецедентного имени представлена в работах Д. Б. Гудкова [3, с. 116–129; 4]. Она включает индивидуальные имена, связанные с известными литературными текстами или реальной/мифической ситуацией, выступающей как «прецедентно-порождающая» для того или иного имени. Широкое понимание прецедентного имени представлено в работах В. В. Красных [5, с. 197–209]. Оно включает различные типы имен собственных (антропонимы, топонимы, гидронимы, этнонимы) и нарицательные имена, которые несут печать культурно-исторической, общественной, страноведческой значимости, обладают высокой степенью прагматической информативности или экспрессивности.

С учетом целей и задач диссертационного исследования мы будем придерживаться широкой интерпретации прецедентных имен, поскольку изучение прецедентных имен в узком смысле будет в большей мере отражать особенности национальной ментальности китайцев, тогда как изучение прецедентных имен в широком смысле позволит воссоздать фрагменты ментальной картины мира носителей русского языка при восприятии и интерпретации ими китайской культуры и действительности.

Имена собственные как разновидность прецедентных феноменов в исследуемых национально ориентированных русскоязычных публицистических текстах о Китае представлены двумя разновидностями – антропонимами и топонимами.

Антропонимы. Использование имен и фамилий исторических деятелей в публицистике обычно преследует две цели:

а) обращение, апелляция к прецедентам в прошлом, инициаторами которых являлись данные исторические личности. Например, в китайском национальном сознании имя *Мао Цзэдун* олицетворяет две идеи: а) идеолог и вождь китайской революции; б) инициатор репрессий против китайского народа во время культурной революции; имени *Дэн Сяопин* приписывается ярлык «архитектор китайских реформ», а имени *Конфуций* – «философ, мудрец,

заложивший основы китайской государственности и модели взаимоотношений народа и правителей страны;

б) модально-оценочная характеристика исторических деятелей, выявляющие доминирующие стороны их деятельности или характера. Например, в национальном сознании большинства китайцев старшего поколения, имя *Мао Цзэдун* олицетворяет 'жесткость', 'жестокость', 'деспотизм' и 'своевластие'; имя *Дэн Сяопин* соотносится с оценочными понятиями 'созидатель', 'реформатор'; *Конфуций* ассоциируется с оценочными атрибутами 'умный', 'мудрый'.

В русскоязычных национально ориентированной публицистике о Китае вышеупомянутые имена китайских исторических деятелей обычно используются для выражения следующих идей:

1. Имя *Мао Цзэдун* – для выражения идеи деспотизма, жестокости, репрессивности, своевластия. Это одна из самых актуальных и постоянно воспроизводимых, репродуцируемых идей в русскоязычной публицистике при характеристике правления Мао Цзэдуна в период проведения им культурной революции. Частными случаями этой идеи являются две линии развития ассоциаций, представленных в русском национальном культурном сознании и отраженных в русскоязычной публицистике: чаще всего имя Мао Цзэдун ассоциируется с безжалостной, беспощадной жестокостью, реже – с политическим вероломством и восточной хитростью.

2. Имя *Дэн Сяопин* в русскоязычной национально ориентированной публицистике используется редко и только в позитивном смысле: Дэн Сяопин – отец и творец китайских реформ, китайского процветания и прогресса. Положительные ассоциации, сопровождающие имя *Дэн Сяопина*, обычно противопоставляются отрицательным ассоциациям, порождаемым именем *Мао Цзэдуна*. В русском национальном сознании Дэн Сяопин выступает как созидатель китайского государства, тогда как Мао Цзэдун – как разрушитель китайской цивилизации и угнетатель китайского народа. Соответствующую негативную семантику для русских несет в себе и производное от имени *Мао Цзэдун* слово *маоист*, закрепленное в русской политической терминологии в значении 'приверженец наиболее реакционных ультралевых коммунистических взглядов, декларирующих любые методы борьбы для достижения своих политических целей'.

3. Имя *Конфуций* – одно из самых воспроизводимых китайских имен в русскоязычной национально ориентированной публицистике о Китае. В русском культурном сознании это имя ассоциируется со многими достижениями китайской цивилизации – китайской народной мудростью, успехами китайского общества, уважительным отношением китайцев к своей истории и к своим правителям, житейской хитростью и предприимчивостью, сплоченностью и высокой целеустремленности. Всего этого, по мнению большинства русских, китайцы достигли благодаря тому, что у них были такие выдающиеся наставники и учителя, как Конфуций.

Топонимы. Использование топонимов в русской национально ориентированной публицистике о Китае ограничивается несколькими словами,

к числу которых можно отнести: *Поднебесная* (как синонимичное поэтическое название Китая, содержащее в себе определенный мифологический смысл), *Великий Китай* (как символ китайской цивилизации и достижений Китая), *Великая китайская стена* (как отличительный символ Китая и его главная культурно-историческая достопримечательность), *площадь Тяньаньминь* (главная площадь Китая, смысловой, концептуальный и ассоциативный аналог Красной площади в Москве; в русскоязычной публицистике в контексте студенческих волнений 1989 года в Китае обычно используется как символ свободы, вольнодумия и стремления китайского народа к преобразованиям в стране), *Пекин* (как столица китайского государства и как одушевленный символ китайской власти в контексте «*Пекин принял решение...*» или «*Пекин настоял на принятии этого решения*»), *Шанхай* (как символ стремительного развития Китая).

Результативность коммуникативного взаимодействия автора национально ориентированных публицистических текстов с читателями оказывается успешной при наличии в их картине мира неких смысловых, информационных «сгустков» – фреймов. Незнание или частичное знание содержательной структуры фрейма и его атрибутов приводит к непониманию, недопониманию или неправильному пониманию.

Исследуя фреймовую семантику как одну из разновидностей современной когнитивной лингвистики, В. З. Демьянков предложил такое определение фрейма: «фрейм – это единица знаний, организованная вокруг некоторого понятия, но в отличие от ассоциаций, содержащая данные о **существенном, типичном** и **возможном** [выделено мной. – В.В.] для этого понятия. Фрейм организует понимание мира в целом. Фрейм – структура данных для представления стереотипной ситуации или стереотипного образа объекта [6, с. 188]. На основе многократного участия в стереотипных ситуациях наше сознание «снимает» и сохраняет их структуру, что в дальнейшем открывает возможность пользоваться этой схемой как основой речевого поведения в подобных ситуациях, уточняя его соответственно варьированию самой ситуации или образа объекта.

В составе фрейма фиксируются обязательные компоненты (терминалы), которые всегда верны относительно данной ситуации или данного образа объекта. На уровне реализации отдельные смысловые ячейки (терминальные узлы фрейма) – слоты – заполняются конкретными языковыми данными, уместными для данного варианта типовой ситуации или типового образа объекта. В отличие от фрейма, концепт, под которым мы понимаем единицу знания человека о мире, представляет собой факт образа жизни, общественного сознания, теории, выраженной в языковой форме. Концепт формируется на базе слова в полном объеме его содержания, включая коннотацию и конкретно-чувственные ассоциации. По мере становления языковой личности «концепт насыщается интеллектуальным содержанием и социально-культурным опытом, аккумулирует в себе самые разнообразные ассоциации, мнения, оценки, вбирает в себя многочисленные индивидуальные и групповые впечатления о стоящем за словом явлении. Таким образом, концепт содержит в себе не только

понятие о классе явлений, но и объемное ассоциативное социокультурное представление об этих явлениях в обобщенном виде» [7, с. 116].

Концепт выражается языком и закреплен за отдельными словами или словосочетаниями. В то же время он не равен языковым единицам. По сути дела, содержание концепта складывается из содержания множества слов, контекстов и текстов, в которых отражается общее понимание некоторого фрагмента сознания, комментируется этот факт, строится картина мира и поведение на основе определенного понимания этого факта. Чем ценнее данное понятие для определенного народа, тем многократнее и богаче оно отражается в языке, речи и тексте. В сознании человека *концепт* предстает в виде своеобразного «сгустка культуры». Что же касается фрейма, то он значительно беднее концепта, поскольку фрейм – это своего рода шаблонная схема, по которой строится понятие, а всякая шаблонная схема всегда беднее живой действительности, отраженной в языке и сознании.

Ниже приведена структура фрейма *Китай*, воссозданная на материале исследованных нами русскоязычных национально ориентированных публицистических текстов о Китае. В русскоязычной публицистике топоним *Китай* чаще всего используется в четырех фреймово-смысловых блоках: «Поднебесная», «Великий Китай», «Китай как прародитель древней цивилизации, давший человечеству письменность, Конфуция и Лао Цзы», «Китай как одно из самых больших, густонаселенных и динамично развивающихся государств в мире».

Фреймово-смысловой блок «Поднебесная» поддерживается и акцентируется выражениями типа *страна, находящаяся ближе всех к небу; страна, которую боги приблизили к себе; страна, которой дарована особая божья благодать; страна, которой предначертано быть великой*. В данных выражениях основной акцент делается на особом статусе Китая, величие которого проявляется в том, что он максимально приближен к небу и богам.

Фреймово-смысловой блок «Великий Китай» поддерживается и акцентируется словосочетаниями типа *великая китайская культура, древнейшая китайская цивилизация, великое китайское наследие, Великая китайская стена, великий китайский народ*. В данных словосочетаниях основной акцент делается на величии Китая как древнейшего государства и всего китайского.

Фреймово-смысловой блок «Китай как прародитель древней цивилизации, давший человечеству письменность, Конфуция и Лао Цзы» поддерживается и акцентируется словосочетаниями и выражениями типа *древнейшая китайская цивилизация, Китай – прародитель человеческой цивилизации, древнейшая китайская письменность, Китай – родина Конфуция и Лао Цзы, древнейшая китайская философия*. В данных словосочетаниях и выражениях основной акцент делается на роли Китая в становлении мировой цивилизации.

Фреймово-смысловой блок «Китай как одно из самых больших, густонаселенных и динамично развивающихся государств в мире» поддерживается и акцентируется словосочетаниями и выражениями типа *Великий Китай, Великая страна, самая населенная страна в мире, восточно-*

азиатский дракон, азиатский тигр, китайское «чудо» (о стремительно развивающейся экономике Китая), динамично развивающаяся китайская экономика, мощь китайской экономики, страна с огромным потенциалом. В данных словосочетаниях и выражениях основной акцент делается на величии Китая и достигнутых им экономических успехах, позволивших стране за короткий период войти в десятку передовых национальных экономик мира.

В историко-хронологическом плане в русскоязычной национально ориентированной публицистике о Китае топоним *Китай* используется в трех фреймово-смысловых блоках: «*Древний Китай*», «*Дореформенный (прежний) Китай*» и «*Современный Китай*».

Фреймово-смысловой блок «*Древний Китай*» поддерживается и акцентируется словосочетаниями типа *древнейшая цивилизация, прародитель человеческой цивилизации, древнейшая культура, великое китайское наследие, древнейшая письменность, древнекитайские мудрецы, Великая китайская стена, династии и эпохи китайских императоров.* В данных словосочетаниях основной акцент делается на роли Древнего Китая в становлении мировой цивилизации и культуры.

Фреймово-смысловой блок «*Дореформенный (прежний) Китай*» поддерживается и акцентируется словами и словосочетаниями типа *Китай эпохи Мао Цзэдуна, культурная революция, социализм с китайским лицом, отсталый социализм, коммунистическое иго, подневольный народ, обнищавшая, голодная деревня, угнетенная интеллигенция, нищенское равенство, маоизм, своевластие, великая китайская разруха.* В данных словах и словосочетаниях основной акцент делается на недостатках социалистического развития Китая в дореформенную эпоху в годы правления Мао Цзэдуна.

Фреймово-смысловой блок «*Современный Китай*» поддерживается и акцентируется словосочетаниями и выражениями типа *новый Китай, реформированный Китай, Китай после Дэн Сяопина, свободный Китай, открытый Китай, богатый Китай, живой Китай, оживший Китай, созидающий Китай, открытая экономика, капиталистический социализм, китайское «чудо» (о стремительно развивающейся экономике Китая), динамично развивающаяся китайская экономика, мощь китайской экономики, страна с огромным потенциалом.* В данных словах и словосочетаниях основной акцент делается на коренных изменениях в социально-экономическом развитии Китая, происшедших за годы реформ.

Из примеров видно, что практически все прилагательные, используемые в приведенных выше словосочетаниях и выражениях, включая группу относительных прилагательных, приобретают высокую степень оценочности. Данное явление весьма характерно для газетно-публицистических текстов, в которых доминируют политизированные понятия и термины. Так, например, если фрейм «*Дореформенный (прежний) Китай*» целиком пронизан языковыми средствами с отрицательной оценкой, то фрейм «*Современный Китай*» поддерживается языковыми средствами, несущими в себе исключительно положительную оценку. Впрочем, такая оценка в большинстве случаев

отражает авторскую позицию. Что же касается позиции читателей, то она в принципе может быть иной и в ряде случаев не соответствовать точке зрения автора. Так, например, практически никто из читателей не осмелится оспаривать величие древнекитайской цивилизации, культуры и философии, поскольку данный аспект проблемы лежит исключительно в исторической плоскости и не является политизированным. Что же касается политизированных оценок, то здесь возможно существенное расхождение мнений: одни, например, считают современную эпоху развития общества всеобщим благом, расцветом цивилизации, другие, наоборот, считают новый этап в развитии общества – шагом назад, дорогой к дегуманизации человеческих отношений и индивидуализму, разрушающему сами устои общества. На уровне повседневного общения носителей языка этот диссонанс между «достоинствами» всего нового и «недостатками» всего старого часто проявляется в различного рода стереотипных рассуждениях типа *«Раньше был Китай с великой, самобытной культурой, а теперь Китай превратился в большую барахолку, на которой продают некачественные товары»* или *«Раньше китайцы были трудолюбивой и сплоченной нацией, а теперь они разобщены, скрытны и нечестны. Их основная цель обхитрить покупателя и продать им то, что быстро выйдет из строя»* или *«Раньше Китай был страной, всегда поддерживающий слабые страны, а теперь он превратился в государство, реализующего свою внешнюю политику, исходя исключительно из принципов политической конъюнктуры и экономической выгоды»*.

Особое место в русскоязычной национально ориентированной публицистике о Китае занимает фрейм *«Таинственный, уникальный Китай»*. В публицистических текстах этот фрейм поддерживается и акцентируется различными мифологическими и поэтическими образами вроде *небесный рай, божественная страна*, а также словосочетаниями и выражениями типа *таинственная, неразгаданная страна/китайская культура, загадочная китайская душа, китайский дух, уникальная самобытность, непохожесть, необычность китайской культуры, уникальность китайской цивилизации, Китай – прародитель человеческой цивилизации, китайская специфика, китайский характер*. В данных словах метафорических и поэтических образах, словосочетаниях и выражениях основной акцент делается на необычности, уникальности и таинственности китайской цивилизации, культуры и ее народа.

Следует отметить, что русской национальной ментальности Китай и его народ всегда были и остаются воплощением уникальности и таинственности. Рядовым носителем русского языка, как впрочем, и других европейских языков, все китайское содержит в себе необычные, уникальные и во многом таинственные черты. ореолом уникальности, самобытности и таинственности пронизано содержание таких концептуальных смыслов, как *китайская цивилизация, китайская культура, китайские обычаи и традиции, китайская душа*. Определенную смысловую нагрузку в виде различного рода ассоциаций имеют словосочетания *китайская кухня, китайская хитрость, китайское трудолюбие, китайская работоспособность, китайская мудрость*.

Заметное место в русскоязычной публицистике о Китае занимает фрейм *преимущества поколений и цивилизационных ценностей*. Практически все достоинства современной китайской цивилизации и китайского народа, о которых упоминается в русскоязычной публицистике о Китае, порождены системой воспитания и отношения к своим национальным ценностям, истории и культуры, которая, по мнению самих китайцев, была заложена в глубокой древности и нашла обоснование в трудах древнекитайских философов Конфуция и Лао Цзы. Основными элементами этой системы воспитания являются этика взаимоотношений между подданными и правителями, смирение и покорность, почитание старших, уважительное отношение к национальным вождям, правителям и историческим личностям, соблюдение закона, неукоснительное исполнение разного рода правил и предписания трудолюбие, сплоченность, целеустремленность, терпение и терпимость. Некоторые из этих элементов и качеств нашли отражение в национальной ментальности китайцев в виде специфических проявлений, таких как высокая образность и метафоричность мысли, типично китайская витиеватость в повествовании и рассуждении, частая отсылка к мифологическим и сказочным образам, использование различного рода необычных с точки зрения носителя русского языка сравнений, что вызывает значительные трудности при переводе с китайского языка на русский.

Таким образом, для носителя русского языка ореол уникальности и таинственности содержится не только во всем китайском, включая страну, ее историю, культуру, обычаи, традиции, ценностные ориентиры, но в самом китайском языке, в котором мысли формулируются совсем по-иному, нежели в русском языке. Это проявляется не только в смысловых и ассоциативных реализациях, но и в стиливых особенностях китайских текстов различных жанров – публицистических, научно-популярных, научных.

Для любого инофона китайская культура уникальна и неповторима. Она имеет глубокое духовное содержание, ядро которого составляют нравственно-этические проблемы, философские рассуждения и любование природой. Так, например, одним из важнейших постулатов китайской научной и обыденной философии является понятие внутреннего непостоянства природы, которое содержится в пяти окружающих человека элементах – в воде, огне, земле, дереве и металле. Каждый из элементов изображается графически как некий образ посредством иероглифа, который, в свою очередь, рождает новые понятия, так или иначе связанные с этими элементами. В определенный момент каждый элемент начинает изменяться и становиться неотделимым от другого элемента, обретая двойную сущность, являясь отражением реальности и демонстрируя непрерывность связей старого и нового мира.

Для китайцев вода – это не только источник жизни и начало всех начал, но и оазис в пустыне человеческих мыслей. Вода в образе всемогущего дракона, олицетворяющего реку Янцзы, являющуюся символом источника силы Китая, дала жизнь и защиту таинственному «Запретному городу» – жемчужине Пекина, символу мощи правителей династии Мин и Цин. Другим символом мощи династии Мин и Цин является Великая китайская стена, которая

одновременно символизирует тело сказочного дракона, стойкость китайского народа в тяжелые времена, а также последнюю преграду перед входом в море неуязвимости.

Дерево в понимании китайцев – это элемент, трансформировавшийся из элемента *вода*. Каждое дерево имеет свой неповторимый голос, напоминающий человеческий смех. Силу и красоту дерева в китайском национальном сознании олицетворяю мистические, излучающие древность, причудливые сосны Хуаншаня и Дунбэя, Желтых гор провинции Аньхой, бамбуковые и другие экзотические деревья Сычуани, «зеленый океан» лесов Цинхая, деревянные постройки «Запретного города», пекинский Храм Неба, сотканный из множества деревянных фрагментов замысловатой формы, напоминающих китайские иероглифы, а также традиционные китайские рисовые палочки.

Важным элементом жизни в понимании китайцев является огонь, который тесно связан с водой и деревом. Вода дает жизнь дереву, а подожженное дерево становится огнем. Воплощением огня выступает солнце, которое совершает переход с востока на запад. Мифологическим символом огня у китайцев является Пылающий Дракон. Неистовство пламени и мощь огня присущи духу китайским традициям, обрядам, искусству, архитектуре. Так, например, в китайской архитектуре эта символика проявляется в желто-красной цветовой палитре оформления внешних фасадов и внутренних отделок зданий. Национальным символом Китая являются Огненные горы Синьцзяна, мимо которых в средние века проходил Великий Шелковый путь. Национальным символом огня в определенном смысле является также любимый всеми китайцами озорной и мудрый Царь обезьян. Олицетворением огненного начала для китайцев являются также желто-красные ворота в резиденцию китайского правительства, которые символизируют врата в новый, современный Китай.

Не менее важным элементом, в понимании китайцев, является земля. Огонь становится золой, которая уходит в землю. Земля способна поглотить огонь. Китайцы – это народ, глубоко почитающий своих предков. Их прах находится в земле, откуда все родом. Не случайно у китайцев существует традиция, вернувшись на свою малую родину, приложить ладонь к земле для того, чтобы ощутить ее песчаную субстанцию и сродниться с землей. Все это дает человеку ощущение близкого родства с землей, преемственности поколений и постоянства, которые составляют коренную суть китайской ментальности. Олицетворением земли у китайцев выступают мистические горы Хуашань в провинции Шаньси, которые являются священным местом даосизма, пекинская Белая пагода, пещера Луньмэнь в провинции Хэнань с многочисленными каменными скульптурами будды, величественные и таинственные горы Шангрила, пески Нинься. Взаимопроникающая гармония земли и неба выражается в пекинском храме Неба посредством особой архитектуры алтаря, который символизирует Землю как передающую повеление Неба. Другим символом – символом плодородной земли и земли как сущности китайской нации выступает императорский дворец в Пекине.

Существенное место в национальной картине мира китайцев занимает металл, который является твердой субстанцией земли, порождаемая огнем,

поглотившим дерево. Металл символизирует душу, стойкость и гордость китайской нации. Металлы – это традиционные символы благосостояния, счастья, великого Неба, бесконечного пространства. Китайский иероглиф «фу», который переводится словами *богатство, счастье*, можно написать сотнями способов, но он всегда будет означать одно и то же. Богатство и счастье в Китае означают больше, чем просто наличие денег. Этот иероглиф означает пожелание счастья, здоровья, активной жизни и единства характеров, то есть, все, что можно вложить в понятие «благополучие» и даже больше. Это понятие в Китае означает эклектическое единство всего, что содержит любые комплименты, и всего, что может пожелать человек.

Так что же делает Китай в глазах иностранцев, в том числе и русских, таким особенным, необычным, уникальным, таинственным и даже мистическим? В первую очередь, это сам китайский язык, поскольку выраженная в иероглифах чистая графика воплощает в себе целый комплекс взаимосвязей и взаимозависимостей. Понимание Китая, его культуры, традиций, а также национальной ментальности начинается с понимания логики написания иероглифов. Расположение основных графических черт иероглифа – это взаимосвязи, прошедшие тысячелетия и отражающие специфику китайского национального менталитета, и одновременно отражение современной действительности и.

В русскоязычной публицистике о Китае заметное место занимает также фрейм *исторических и особенно императорских аллюзий*. Обычно этот фрейм в публицистических текстах поддерживается и акцентируется разного рода упоминаниями о Великом Древнем Китае, древнекитайских ценностях, Великом китайском народе, династиях императоров, эпохах их правления, великих императорах и их заслугах. При этом в контексте китайской тематики хронология исторических событий ведется не путем привязки этих событий к конкретным годам и столетиям, а с помощью отсылок к конкретным эпохам правления тех или иных императоров или династий императоров.

Литература

1. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Бахтин М. М. Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук. – СПб. Азбука. – 2000, с. 284–285.
2. Петренко В. Ф. Психосемантика ментальности: коммуникативный аспект // В. Ф. Петренко // Проблемы медиапсихологии. – М.: РИП-холдинг. – 2002. С. 19–30.
3. Гудков Д. Б. Прецедентное имя: проблемы денотации, сигнификации и коннотации // Д. Б. Гудков // Лингвокогнитивные проблемы межкультурной коммуникации. – М., 1977. С. 116–129.
4. Гудков Д. Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентности // Д. Б. Гудков. – М., 1999. – 292 с.
5. Красных В. В. Этнопсихолингвистика. – М.: Гнозис, 2003, – 272 с.
6. Демьянков В.З. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина. – М., 1996, с. 466.
7. Матвеева Т.В. Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика / Т.В. Матвеева. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 432 с.

白俄罗斯人和中国人价值观相同的地方与不同之处

(Сходства и различия в системе взглядов
белорусского и китайского народов)

由于我国和中国位于世界不同的大洲，因此两个国家在地域和文化等诸多方面都有所不同，另一方面，尽管这两个国家离得相当远，但还是能指出一系列价值观念相同的特征。

第一、价值观是在某个国家历史演变或变迁的过程中形成的，虽然白俄罗斯历史相比中国来说比较短，可是我国民族的价值观较稳定，而且是不会轻易改变的。我国直到1991年属于前苏联的加盟国，因此这一点不得不影响了我国人民性格的一些特点，如随和、勤劳、服从性比较强。但是这些特点是历史创造的，并已变成了一种习惯，一个人从生下来以后就具有这些特点。同时，我认为，这几个特征中国人也具有，但其来源不同。有些中国人随和是为了保持人际关系的和谐，而有的人只在表面上比较随和，实际上心理隐藏着乖僻之根（但也不代表全部中国人）。众所周知，自古以来中国人民以勤劳努力而闻名，而且受其他民族佩服和尊敬，原因有很多，其中竞争激烈、人口众多、个人对成就感的理解等。白俄罗斯人倒是不一样，因为我国人口少，竞争不算激烈，因此我国人民的性格特点是历史特殊的情况决定的，而中国人民的性格特征是社会在历史发展过程中的演变而创造的。

第二，中国人很重视家庭、团聚，很恋家，家庭责任感很强。虽然家庭对白俄罗斯人也十分重要，但是这种现象在我国表现得不是很明显。由于在中国实行独生子女的政策，因此中国的父母把自己的孩子当成小皇帝来看待，对孩子们的期望也很大，都希望自己的孩子在有朝一日能成龙成凤，全力以赴给孩子创造最佳的生活、学习、发展环境，因此经常过分溺爱小孩，不过这种现象很容易解释与理解，因为家里只有一个小宝贝，所以过分的关心阻碍了孩子的成长，无论他长大了、成家了、还是已经有了自己的孩子，仍然关心和照顾自己的孩子和他们的下一代。大部分白俄人对孩子的要求很高，教养方式比较严格，而且尽量早日培养孩子的独立性，使他不

依靠父母的生活。当然，孩子成年后家长并不是抛弃他们，而是继续帮助和照顾他们，只不过孩子们变得更独立，有选择的权利，父母已经不能替孩子做决定，他们只能表达自己的意见和建议而已，最后的决定还是由孩子来做。中国人和白俄罗斯人在对教育看法是一致的，都非常重视教育，并且知道教育的重要性，可是教育的目的却有所不同；例如白俄罗斯人尽量从小培养孩子的多方面的兴趣，包括音乐、运动、油画、舞蹈等。大部分小孩除了上课以外，还参加各种各样的培训班，一方面家长用这种方式来培养孩子们对时间的珍惜，另一方面，让孩子们自己了解自己在哪方面比较出色，这样，将来可以把这方面发展下去，作为未来的职业，对我们而言，精神发展和知识的积累同样重要。中国人的大部分时间是在学校里渡过，所以他们除了上课外，几乎没有时间从事其他的业余事情，他们以上学为主。但是，这一点并不是件坏事，这样，他们可以把注意力集中在掌握知识上，而且可以多学一点新的东西，他们变得更细致，更负责认真。这些性格的特征在将来的工作当中对他们会有帮助。显而易见中白两国之间在教育成长方面的都是希望能将孩子培养成为优秀的人才，但在本质上还是有着很大的不同。

第三、我国同胞不止心地善良、本分，而且很和气、无论是对亲朋好友，还是陌生人都比较热情。白俄罗斯人喜欢助人为乐，很愿意帮助别人，不论这个需要帮助的人是认识还是不认识。这种情况很普遍，是跟信仰有关，白俄罗斯人信东正教，从小我们都记在脑海里上帝的话：“对待别人就像你希望别人对待你一样”，也就是说，在生活中尽量不做坏事，做个好人。只有这样才能离开这个世界后受到上帝的赞扬，而不被惩罚。可是，在这方面中国人和白俄罗斯人有些差异，即中国人很重视自己圈内的和谐，并且把圈外和圈内的人分得很清楚。在中国生活的这些年里我发现了一下规律，若你是圈内的人，或是亲戚，或是好朋友，人们之间会以最大的努力去帮你，关心你，相反，只要你们的之间的关系不是很密切，那很有可能得不到别人主动的帮助，除非将来你对这个人会有用的，当然这并不代表全部，近年来我也通过媒体看到了很多多方面的慈善行为，但终归是媒体。最初我以为这种现象是跟中国独生子女的自私自我有关，可是过了一段时间的接触我意识到了，这是中国人价值观念特点之一。

有时中国人为了表示他也是圈内的一员，对别人的关心和和气有时过于干涉别人私人的事情，其目的是以这种方式告诉对方他的位置所在。在白俄罗斯情况则不同，再好的朋友也不会干涉别人私事，原因是我们认为，每个人都有属于自己的空间，类似于privacy，而别人该尊重个人空间的权利，我们认为，干涉个人的空间是不礼貌的，除非人家自己自愿告诉你，或者跟你讨论他的隐私，否则尽量不会去刨根问底。

第四、由于中国人接收儒家教育，所以在生活中中国人的上下关系表现得很明确，而这样的关系在生活的每一方面都能够看出来，无论是长辈与晚辈、师生或是上级与员工之间的关系，都存在着上下等级关系。其关系不仅在人们交往过程中表现，同时在语言中也有些体现，例如，不同职位的人有不同的称呼、家庭成员也有各种各样的称位等。其实，这种现象有一些优点，如，借助上下级关系的存在每个人能够清楚自己在社会上的责任，且保持社会结构的和谐。然而在我国也存在不同的等级，但上下关系的表现不那么明显，我们比较重视人和人之间的平等，认为某个人生下来后跟别的人是一样的，所以虽然在表面上还是有等级的存在，可是从人权角度来看，白俄罗斯人对地位比较高的和地位比较低的人保持同样的态度，因为在宗教信仰下我们都没有任何的区分。我们要尊重和珍惜每一个人，无论他们在社会上占什么样的地位，或月薪是多少。原因很简单：首先在这个地球上生存的最大生物是人类，在我们的信仰中通过对别人的尊重我们表示对信仰的顺从。在语言中白俄罗斯人的等级观念也有所表现，比如我们在社会等级中对别人的称谓几乎没有特别明显的体现，在单位所有的工作人员，包括董事长、总经理，都会叫他手下的人的名字和父称，而从来不特意去标明某个人在公司或学校等的地位，同时上下级的人员只会称呼上司的名字和父称。在家里兄弟姐妹不分长幼，照样会叫他们的名字。白俄罗斯人用这种称呼方式强调人们平等的地位。

第五、通过媒体也能发现某个民族价值观的特征。在中国一些广告很明显地表现出了中国人的价值观点，而显示的方式不是直接的。人们通过某个形象要找出所讲的价值观点、所表示的意思，这样，

一举两得，一方面推荐产品，另外方面，用隐藏的方式来讲一些道理。这种现象是中国人性格的体现，为了保持关系的和谐，保护自己或对方的面子，人们在交流过程中经常用提示的方式表达自己的观念，所以难怪有时候很容易造成误会。通过白俄罗斯的媒体也能够分出本民族的价值观念，有一系列广告简直是价值观的广告，用很直观的手段来表达自己的观点。比如，有一种公益性广告表示孝顺父母的观点，这种类型的广告从不推荐产品，此广告直接向各类人群，特别是年轻人要经常看看年老的父母、要尊敬父母、要关爱父母。在此类广告中家庭被当作鸟巢，而孩子们被当作从鸟巢飞走的小鸟。最后一句话为：“勿忘父母！”虽然人们到一定的年龄必定要离开家，这已是我民族所形成的自然规律，就像小鸟要离开老鸟的鸟巢一样，要过独立的生活，不过还是要记得给予生命的人、养活你那么多年的人、一直疼你的人。要是今天你给父母你的关爱，明天你的孩子们一定会效仿而报答你的。关心父母等于给自己提供幸福的老年人的生活。这是我国民族表达价值观念的方式。

价值观这个问题一向非常广泛，我在本篇短论文里只描述了一小部分中国人和白俄罗斯人不同的和相近的价值观的方面，也许很片面，因此需要我们在价值观念这一问题上投入更多的时间和经历去深入研究。

Карлюкевіч В.А. (Мінск)

“ЖОЎТАЯ КНІГА”: УНІКАЛЬНАЯ З’ЯВА КІТАЙСКОЙ ПЕРАКЛАДНОЙ ЛІТАРАТУРЫ 50-70-х гг. XX СТ.

“Жоўтая кніга” (黄皮书) - спецыфічны тэрмін, прыняты ў Кітаі для абазначэння выданняў для “ўнутранага карыстання”. Такія кнігі сталі выпускаць яшчэ ў 50-я гг. XX ст., але пік “жоўтых кніг” прыходзіцца на 60-70 гг. Сваю назву гэтая з’ява атрымала за светла-жоўты колер вокладак. Кітайскія літаратуразнаўцы, гісторыкі пачалі звяртацца да вывучэння гэтай

тэмы толькі ў 2000-я гг., у постсавецкім кітаязнаўстве да праблематыкі “жоўтых кніг” увагуле не звярталіся.

Акрамя светла-жоўтага колеру адметнай вокладку рабіў надпіс “Для ўнутранага карыстання”. У некаторых выпадках у кнізе можна было таксама знайсці ўкладку памерам тры з паловай сантыметры ў даўжыню і сем сантыметраў у шырыню з наступным тэкстам: “Гэта выданне для ўнутранага карыстання, прызначана для азнаямлення дзеячаў літаратуры і мастацтва. Калі ласка, карыстайцеся кнігай акуратна, забараняецца перадаваць староннім людзям.” [1]

Перадумовай з’яўлення “жоўтых кніг” стала пагаршэнне савецка-кітайскіх зносін у канцы 50-х гг. XX ст. Крытыка І. Сталіна ў дакладзе М. Хрушчова ў канцы XX з’езда КПСС, новы савецкі курс на эканамічнае развіццё пры палітыцы “мірнага суіснавання” з капіталістычнымі краінамі выклікалі незадаволенасць Мао Цзэдуна. Палітыка М. Хрушчова, па азначэнні афіцыйнага Пекіна, супярэчыла камуністычным ідэям і была названа рэвізіянісцкай. Нядзіўна, што ў гэтых абставінах Адзел прапаганды ЦК КПК выступіў з заклікам да выдавецкіх устаноў Кітая далучыцца да барацьбы супраць савецкага рэвізіянізму. Па сведчанні Чжан Фушэна, які ў сваю чаргу, цытуе тагачаснага намесніка галоўнага рэдактара часопіса «Сусветная літаратура» спадара Чэнь Бін’і, у снежні 1959 года – студзені 1960 года ў пекінскім атэлі «Сінь цяо» адбыўся сход працаўнікоў культуры, дзе Чжоу Ян, намеснік кіраўніка Адзела прапаганды ЦК КПК, агучыў пазіцыю першых асоб краіны пра неабходнасць выдання твораў замежнай літаратуры ў якасці адваротнага прыкладу. Чэнь Бін’і называе яшчэ адну ўскосную прычыну з’яўлення “жоўтых кніг”. Аднак ніякіх афіцыйных дакументаў па гэтым пытанні прадстаўлена не было. У маі 1959 года кітайская дэлегацыя на чале з вядомым кітайскім літаратарам Мао Дунем прымала ўдзел у III З’ездзе савецкіх пісьменнікаў. Падчас работы з’езда ўзнікла шмат дыскусій наконт шляхоў развіцця савецкай літаратуры, але прадстаўнікі кітайскай дэлегацыі ў большасці выпадкаў не чыталі і нават не ведалі твораў, якія абмяркоўваліся на з’ездзе. Падкрэслім, што афіцыйных дадзеных пра вытокі з’явы пад назвай “жоўтая кніга” няма, адзіная крыніца, на якую, у асноўным, і спасылаюцца – сведчанні непасрэдных удзельнікаў гэтага працэсу. Слова Чэнь Бін’і пацвярджаюць перакладчыкі старога пакалення – Гао Ман і Лі Шугуан. Так, Лі Шугуан успамінае: “Пасля сходу ў снежні 1959 года ў атэлі «Сінь цяо» Чжоу Ян пакінуў некалькі спецыялістаў для абмеркавання пытанняў гуманістычнага складніка і тэорыі чалавечай сутнасці ў творах літаратуры і мастацтва буржуазнага свету, а таксама барацьбы супраць антырэвізіянізму. На сходзе прысутнічалі Чэнь Бін’і, Цзян Чуньфан і Фэн Чжы. Неабходна павысіць намаганні па даследванні развіцця замежнай літаратуры і выданні матэрыялаў для азнаямлення кіраўнікоў краіны з негатыўнымі прыкладамі.” [1] Акрамя гэтага, Адзел прапаганды ЦК КПК стварыў спецыяльную Групу антырэвізіянісцкай барацьбы ў сферы літаратуры і мастацтва. Падрыхтоўчая работа па стварэнні групы вялася Чжоу Янам і Лінь Моханем, кіраўніком групы стаў Лінь Мохань. Асноўнымі

накірункамі дзейнасці групы былі напісанне артыкулаў антырэвізіянісцкага зместу і выданне “жоўтых кніг”. Па ўспамінах іншага сведкі – перакладчыка Цінь Шуньсіня, ці Чжоу Ян, ці Цянь Цзюньжуй сказаў такія словы: “Узровень нашых ведаў пра літаратуру Заходняй Еўропы і Амерыкі можна параўнаць з непрагляднай цемрай, а ў адносінах літаратуры Савецкага Саюза і Усходняй Еўропы мы дэманструем павярхоўнасць і дылетанства.” [1]

Выданне “жоўтых кніг” можна ўмоўна падзяліць на два этапы. Першы этап – першая палова 60-х гг. XX ст. (да пачатку Культурнай рэвалюцыі 1966 – 1976 гг.). Пік актыўнага выдання “жоўтых кніг” у гэты час назіраецца з 1962 па 1965 гады. У 1962 годзе выйшла ў свет анталогія «Горкі плён», менавіта яе большасць даследчыкаў і лічаць першай “жоўтай кнігай”. Анталогія была складзена з 25 твораў (апавяданні, вершы, артыкулы) пісьменнікаў з Савецкага Саюза, Польшы, Венгрыі, Чэхаславакіі і інш. Да Культурнай рэвалюцыі ў межах праекта “жоўтая кніга” было выдадзена больш за пяцьдзсят твораў перакладной мастацкай літаратуры, а таксама шэраг зборнікаў з літаратурна-крытычнымі артыкуламі. На кітайскай мове з’явіліся «Людзі, гады, жыццё» І. Эрэнбурга, «Адзін дзень Івана Дзянісавіча» А. Салжаніцына, «Жывыя і мёртвыя» К.Сіманава, «Зорны білет» В.Аксёнава, «Бабін Яр» Я.Еўтушэнка і інш. У асноўным перакладалі творы сучаснай савецкай літаратуры. Пазней пачалі звяртацца да еўрапейскіх і амерыканскай літаратур: «У дарозе» Дж. Кэруака, «Лавец у жыцце» Дж. Сэлінджэра, «У чаканні Гадо» С. Бекета і інш. Другі этап выдання “жоўтых кніг” храналагічна звязаны з сярэдзінай і канцом Культурнай рэвалюцыі, асноўны ўздым назіраўся з 1971 па 1978 гады. “Жоўтыя кнігі” у гэты перыяд далёка не заўсёды адпавядалі сваёй назве: прызначаныя для ўнутранага карыстання пераклады з замежных літаратур пачалі выходзіць у белых і светла-шэрых вокладках.

Чжан Фушэн, які доўгі час даследаваў “жоўтыя кнігі”, так расказвае пра працэс выбару твораў для перакладу і публікацыі: “Спадар Сунь Шэн’у [Сунь Шэн’у, кітайскі перакладчык Янкі Купалы, у 60-я гг. працаваў намеснікам галоўнага рэдактара выдавецтва “Жэньмінь вэньсэю чубаньшэ”-В.К.] нёс поўную адказнасць за гэту катэгорыю кніг. Ён уважліва праглядаў кожны выпуск “Каталога замежнай кніжнай прадукцыі”, затым заказваў тыя з кніг, якія больш за ўсё ўхвалялі ці, наадварот, крытыкавалі. У той час рэдакцыя таксама выпісвала шмат савецкіх літаратурных часопісаў і газет: “Літаратурная газета”, “Знамя”, “Звезда”, “Октябрь”, “Новый мир”, “Наш современник” і інш. Часопісы і газеты раздавалі супрацоўнікам, якія выступалі з прапановамі, канчатковае рашэнне прымаў Сунь Шэн’у.” Цікавая і сістэма распаўсюджвання “кніг для ўнутранага карыстання”. “У пачатку 60-х гг. кожную кнігу выдавалі тыражом недзе ў 900 асобнікаў. Да чытачоў былі самыя высокія патрабаванні: чыноўнікі міністэрскага ўзроўню і вядомыя пісьменнікі. Гэта надавала пэўную “таемнасць”. Па словах Цінь Шуньсіня, які займаўся рэдагаваннем “жоўтых кніг”, у галоўнай рэдакцыі ён аднойчы ўбачыў маленькі сшытак. Пасля выхаду кнігі ў свет, апавяшчалі ўсіх з гэтага спісу пра магчымасць набыць дадзенае выданне”. [1]

У гэты час з пазнакай “толькі для унутранага карыстання” выходзяць дзве “жоўтыя кнігі” беларускага паходжання: “Трэцяя ракета” Васіля Быкава (выд. “Цзоцзя чубаньшэ”, 1965) і “Снежныя зімы” Івана Шамякіна (выд. “Шанхай жэньмінь чубаньшэ”, 1972-1973).[2, с.179] Абедзве кнігі апублікаваны ў перакладзе Лі Лянміна, аўтара кітайскай версіі аповесці Якуба Коласа “Дрыгва”.

Нягледзячы на тое, што Лі Лянмін пачынаў з перакладаў дзіцячай літаратуры, у памяці чытачоў ён застаўся “рэвалюцыйным” перакладчыкам. З 1952 г., калі ён зрабіў пераклад рамана Э. Л. Войніч “Авадзень”, Лі Лянмін выбірае творы пра гераічныя постаці ў сусветнай гісторыі: “Спартак” Джаваньолі, “Белы раб” Хільдрэта, “Качубей” А. Первянцава, а таксама аповесць Якуба Коласа пра подзвігі дзеда Талаша “Дрыгва”. Сам Лі Лянмін так тлумачыць свой выбар: “Галоўныя героі гэтых твораў – мучанікі, гераічныя асобы, якія сфарміраваліся ва ўмовах Вялікай Айчыннай вайны, народна-вызваленчай і класавай барацьбы. Таму выбіраючы тэматыку для маіх мастацкіх перакладаў, я кіраваўся прынцыпам “жыццяпіс гераічнай постаці”.[3, с. 8]

Добра арганізаваная сістэма па перакладзе і выданню твораў замежнай, у першую чаргу – савецкай, літаратуры ў Кітаі у 50-70-я гг. XX ст. сведчыць пра сталае разуменне кітайскіх кіраўнікоў адносна істотнай ролі дзяржавы ў развіцці культурных працэсаў, а таксама іх уплыў на фарміраванне ў краіне дамінуючай ідэалогіі. У пэўнай ступені, гэты падыход захаваўся і ўва сучаснай дзяржаўнай палітыцы Кітая ў дачыненні да формаў успрымання перакладной замежнай літаратуры.

Літаратура.

1. 中苏文学交流史上一段特殊岁月：“黄皮书”出版始末//

中华读书报[电子资源] = Унікальны час у гісторыі літаратурнага абмену паміж Кітаем і Савецкім Саюзам: выданне “жоўтых кніг”. – 2009. –

http://book.ifeng.com/special/neibushu/list/200905/0526_6795_1176372.shtml – Дата доступу: 24.08.2011.

2. 曾，思艺。俄苏文学及翻译研究/

曾思艺。 –

北京：中国社会科学出版社 = Цзэн, Сыі. Даследванні рускай літаратуры і перакладу/ Цзэн Сыі. – Пекін: Чжунго шэхуэй кэсюэ чубаньшэ. – 2011. – 313с.

3. 李，佺民。探寻英雄人物的足迹——谈谈我的文学翻译选题/ 李佺民//

中国翻译 = Лі, Лянмін. У пошуку слядоў гераічных постацяў – размова пра мой выбар тэмы для літаратурных перакладаў/ Лі Лянмін// Чжунго фаньі. – 1984. – №4. – С. 8-11.

Холево А.Н. (Минск)

РОМАН ЦЗЯН ЖУНА «ТОТЕМ ВОЛКА»: ВОЛКИ И ОВЦЫ

Современная китайская литература, освободившаяся от жесткого политического контроля и вырвавшаяся за рамки традиционализма, поражает своим многообразием и разноплановостью. Появление на литературной арене самых разных жанров, ранее абсолютно нехарактерных для литературы Поднебесной, становление массовой литературы, укрепившей свои позиции благодаря интернету, и, одновременно с этим создание глубоких и оригинальных произведений мирового уровня выделяют китайскую литературу XXI века среди других национальных литератур. Всё больше и больше китайских писателей становятся известными всему миру, а их произведениями зачитываются люди из разных стран. Китайская литература стала достоянием не только одной страны, но и всей мировой литературы, что подтверждается огромным интересом к ней. Десятки китайских писателей удостоены самых престижных литературных наград, а их произведения всё чаще и чаще переводятся на иностранные языки. Не является исключением и творчество всемирно известного Цзян Жуна, создателя нашумевшего романа «Тотем волка», ставшего настоящей сенсации в литературном мире Китая.

Сенсационность романа заключается в том, что автор предложил читателю своё видение истории развития мировой цивилизации, становление китайской государственности и, что самое интересное, нашел объяснение многовековым проблемам китайского народа, причиной которых стала никому неизвестная «овечья болезнь». Роман «Тотем волка» обратил внимание китайцев на вопросы, которые ранее попросту игнорировались, а самое главное, заставил жителей Поднебесной по-другому посмотреть на самих себя, разобраться в своих слабостях и недостатках.

Китай, как известно, многонациональная страна. Пятьдесят шесть народностей составляют национальную палитру Поднебесной, и среди этих пятидесяти шести народностей по-особому выделяются монголы – жители безмерной, как море, степи автономного региона Внутренняя Монголия. Монголы – уникальный народ с более чем двухтысячелетней историей, сумевший сохранить свою богатую и неповторимую культуру, ценности и обычаи предков. Этот народ сумел покорить полмира во времена Чингисхана, и даже после распада Монгольской империи монголы не утратили в себе особый дух, воинственный и в то же время миролюбивый, грозный и милосердный – дух степи.

Историки по-разному объясняли феномен монгольского народа, сумевшего подчинить себе огромные территории под предводительством Чингисхана. Кто-то утверждает, что в крови этого народа есть особый ген «завоевателя», а кто-то объясняет такую воинственность особым воспитанием и подготовкой воинов. Так или иначе, монголы обладают качествами, заметно отличающими их от других народов: их храбрость и смекалка навсегда изменили историю мира.

Китайский писатель Цзян Жун в своем романе «Тотем волка» предлагает своё толкование феномена монголов. По мнению автора, все культуры мира можно условно поделить на «волчьи» и «овечьи». «Волчьим» культурам подвластно завоевывать, а удел «овечьих» культур состоит в подчинении более сильным, «волчьим» народам. В своем романе Цзян Жун приходит к мысли о том, что китайцы, ещё не перешедшие на оседлый образ жизни, обладали качествами волка, которые и позволили Древнему Китаю превратиться в могущественную империю. Но со временем, по мере перехода к крестьянству, китайцы утратили эти качества и постепенно стали превращаться из нации «волков» в нацию «овец». В этом автор и видит причину всех политических, социальных и экономических проблем современного Китая, называя состояние, в котором пребывают нынешнее китайцы, «овечьей болезнью». Только высказывает свои идеи Цзян Жун не в

форме философско-исторического трактата, а вкладывает их в канву художественного произведения, вплетая их в захватывающие дух истории о степи и её обитателях, что и делает роман особо популярным не только в Китае, но и во всём мире.

Такое видение истории Китая, безусловно, вызвало негодование многих историков и литературных критиков. Цзян Жуна обвинили в фашизме и фальсификации данных, но число почитателей романа от этого не стало меньшим. Наоборот, миллионы китайцев зачитываются «Тотемом волка» и признают уникальность и неповторимость этого произведения. Роман положительно восприняли и за рубежом, через год после издания он был переведен на несколько иностранных языков, что позволило читателям всего мира познакомиться с загадочной монгольской степью и её главным обитателем – волком.

Роман представляет собой несколько десятков неразрывно связанных между собой «волчьих» историй с напряженным и острым сюжетом, объединенных вокруг главного героя, студента Чень Чжэня, который прибыл во Внутреннюю Монголию в качестве добровольца. Он и ещё трое молодых интеллигентов из-за схожей судьбы, общих взглядов, полной неприязни к радикально настроенным против интеллигенции хунвейбинам в начале зимы 1967 года, составив друг другу компанию, попрощались с шумным Пекином и отправились в степь, чтобы быть поближе к тихой и спокойной жизни кочевого народа. Новым домом студентов становится степь Элунь, а новой семьей – монгольские пастухи-кочевники, живущие жизнью, мало изменившейся за несколько тысяч лет. Постепенно, узнавая обычаи монгольского народа, студенты начинают понимать истоки мистической связи монголов с землей, на которой они живут, с небом, под которым пасется их скот, и со всеми обитателями этого загадочного мира, в центре которого небо-тэнгри и его главный служитель – волк. Прodelав долгий путь от презрения и непонимания «варварских порядков» до преклонения перед

ними, студенты сами становятся частью степного мира, частью степной семьи, в которой царит гармония и умиротворение, недоступное ни одному жителю современного города.

В художественной картине мира романа «Тотем волка» можно выделить два уровня: непосредственная и авторская картины мира. Отражение в произведении непосредственной картины мира представляет собой описание природы степи, культуры и истории монголов, их быта и традиций. Индивидуально-авторская картина мира – это взгляды Цзян Жуна на историю мировой цивилизации, авторская типология наций (деление народов на «волчьи» и «овечьи»), а также своеобразное видение духовных проблем китайского народа. В художественной картине мира романа «Тотем волка» Цзян Жун отразил свое видение человеческой истории, становления китайской государственности и проблем жителей Поднебесной. Неожиданно для многих читателей центральным образом романа стал ненавистный китайцам волк, дух которого был утрачен при переходе к оседлому образу жизни.

Художественная картина мира романа «Тотем волка» построена на противопоставлении «волков» и «овец». Автор неоднократно подчеркивает, что противостояние этих двух образов сыграло значительную роль в истории не только Монголии и Китая, но и всего мира. Цзян Жун поделил народы мира на две группы: народы, обладающие «волчьим духом» и народы, страдающие от «овечьей болезни». Противостояние и взаимопроникновение двух групп, по мнению автора, стало важным двигателем истории и ключевым фактором многих событий, изменивших мир.

Волк – главный тотем монголов, которые считают его не только своим предком и покровителем, но и посланником Неба-Тэнгри для поддержания гармонии между всем живым на земле. Волк для монголов является олицетворением свободы, независимости, величия духа, стойкости и мудрости. Монголов также восхищает сплоченность этих животных, когда

каждый из членов стаи готов пожертвовать жизнью ради своего соплеменника. Именно этому животному поручалась очень важная миссия перевода души умершего на небеса: тело покойного отдавали на съедение волкам, так как по правилам ламаизма считалось, что человеку нужно заплатить своей плотью за съеденное на протяжении жизни мясо живых существ, иначе душа умершего не сможет оказаться на небе.

Главный герой романа Чень Чжэнь выделил десять качеств волка, вызывающих у него восхищение: 勇敢 (смелость), 智慧 (ум), 顽强 (упорство), 忍耐 (терпение), 热爱生活 (любовь к жизни), 热爱生命 (любовь к живому), 永不满足 (нежелание останавливаться на достигнутом), 用不屈服 (непреклонность), 藐视严酷恶劣的环境 (нетерпимость к дурному окружению), 建立起强大的自我 (стремление к формированию сильного «я»). По мнению Чень Чжэна, этих качеств не хватает китайцам, которые предпочитают долго и плохо жить, чем умереть за свободу и независимость духа.

Овцы - полная противоположность волков. Покорные, боязливые, трусливые и глупые животные, которые при «нападении волков не издают ни звука, позволяя волкам спокойно расправиться с ними» («绵羊胆小又愚蠢, 被狼咬开了肚子也吓得一声不吭, 任狼宰割[73]»).

Старик Билиг, один из главных героев романа, не раз подчеркивал отличие монголов и китайцев, образно сравнивая два народа с волками и овцами: «你们汉人胆子太小, 像吃草的羊, 我们蒙古人是吃肉的» [15]. («Вы, китайцы, слишком трусливы, словно овечки, щиплющие траву, а мы, монголы, похожи на волков, которые питаются мясом»). Трусость, покорность, неумение сражаться за себя – вот те черты, которые, по мнению автора, сближают китайцев с овцами.

Главной особенностью овечьего характера является неспособность бороться за жизнь и отстаивать свои интересы. Главный страх овцы – страх

смерти, поэтому, когда её жизни грозит опасность, овца словно приходит в ступор, она неспособна сражаться за свою жизнь и свободу. Цель овцы – сохранить свою жизнь, всё остальное неважно. Поэтому этому животному нехарактерно чувство коллективизма, ответственности перед другими членами стада. Овцы, в отличие от волков, никогда не заступятся за других членов стада, в страхе перед собственной смертью они спокойно могут наблюдать, как погибают другие овцы. Цзян Жун в романе не раз обращается к описанию охоты волков на овец, сопоставляя при этом характеры животных, чтобы на контрасте их поведения ещё раз подчеркнуть, с одной стороны, смелость и коллективизм волков, которые никогда не бросят в беде сородичей, и, с другой стороны, трусость и глупость овец, не думающий ни о чем, кроме спасения своей жизни.

Автор считает, что «волчий тотем» – это верное лекарство от «овечьей болезни», то единственное средство, которое сможет помочь китайцам обрести себя, возродить былое величие духа и наладить гармоничные отношения с окружающим миром. Свободолюбие, независимость, коллективность, жертвенность, стойкость, упорство в достижении цели – вот те качества волка, которые должны возродить в себе китайцы. Уважение к ближнему, умение ценить каждую минуту вольной жизни, любовь к любой, даже самой маленькой частичке окружающего мира, когда человек берет от природы ровно столько, сколько ему нужно, и ничуть не больше – вот те качества, которые утратили китайцы, перешедшие на оседлый образ жизни.

Как бы ни относились критики к роману Цзяна Жун «Тотем волка», ясно только одно: это произведение стало важным шагом в развитии современной китайской литературы. Заставив китайцев говорить о животном, которое они ненавидели на протяжении многих веков, роман «Тотем волка» показал жителям Поднебесной, что им есть чему поучиться у враждебного им животного. Цзян Жун обратил внимание читателей не только на отсутствие у китайцев необходимых для развития нации моральных качеств, присущих «волчьему духу», но и на усугубляющиеся с

каждым годом экологические проблемы, причиной которых стало потребительское отношение китайцев к природе. Цзян Жун надеется, что у китайцев ещё есть шанс побороть в себе «овечью болезнь», искоренить в себе боязливость и покорность и научиться жить в гармонии с природой, возродив в себе утраченный «волчий дух», который позволит Китаю стать по-настоящему великим государством.

ЛИТЕРАТУРА:

1. 姜戎。狼图腾//长江艺术出版社2004年，408页。

Цзян Цюнь (Далян-Минск)

УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ПО КИТАЙСКОМУ ЯЗЫКУ: КОНЦЕПЦИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Уважаемые коллеги, дорогие мои студенты, добрый день!

1-标题

У меня скромный доклад на тему «Учебно-методический комплекс по китайскому языку: концепция и перспективы».

2-报告内容-1

Я здесь просто хотел бы показать всем присутствующим учебно-научный результат нашей деятельности и поделиться планами на будущее кафедры китайской филологии филологического факультета Белгосуниверсита.

3-报告内容-2

Хотел бы рассказать три вопроса:

Что мы сделали.

Что мы делаем

и что мы будем делать.

4-报告内容-3

Во-первых, что мы сделали.

Как один из основателей отделения китайского языка на филфаке я с гордостью говорю, что под руководством деканата мы за десять лет достигали немалых успехов.

5-教学科研成果-1

Мы составили и опубликовали следующие учебники и учебные пособия:

1. Введение в китайскую культуру и литературу (на русском и китайском языках).
2. Лексикология современного китайского языка, Курс лекций
3. Как писать сочинение на китайском языке.

6-教学科研成果-2

- Новые внешнеэкономические операции: Практикум по развитию деловой речи, Часть 1
- Методика преподавания современного китайского языка.

7-教学科研成果-3

- Китайско-русский и белорусский разговорник.
- Китайско-белорусский бизнес-диалог.
- Китайский язык. Практикум по чтению. Для школьников, пятого и шестого класса.

8-教学科研成果-4

Кроме этого, мы еще составили, отредактировали, рецензировали учебники для школьников в Беларуси.

9-教学科研成果-5

Коллектив авторов составил первый в мире профессиональный большой словарь «Русско-китайский и китайско-русский инженерно-механический словарь», изданный в Китае.

10-教学科研成果-5-1

Несколько слов о составителях словаря. Главный составитель - это я. Второй автор - это Чжан Мин, доцент Даляньского политехнического университета, которая учила и работала на филфаке БГУ, 刘婷婷 работала здесь, 张昕悦 и 曲艺 сейчас здесь работают. А иностранные авторы - три аспиранты ДПУ, и все они окончили в БГУ.

11-教学科研成果-5-2

Словарь.

12-教学科研成果-8

За эти годы после создания отделения китайской филологии мы написали, опубликовали в журналах, материалах международных конференциях по теме обучения китайскому языку как иностранному больше 30 научных статей. Эти статьи не только на русском языке, но и на китайском, на английском.

13-报告内容-4

Второй вопрос, что сейчас мы делаем.

14-我们在做什么-1

Мы уже составили два учебных пособия и готовы к печати:

Первое пособие «Краткая грамматика китайского языка как иностранного» на русском и на китайском языках. Это учебное пособие написано в соответствии с учебной программой филфака БГУ, разработанной специально для предмета «теоретическая грамматика» отделения китайского языка и литературы.

Второе – это «Новые внешнеэкономические операции: Практикум по развитию деловой речи, вторая часть».

15-我们在做什么-2

Мы еще авторским коллективом перевели книгу «История Беларуси» с русского языка на китайский.

16-报告内容-5

Третий вопрос, что мы будем делать.

17-我们将做什么-1

В связи с тем, что отделение китайского языка и литературы в Республике Беларусь открыто не так давно, а учебные программы и учебные материалы только начинают разрабатываться, поэтому нам нельзя успокаиваться на достигнутом. Мы будем работать в рамках научно-исследовательской темы «Китайско-восточнославянские языковые и литературные связи: синхрония и диахрония» и по теме «Гуманитарное образование в подготовке студентов по специальности «китайский язык и литература» в рамках международного сотрудничества.

18-我们将做什么-2

Прежде всего мы будем составлять ряд учебных пособий для теоретических курсов на кафедре китайской филологии Белорусского государственного университета. Это будут: 1) «Теория и практика перевода»; 2) «Фонетика современного китайского языка» (на китайском и русском

языках); 3) «Стилистика китайского языка для русскоговорящих»; 4) «Хозяйственные дела в Китае» (это книга для чтения, будем использовать на спецкурсе для 4 и 5 курса. 中国事务). Все эти пособия мы будем писать с преподавателями Института международного образования и Института иностранных языков Даляньского политехнического университета.

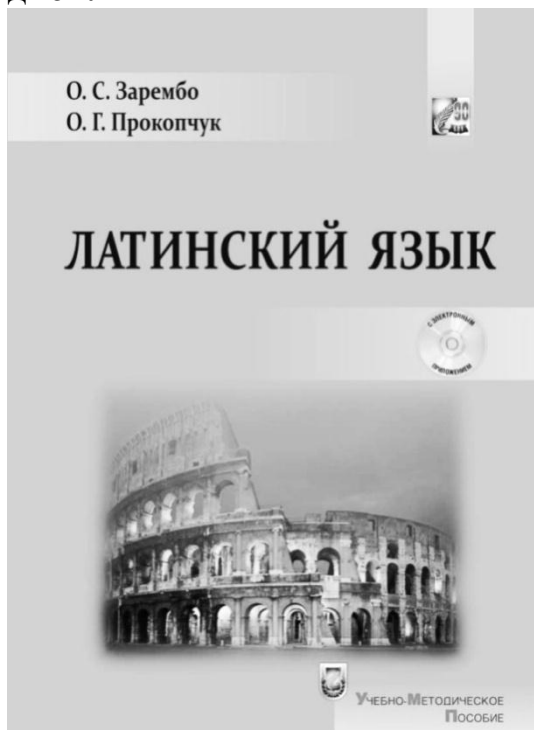
19-谢谢

Спасибо за внимание!

ПРЕЗЕНТАЦИЯ УЧЕБНОЙ И МЕТОДИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Прокопчук О.Г., Тананушко К.А. (Минск)

Зарембо, О. С. Латинский язык: учеб-метод. пособие: (с приложением CD) / О. С. Зарембо, О. Г. Прокопчук; под ред. Г. И. Шевченко; ред. аудиоверсии К. А. Тананушко. – Минск: БГУ, 2011. – 171 с. + 1 электрон. диск.

В связи с появлением на филологическом факультете БГУ групп китайских студентов перед кафедрой классической филологии встала задача создать такое учебно-методическое пособие по латинскому языку, которое поможет в объеме 34 аудиторных часов максимально эффективно ознакомить китайских студентов не только с грамматикой латинского языка в сопоставлении с аналогичными явлениями русского языка, но и дать им представление об античной культуре как истоках европейской цивилизации.

Таким образом, авторы при написании пособия ставили перед собой следующие цели:

- облегчить усвоение латинской фонетики китайскими студентами (для чего было создано электронное приложение в виде CD с аудиозаписями текстов, афоризмов и слов для запоминания);
- изложить грамматический материал в четкой тематической последовательности с использованием схем, таблиц, наглядных рисунков,

цветных выделений словообразовательных и словоизменительных морфем для наглядности;

- облегчить китайским студентам усвоение как латинской лексики, так и лексики русского языка, имеющей интернациональные корни;
- показать место и значение латинского языка среди индоевропейских языков, его роль в европейской и мировой культуре.

Исходя из поставленных задач, авторы приняли решение, что пособие будет иметь поурочную структуру. Весь курс латинского языка разделен между 34 занятиями. Каждое занятие содержит:

- грамматический материал;
- упражнения на закрепление грамматического материала;
- отдельные предложения для перевода;
- связные тексты для перевода;
- афоризмы;
- слова для запоминания (с дериватами в русском языке);
- культурологический экскурс.

1. Грамматический материал. В начале каждого занятия дается грамматический материал. Авторы сочли целесообразным сосредоточить внимание студентов на наиболее важных и существенных фактах латинской грамматики и синтаксиса, оставляя сравнительно немного места исключениям и особенностям. Грамматический материал систематизирован и представлен в виде наглядных схем, таблиц и перечней. Принятое в пособии цветное выделение суффиксов и флексий позволяет активизировать зрительную память студентов и облегчить им запоминание и понимание грамматических моделей латинского языка. Схемы образования форм выделены голубой заливкой. Окончания в парадигмах склонения и спряжения – красным цветом, формообразовательные суффиксы – фиолетовым цветом. Картинки, иллюстрирующие грамматический материал, способствуют лучшему его запоминанию. В ряде случаев грамматический материал снабжен методическими рекомендациями (например, по грамматическому анализу предложения, по переводу форм страдательного залога, по согласованию прилагательных с существительными).

2. Упражнения для закрепления. Параллельно с изучением грамматических тем студентам предлагаются упражнения, рассчитанные на закрепление полученных знаний. Упражнения даются как на закрепление пройденных грамматических тем, так и на усвоение нового лексического материала.

3. Предложения и тексты для перевода. Вслед за грамматическим материалом и упражнениями для его закрепления в каждом занятии даются постепенно усложняющиеся предложения и тексты на латинском языке. Тексты и диалоги подобраны таким образом, чтобы сообщить иностранным студентам некоторые сведения по истории и культуре античного мира, закрепить освоение лексического минимума, выработать навыки филологического анализа иноязычного источника.

4. Латинские афоризмы. В каждом занятии также приводятся латинские афоризмы с комментариями. Даются эквиваленты из русской фразеологии. Работа с афоризмами позволяет расширить познавательный-образовательный аспект в изучении латинского языка.

5. Слова для запоминания. В этой рубрике приводятся слова, которыми необходимо владеть активно и от которых следует знать ряд значимых дериватов в русском языке. Работа со словами для запоминания позволяет облегчить иностранным студентам сознательное усвоение как латинской лексики, так и лексики русского языка: для запоминания авторами подобраны наиболее употребительные для формирования запаса латинской лексики слова, продуктивные в образовании словарного состава русского языка и интернациональной терминологии, приводятся их дериваты в русском языке.

6. Культурологический экскурс. В каждом занятии приводятся также культурологические экскурсии с целью показать иностранным студентам роль латинского языка и древнеримской культуры в европейской и мировой культуре, показать им истоки европейской цивилизации. Приводятся сведения из античной мифологии, даются исторические справки, рассказывается об основных персоналиях античного мира, уделяется внимание военному искусству римлян, приводятся сведения об истоках европейского образования, есть культурологические экскурсии на тему быта древних римлян.

Кроме того, пособие включает **латинско-русский словарь**, в котором содержится вся лексика из упражнений и текстов для перевода, а также оформленный в виде приложения **грамматический справочник**, целью которого является систематизация грамматического материала.

К учебному пособию прилагается **электронное приложение** – CD с графическим пользовательским интерфейсом. На диске имеются аудиозаписи предложений для перевода, текстов, афоризмов и слов для запоминания из всех 34 занятий; программа для воспроизведения аудиофайлов; pdf-версия учебного пособия. Целью записи CD было помочь китайским студентам в кратчайшие сроки научиться правильно произносить латинские слова.

Данное учебно-методическое пособие включено в Рабочую программу и используется как основная учебная литература при преподавании латинского языка в группах иностранных студентов на филологическом факультете БГУ. Кроме того, пособие проходит апробацию в Китайской Народной Республике, где с октября 2011 г. преподаватель кафедры теоретического и славянского языкознания М. А. Фоменкова преподает в Гань-Гуньском университете латинский язык с использованием материалов данного учебного пособия.

Пособие имеет гриф Учебно-методического объединения высших учебных заведений Республики Беларусь по гуманитарному образованию.

Молоткова Ю.В. (Минск)

Пособие для учащихся 5-6 классов учреждений общего среднего образования с белорусским и русским языками обучения «Практикум по чтению» для использования на факультативных занятиях по китайскому языку (авторы Ю.В. Молоткова, И.А. Серегина).

Данное пособие было разработано в соответствии с требованиями программы 2009 года, согласно которой целью обучения является развитие умений трех видов чтения: поискового, ознакомительного и изучающего. Несмотря на то, что в пособии имеются задания, направленные на развитие умений всех трех видов чтения, тем не менее, наибольшее внимание в нем уделяется развитию умений изучающего чтения.

Наиболее предпочтительным для школьных условий, как показали исследования и опыт работы, являются рассказы или относительно законченные отрывки из художественной литературы. Поэтому среди

отобранных текстов большую часть составляют именно рассказы, сказки, стихотворения, скороговорки, шутки, рифмовки.

В соответствии с основными компонентами чтения (или этапами работы над текстом), которые включают текст, задание перед чтением и контроль понимания, была выбрана следующая структура урока:

Предтекстовые задания: ознакомление с новой лексикой, чтение и изучение микротекстов (загадок, стихотворений и т.д.) аналогичного содержания или содержащие в себе новую лексику; задания, направленные на актуализацию имеющихся знаний по изучаемой теме урока; задания прогностического характера, например, предположите, о чем пойдет речь дальше или как будут развиваться события в дальнейшем и т.д.

Текстовый этап: непосредственное изучение текста, подробный разбор новых лексических и грамматических явлений, перевод в случае необходимости.

Послетекстовый этап: задания на контроль понимания содержания и основной идеи автора. Данные задания направлены на развитие основных умений, которые лежат в основе трех видов чтения. Одни из них связаны с пониманием содержания текста, другие – с осмыслением и переработкой:

- умение выделять в тексте основную мысль (наиболее важные факты, цифровые данные и т.д.);
- умение обобщать прочитанное, отделять главное от второстепенного, новое от известного;
- умение соотносить между собой отдельные части текста, устанавливать связь между ними; группировать основные факты / события;
- умение формировать суждения относительно замысла текста и его дальнейшего развития;
- умение уточнять понимание содержания с помощью анализа;
- умение восстанавливать пробелы в понимании;
- ставить вопросы;
- составлять планы и схемы и т.д.

Исходя из умений, которые необходимо развивать у учащихся, предлагаются соответствующие задания: вопросы по содержанию текста, исправление ошибок, заполнение пропусков, соединение слов, составление предложений из данных слов, расположение предложений в порядке следования в тексте, пересказ историй от имени различных героев, рассказ своих собственных историй по аналогии с изученными текстами и т.д.

В 6 классе обучение продолжается по аналогичной схеме. Однако тексты становятся немного больше по объему, инструкции к заданиям уже не переводятся на русский язык.

В конце пособия имеется словарь новой лексики, которая предлагается для обязательного изучения, а также та, которая приводится в уроках в качестве дополнительной. Словарь разделен на две части по классам 5 и 6.

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии.....	
Хмяльніцкі М.М. (Мінск)	
Кітаістыка на філалагічным факультэце БДУ.....	
Шамякина Т.И. (Минск)	
Европейская и китайская усадьба.....	
Казакова И.В. (Минск)	
Белорусская и китайская свадьбы: сравнительный аспект.....	
Рагойша В.П. (Мінск)	
Падарожжа Максіма Танка ў Кітай (паводле “Дзённікаў” паэта).....	

Кабржыцкая Т.В. (Мінск)

Ля вытокаў літаратурнага ўзаемазацікаўлення: першыя крокі кітайскай украіністыкі і Тарас Шаўчэнка, першыя ўкраінскія і беларускія пераклады кітайскай літаратуры.....

Игнатович Т.В. (Минск)

Обучение китайских студентов русской речи в аспекте культурологического подхода.....

Манкевіч А.А. (Мінск)

Постаці місіянераў ва ўспамінах Іосіфа Германовіча (Вінцука Адважнага) “Кітай – Сібір – Масква”.....

Кенька М.П. (Мінск)

Асаблівасці перакладу з кітайскай мовы на беларускую.....

Молоткова Ю.В. (Минск)

Принципы обучения студентов языкового вуза иероглифической системе письма на китайском языке.....

Букатая А.М. (Минск)

Теории и проявления идентичностей.....

Вэй Вэй (Минск)

Лингвокультурологическая реализация образа Китая в русском национально ориентированном публицистическом тексте.....

Нечипорук Д.Б. (Минск)

Сходства и различия в системе взглядов белорусского и китайского народов).....

Карлюкевіч В.А. (Мінск)

“Жоўтая кніга”: унікальная з’ява кітайскай перакладной літаратуры 50-70-х гг. XXст.....

Холево А.Н. (Минск)

Роман Цзян Жуна «Тотем волка»: волки и овцы

Цзян Цюнь (Далян-Минск)

Учебно-методический комплекс по китайскому языку: концепция и перспективы.....

Презентация учебной и методической литературы.....